

МО
ССА
ЛИТ
МО
ССА
ЛИТ
МО
ССА
ЛИТ

BAZAR

№ 1 (26) 2018

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

*Tous les genres sont bons,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

В музыке только гармония есть...

Однажды я случайно попала на концерт замечательного органиста. Прогуливалась по Вене и решила зайти в собор, который оказался на моем пути. Собор как собор, втиснутый в современное городское пространство, довольно мрачный, с пустыми серыми стенами, без излишней лепнины и барочных украшений – типичная средневековая готика. Одно из тех мест, попадая в которые, ты вдруг проваливаешься на несколько столетий назад. Каменные стены надежно охраняют пространство от звуков большого города, а витражи рассеивают свет, наполняя пространство легкими сумерками. В таких соборах, днем никого не встретишь. Там нет знаменитых фресок, привлекающих туристов, нет священных реликвий. Их задача – просто немного приблизить человека к Богу. К самому себе.

Я села на скамейку и постаралась заглушить все мысли, чтобы хоть ненадолго изгнать из сознания повседневную суету. И тут зазвучал орган. Такое бывает довольно часто в католических соборах – органисты упражняются, отыгрывают произведения к предстоящей службе. Но в этот раз все было по-другому. В этот раз в потрясающем исполнении прозвучали величайшие произведения, написанные для органа различными композиторами, включая, конечно, фуги и пассакалью Баха. Это было великолепно! Я все время ждала, что вот-вот закончится этот неожиданный концерт, а органист играл и играл. Добрых два часа я была единственным слушателем этого волшебного концерта.

Оказалось, я попала на генеральную репетицию концерта, который состоялся на следующий день. А мне просто повезло, и я стала случайным слушателем.

Из собора вышла под огромным впечатлением и даже не сразу поняла, что мне в глаза бьет солнце, и мимо, сигналив, пролетают автомобили, и я давно уже не в царстве музыки, а в обычной жизни.

И вот я шла по городу и думала о музыке.

Как явление музыка восхищала меня всегда. До глубины души поражала мое воображение. Примерно как звездное небо Канта. Что есть музыка? Ничто. Воздух. Просто звучащий воздух. У нее нет ни запаха, ни вкуса, ни цвета, ни веса. Мы не видим ее и даже не знаем, как она выглядит. Только слышим. Но при этом, вдыхая этот звучащий воздух, мы испытываем море эмоций вплоть до физических, до экстаза, даже до рыданий. Он поглощает нас, этот «звуковоздух», проглатывает, поработывает, не оставляет места ни для каких других чувств.

А ведь мы даже не можем быть уверены, что музыка существует. Может, нам все это просто кажется? Может, это плод нашего коллективного воображения, массовый гипноз? Мы же не знаем, как именно слышат люди одну и ту же мелодию, может, как-то по-разному, поэтому одни уверяют, что мелодия божественна, а другие на это удивленно пожимают плечами.

Есть, правда, люди, которые музыку видят. Они называются синестеты, а само явление – синестезия. Музыка предстает перед такими счастливицами в цвете. А вот глухие вообще не

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

слышат музыки. А может, она все-таки приходит к ним, например, во сне, просто они не знают, что это музыка. Музыка нельзя пощупать, измерить, отрезать. Ее невозможно купить, как бы богаты мы ни были. Можно лишь приобрести носитель, на котором она записана. Но ведь не заявишься в магазин и не скажешь: «Взвесьте мне 300 граммов мажорчика и 50 граммов минора» – невозможно. Музыка неосвязаема.

Тогда почему от соприкосновения с ней по телу бегут мурашки? Ведь не определишь, шершавая она или гладкая, сладкая или соленая, сухая или влажная, большая или маленькая. Но при этом мы как-то понимаем, что именно эта музыка – легкая, а эта – тревожная, а вот эта – печальная. А иногда и вовсе подозреваем, что вместо музыки нам подсунули какую-то халтуру. Но с чего мы, собственно, взяли, что вот это весело, а это грустно? Откуда это следует?

Если песня, то понятно: девушка утонула и ее брэнное тело тихо плывет и на волнах качается. Печально, слезы на глаза набегают. А если слов нет? Почему мы решили, что это произведение веселое, а это грустное? Что именно это мажор, а это минор? А еще бывает так: чистый мажор, и из названия-то оно следует, и вдруг откуда ни возьмись вкрапляется такая тоска! Мы же это как-то чувствуем. Нам никто не объясняет, что вот здесь, в этом самом месте, будет грустно. У Моцарта всегда так, даже в самой веселой мелодии вдруг острая боль – на мгновение, но будет. Кто-то сказал, что музыка – это язык, на котором с нами разговаривает Бог. Может, это все объясняет? Когда слушаем музыку, мы становимся слепыми, реальность ускользает, музыка погружает нас в другие миры, существующие или нет – мы не знаем точно; она открывает портал в древний и глубокий мир, о котором мы храним генетическую память. Музыка – это код. Связь со Вселенной. Мне кажется, даже если человечество погибнет, музыка останется. Собственно, люди изобрели не саму музыку, а лишь инструменты, чтобы она стала доступна человеческому уху...

Так что слушайте музыку и наслаждайтесь общением с Богом!

Ваша Светлана Сударикова

Ольга Дёмина. После дождя 2, Друскининкай, 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- **«ЧУДЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК САША РАЗУМОВСКИЙ!»**
О писателе и драматурге Александре Разумовском

6

ПРОЗА

НАТАЛИЯ БУКАН (Санкт-Петербург)

- *ДОЛГИЙ ПУТЬ*
- *БУСЫ ДЛЯ ТАИСИИ*
- *ШИПОВНИК*

14

17

21

СВЕТЛАНА КУЛИКОВА (Москва)

- *ДАРЫ ПОЛНОЛУНИЯ*
- *«СКВОРЕЧНИК» ДЛЯ ЖЕНИХА*

23

31

ИГОРЬ КОЛЕСНИКОВ (Ангарск, Иркутская обл.)

- *ПРОГУЛКА*

35

АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК (Одесса, Украина)

- *КРАСНЫЕ БОСОНОЖКИ*

40

ТАТЬЯНА ПОПОВА (Москва)

- *АНТОНОВКА*

45

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

ЕЛЕНА ГАЛУСТОВА (Москва)

- *СЛУЧАЙНОЕ СЧАСТЬЕ (сатирическая сказка). Пьеса*

52

ПОЭЗИЯ

АРКАДИЙ ЛЯХОВЕЦКИЙ (Кобленц, Германия)

60

ВИКТОРИЯ СОЛОВЬЕВА (Красноярск)

66

ИРИНА ХАНУМ (Севастополь)

70

ЛЮДМИЛА КЛЁНОВА (Ашкелон, Израиль)

76

ЛЮДМИЛА ЦАРЮК (СЕМЁНОВА) (Московская обл.)

80

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

**ОЛЬГА ДЁМИНА: «Я ПЫТАЮСЬ ЗАОСТРИТЬ ВНИМАНИЕ
ЗРИТЕЛЯ НА КАКОЙ-ТО ИЗЮМИНКЕ В ОБЫКНОВЕННОМ...»**

Интервью с автором цикла фоторабот «Разная вода»

85

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЛЮБОВЬ ГАРКУША (Сербия)

- ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАРОЙ СКАЗКИ
- МАША И БАРСИК
- ДНЕВНИК ОДИНОКОГО НОСКА

92

94

96

СМЕХОТЕКА

НАДЕЖДА СРЕЛКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ТОЛИНА ПЕРЛОВКА

97

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- БАИНЬКИ, или СОН ВО БЛАГО

99

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ (МОССАЛИТ, Москва)

- ХРОНИКИ ШКИПЕРА. Киклады. Часть 3 (Продолжение)

102

В оформлении журнала использованы репродукции картин М. К. Эшера, фотографии О. Дёминой из серии «Разная вода», рисунок А. Народицкой.

На обложке фотография Ольги Дёминой «В зеркале», Друскининкай, 2017 г.

Ольга Дёмина. Привет, соседи! Друскининкай, 2017 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

«Чудесный человек Саша Разумовский!»

О писателе и драматурге Александре Разумовском

В своей статье¹ о бабушке Зиновии Семеновне Маркиной² я написала, что из архивных записей, писем, выдержек из мемуаров современников, из обрывков воспоминаний – моих собственных и других родственников – у меня начала складываться удивительная картина величия людей, стоящих у истоков русской культуры первой половины XX века. Именно работа с архивами и анализ творческого пути представителей старшего поколения нашей семьи позволили сделать множество поразительных открытий. Одно из таких открытий – личность Александра Владимировича Разумовского, мужа бабушки Зиновии.

Александр Владимирович Разумовский³ (1907, Петербург – 1980, Ленинград), писатель, драматург, сценарист⁴, режиссер. Член Союза советских писателей. Автор около 60 сценариев к научно-популярным, документальным и учебным фильмам. Лауреат Сталинской премии 2 степени (1951).

¹ См. статью О. Грушевской «Она шла по жизни “...по-мужски уверенно и по-женски влюбленно, служа кинематографу, как главному делу своей жизни”» о З. С. Маркиной («Московский BAZAR» № 3 (27) 2017 г.).

² Зиновия Семеновна Маркина (1904–1992) – актриса, кинодраматург, лауреат Сталинской премии 2 степени (1941). Автор более 70 сценариев к художественным, научно-популярным и учебным фильмам.

³ Здесь приведен текст о А. В. Разумовском на основе моей статьи в Википедии, адаптированной для МВ (примеч. авт.).

⁴ Сценаристы советского художественного кино, 1917–1967, справочник, изд-во «Искусство», М., 1972, с. 296.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

О дяде Саше я слышала с самого детства, но, к сожалению, никогда его не видела. Он умер в возрасте 73 лет в Ленинграде, и последние лет 10 до своей смерти с бабушкой они вместе не жили – дядя Саша был коренной ленинградец и безвыездно жил в любимом городе в писательском доме на Широкой (Санкт-Петербург, улица Ленина, 34).

Долгое время Зиновия и Александр жили вместе, и жили счастливо: бабушка была яркой, эмоциональной, взрывной, ревнивой, а дядя Саша, по словам моей мамы, знавшей его лично, спокойным, уравновешенным, податливым – они хорошо дополняли друг друга. Бабушка приезжала и месяцами работала в Ленинграде, и дядя Саша тоже подолгу жил в Москве и во Внукове⁵. Но все же каждого тянул свой город – Зиновия, несмотря на то, что родилась в Колпине⁶ и часто приезжала в Ленинград, была истинной москвичкой, а дядя Саша – истинным петербуржцем. К тому же у каждого из них были свои дела, ведь они были неординарными личностями, востребованными и связанными множеством творческих и деловых отношений. Конечно, они каждый день созванивались, конечно, писали друг другу письма, полные любви, тревоги и ревности, однако проживание в разных городах, сложность в общении и насыщенная индивидуальная творческая жизнь сделали совместную жизнь проблематичной.

*Зиновия Маркина,
жена А. В. Разумовского*

А. В. Разумовский

Бабушка уважала Александра Владимировича за его интеллигентность и особую одаренность, часто о нем вспоминала и много рассказывала, поэтому, хотя я и не видела его ни разу, все равно всегда чувствовала его присутствие, и он навсегда остался членом нашей семьи и любимым мужем Зиновии.

Но давайте перейдем к творчеству Александра Владимировича, которое является предметом особого внимания.

Александр Разумовский начал писать стихи и прозу уже в юности и даже пробовал себя в драматургии. В 1927 году Саша поступил на высшие курсы искусствоведения при Институте истории искусств (ГИИС), а чуть позже перевелся на киноотделение. Тогда же он вошел в литературно-театральную группу ОБЭРИУ, известную как «Объединение реального искусства», существовавшую в Ленинграде в 1927 – начале 1930-х годов.

⁵ Дача З. Маркиной в ДСК «Московский писатель», Внуково.

⁶ Поселок Колпино в Санкт-Петербургской губернии.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Здесь сделаем небольшое отступление и скажем несколько слов об этом культурном течении, которое не прошло незамеченным в начале XX века. В группу входили такие поэты и писатели, как Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий, Константин Вагинов, Юрий Владимиров, Игорь Бахтерев, Дойвбер (Борис Михайлович) Левин. Обэриуты декларировали отказ от традиционных форм искусства, необходимость обновления методов изображения действительности, культивировали гротеск, алогизм, поэтику абсурда. В своем манифесте приверженцы этого направления заявляли: «Кто мы? И почему мы?.. Мы – поэты нового мироощущения и нового искусства... В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его. Конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи, делается достоянием искусства. В поэзии – столкновение словесных смыслов выражает этот предмет с точностью механики».

Среди особенностей построения текста наблюдались настоящие языковые и речевые аномалии, отсутствие логики и даже намеренные орфографические ошибки. Обэриуты утверждали, что наряду с существующими четырьмя значениями предмета (начертательным, эмоциональным, целевым и эстетическим), которые закрепляют отношения между человеком и предметом, необходимо ввести еще и «пятое значение», которое определяется самим фактом существования предмета и обеспечивает ему полную свободу, освобождая от условных связей. То есть слово рассматривается как предмет, а предмет – как слово: «...за кончик буквы взяв, я поднимаю слово шкаф».

Важнейшим принципом обэриутов являлась релятивность, то есть сохранение опровергаемого элемента текста. В качестве примера литературоведами часто приводится рассказ Хармса «Четвероногая ворона»: «У вороны, собственно говоря, было пять ног, но об этом говорить не стоит». Или рассказ Хармса «Голубая тетрадь № 10», где «Был один рыжий человек...», который затем оказывается человеком, у которого вообще не было волос, ушей, рта и внутренностей, и заканчивается повествование словами: «Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь. Уж лучше мы о нем не будем говорить».

Николай Заболоцкий

Даниил Хармс

Александр Введенский

И вот молодой Александр попадает в такое необычное окружение экспериментаторской поэтики, где его друзьями становятся Д. Хармс, И. Бахтерев, А. Введенский, Н. Заболоцкий, составлявшие ядро объединения. Обэриуты тогда провозгласили себя «творцами не только нового поэтического языка, но и создателями нового ощущения жизни и ее предметов». Группа начала складываться еще в 1925 году под неофициальным названием «Чинари», а костяк

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

сформировался в 1926 году, когда возникла группа «Левый фланг», в 1927 году взявшая название «Академия левых классиков», а затем – ОБЭРИУ.

24 января 1928 года в ленинградском Доме печати прошло первое публичное выступление обэриутов – «Три левых часа», в котором молодой Разумовский принял непосредственное участие. «Три левых часа» состояло из трех частей: час первый включал выступление поэтов А. Введенского, Д. Хармса, Н. Заболоцкого, К. Вагинова, И. Бахтерева; час второй – показ спектакля по пьесе Д. Хармса «Елизавета Бам»⁷; час третий представлял собой показ монтажного кинофильма «Мясорубка», созданного Александром Разумовским и Климентом Минцем. Вел вечер Александр Введенский. Фильм-этюд Разумовского и Минца был экспериментальным и носил антивоенный характер, но для широкого показа картина не предназначалась именно ввиду первого эксперимента в этой области. Александр Разумовский выступил в нем как автор сценария и режиссер.

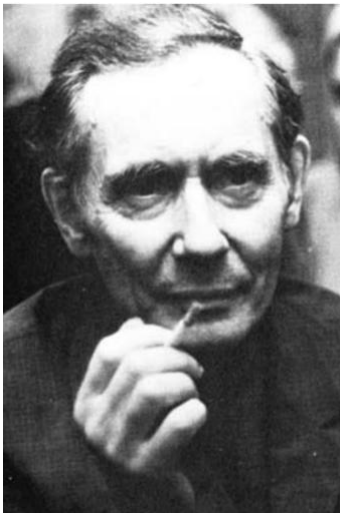
Афиша вечера «Три левых часа»

В комментариях к дневниковым записям⁸ Даниила Хармса можно найти следующее: «Как известно, Разумовский был назначен ответственным за третий час вечера “Три левых часа”, открывавшийся его “вечерним размышлением о кино”. После чего был показан их совместный с Климентом Минцем “Фильм No. 1 «Мясорубка», коллажированный из обрезков кинолент, который “начинался зрелищем очень долго, в течение нескольких минут, идущего на зрителя поезда, импровизационно сопровождавшегося гаммами, которые Бахтерев играл на рояле. “Специальную музыкальную иллюстрацию к фильму” исполнял Джаз Михаила Курбанова. После этого Разумовский отошел от “левого искусства”».

И действительно, Александр отошел от обэриутов и решил заняться драматургией и сценарным искусством. В 1930 году он окончил Институт истории искусств и был направлен на киностудию «Туркменкино», где написал свой первый «официальный» сценарий «Кочевье», правда, фильм не был снят из-за отсутствия пленки.

⁷ Композиция Д. Хармса, И. Бахтерева и Б. Левина. Декорации и костюмы И. Бахтерева. Роли исполняли Грин (А. Я. Гольдфарб), Павел Маневич, Юрий Варшавский, Е. Вигилянский, Бабаева и Этингер.

⁸ Даниил Хармс. Дневниковые записи http://lib.ru/HARMS/xarms_diaries.txt

*Игорь Бахтерев,
драматург, литератор*

Через год, в 1931 году, он вернулся в Ленинград, где занялся журналистикой и вновь пересекся с Игорем Бахтеревым. Это была судьбоносная встреча, положившая начало их долгому плодотворному творческому союзу. Они создали много совместных работ: статьи, очерки, пьесы, книги для детей и юношества. Вместе с Игорем Бахтеревым в 1938 году была написана, а в 1939 году поставлена первая их совместная пьеса «Полководец Суворов», которую высоко оценил Сталин, и у авторов появился могущественный покровитель.

Позже Разумовский и Бахтерев написали пьесы «Русский генерал» (1944), «Двойная игра» (1951), «Откровение в бурю» (1962), «Ровно в полночь» (1964) и др.

*Историческая пьеса
"Полководец Суворов" в 5 актах,
написана И. В. Бахтеревым в
соавторстве с А. В. Разумовским.
Издательство: "Искусство" (1949)
Формат: 60х92/32, 128 стр.*

Соавторы иногда подписывались псевдонимом Б. Райтонов, а в соавторстве с Н. Никитиным – псевдонимом Брайтонов.

*Афиша фильма
«Александр Попов», 1949 г.*

В 1949 году по сценарию Александра Разумовского вышел историко-биографический фильм «Александр Попов» о жизни и деятельности русского ученого, изобретателя радио. В фильме снимались известные актеры того времени: Николай Черкасов, Александр Борисов, Бруно Фрейндлих, Осип Абдулов, Ефим Копелян и другие. Картина имела большой успех и в 1951 г. была отмечена Сталинской премией 2 степени.

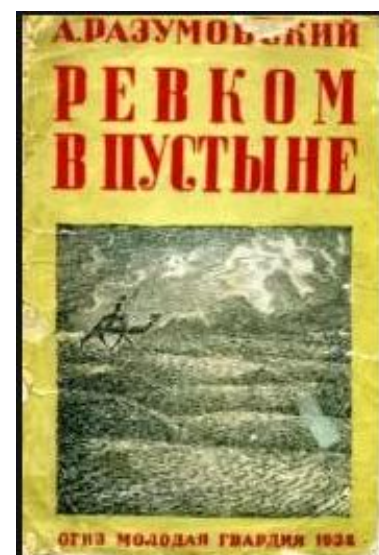
Кадры из фильма «Александр Попов»

Разворот издания
«Звезды немого кино», 1968 г.

Александр Владимирович писал очень много, не только пьесы и сценарии, но и новеллы, повести. Он сотрудничал с «Киногазетой» и журналом «Жизнь искусств», где печатались его очерки о театре и кино, истории искусства. Разумовский был большим знатоком международного кинематографа, хорошо знал звезд мирового кино, к числу его любимцев относились в первую очередь Дуглас Фэрбенкс и Пирл Уайт. О них он написал главы, вошедшие в 1968 году в сборник «Звезды немого кино»⁹. Интересной была и его статья об Уоллесе Бири, оscarовском лауреате, снявшемся почти в 250 фильмах.

По предложению Самуила Яковлевича Маршака Разумовский написал книги и для детей. В 1932 году в «Молодой гвардии» вышла книга «Бибармейцы», посвященная застрельщикам биб-эстафеты – пионерам Ленинграда; а чуть позже в том же году вышла повесть для среднего и старшего возраста «Ревком в пустыне».

Книга А. Разумовского
«Ревком в пустыне»

При работе над материалами о дяде Саше Разумовском я нашла ряд интересных воспоминаний о нем. Например, ректор и профессор кафедры русского театра Российского государственного института сценических искусств Александр Чепуров так о нем пишет:

«“театральные” беседы вел со мной и другой обитатель нашего дома – Александр Владимирович Разумовский. С ним мы разговаривали в ожидании приема к врачу-ларингологу Нине Викторовне Олисовой, которая консультировала в писательской поликлинике... Я знал, что А. В. Разумовский являлся соавтором знаменитой пьесы о полководце Суворове, поставленной во многих театрах страны, но совсем в то время не знал, что этот горбатенький человек, который одиноко жил в своей однокомнатной квартире на первом этаже в соседней парадной, связан со знаменитыми обэриутами, был автором сценариев их киноинсталляций и манифестов...»¹⁰

⁹ Разумовский А. Пирл Уайт [Текст] / А. В. Разумовский // Звезды немого кино: [сборник] / авт. предисл. Э. М. Арнольди. - М.: АСТ, 2008. - С. 145-170 : фот. (1). - Другое издательство: Зебра ЕВладимир: ВКТ. - ISBN 978-5-17-054370-0/.

¹⁰ Люди: Писательский дом на Широкой <http://baba-deda.ru/news/2587>

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Имеются воспоминания об Александре Разумовском и нашей бабушке – его жене Зиновии Маркиной, у Алексея Дмитриевича Симукова¹¹ в записках «Чертов мост, или Моя жизнь как пылинка Истории: (записки неунывающего)». Вот небольшой отрывок из них: «...В общем, спустя немалое время мы прибыли в Ташкент. Встречала нас Зина Маркина¹². О, это была женщина-динамит, так я ее прозвал. Она организовала отправку первого эшелона с нашими семьями, она помогла устройству всех и теперь. По профессии сценаристка, автор сценария известного фильма “Комсомольск”, она легко справлялась с трудностями, обрушившимися на каждого из нас. Впоследствии она прославилась тем, что построила в Москве на улице Усиевича прекрасный многоэтажный дом, там теперь на первом этаже – Литфонд.

Тогда молодая, интересная, полная жизненных сил, Зина Маркина привлекала внимание мужчин, и немудрено, что в свое время ею увлекся Саша Разумовский, написавший в соавторстве с Игорем Бахтеревым интересную пьесу “Суворов”, которая шла в Камерном театре.

Он был из тех самых Разумовских, потомков брата фаворита императрицы Елизаветы Петровны. Правда, женившись на зубном враче, которая родила ему двух сыновей, Сашу и его брата, их отец несколько “испортил” кровь. Саша как-то с улыбкой рассказал нам о том, как определенная картавость, полученная его братом-профессором в наследство от матери, привела к инциденту в магазине. Выразив свое неудовольствие по поводу обслуживания, он в ответ получил нелестную реплику о “сынах Израилевых” в более примитивном выражении, которые “повсюду вмешиваются”. На это возмущенный профессор, грассируя, воскликнул:

– Я не евгей, я – ггаф!

Саша же прославился тем, что вел через всю Москву до своей дачи корову, веткой отгоняя от нее мух. Корову купила Зина, которая стала его женой.

Я жалею, что не видел этой картины. Она достойно вписывалась в нашу бурную жизнь того времени. Ведь Саша был «обэриутом», то есть членом литературного содружества “Объединение реального искусства”. Шествие с коровой по своей экстравагантности вполне соответствовало поэзии Даниила Хармса, Николая Заболоцкого, было сродни музе Александра Введенского – товарищей Разумовского по этому объединению. Ибо смысл их поэзии был вполне реален, несмотря на причудливость формы. В данном случае – нужно было молоко, молоко находилось в корове, корову необходимо было доставить на дачу – все реально. И еще – веточка!

Чудесный человек Саша Разумовский! Его далекий предок Грицко Розум прав был, хватаясь, бывало, за свою хмельную голову: “Що за голова, що за розум!” Причудливый, но вполне реальный разум сохранился у его потомка. Поэтические искания и сопровождение коровы было для него нормальным сочетанием».

¹¹ А. Д. Симуков – советский драматург, киносценарист. Автор многих пьес и киносценариев, ведущий семинаров в Литературном институте им. А. М. Горького.

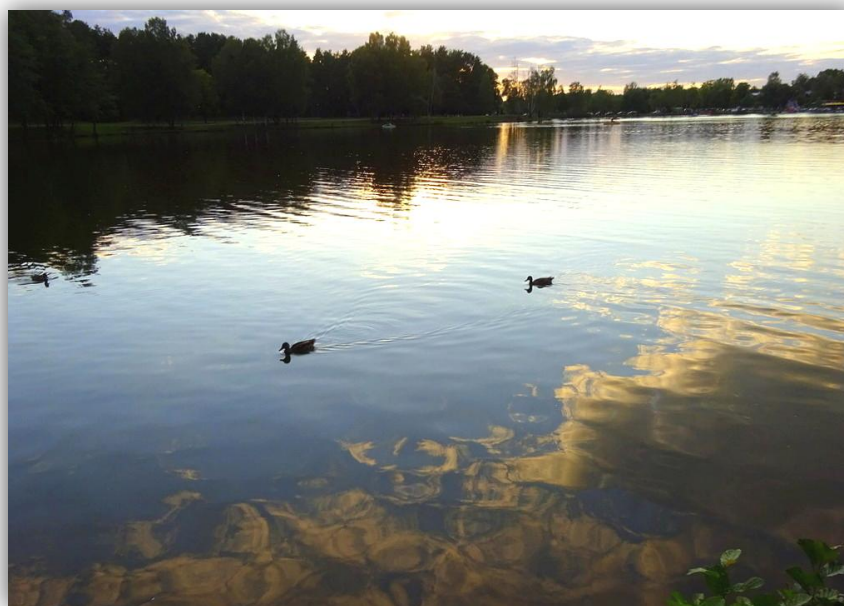
¹² В 1941 г. З. С. Маркина руководила эвакуацией жен и детей членов Московского комитета драматургов в Ташкент. Она же затем занималась и реэвакуацией.

Думаю, о дяде Саше можно было бы долго и интересно рассказывать: и о его творчестве, и о его потрясающей эрудиции, и о его необыкновенном характере. Его письма, обстоятельные, длинные, написанные чернильной ручкой любимой жене Зиновии, которых в домашнем архиве сохранилось немало, проникнуты нежностью и заботой. В этих письмах он дает советы, расспрашивает о жизни – его интересуется каждая деталь!

Бабушка очень любила дядю Сашу, да и все, кто в нашей семье видел его и с ним соприкасался, всегда отзывались о нем с необыкновенной теплотой и уважением: и дочь Зиновии Ольга (Ляля Бобылева), и моя мама Ирина, которая неоднократно бывала в Ленинграде и останавливалась у дяди Саши на Широкой.

К сожалению, я не застала дядю Сашу и знаю его лишь по пожелтевшим фотографиям и размашистому почерку с длинной буквой «р» и вензельной «д», но я горжусь, что судьба свела меня, хотя бы косвенно, с Александром Владимировичем Разумовским, экспериментатором, литератором в самом глубоком понимании этого слова, человеком, творчество которого было ярким образцом той эпохи, а его забота и любовь к семье Зиновии – эталоном искренности и преданности.

О. Дёмина. Вечернее золото, Друскининкай, 2017 г.

ПРОЗА

НАТАЛИЯ БУКАН

(Санкт-Петербург)

ДОЛГИЙ ПУТЬ

1

Пути господни неисповедимы... Воистину это так. Никогда не знаешь, что уготовано тебе на жизненном пути. Особенно если этот путь окажется долгим...

Старая Мале Звиргзда вздохнула. Ей отчетливо увиделись ее молодые годы в поместье «Brunas». Вспомнилось, как в далеком тысяча восемьсот девяносто шестом году она выходила замуж за своего Отто. Вместе они прожили очень большую жизнь, вырастили пятерых детей. И никогда ей не думалось, что она может остаться одна, что никого из них не будет около нее в старости. Младшую дочь, Алму, и одного из сыновей, Петериса, унесли болезни. И Отто ушел из жизни, не дождавшись ее. А она все живет и живет. Вот уже и столетний юбилей подступает...

Мале встала из своего кресла. Опираясь на палку, подошла к стене и погладила висящую здесь картину. Зрение изменило ей, краски расплывались перед глазами, но перед мысленным взором картина возникла в своей первоизданности: там все так же желтели дюны и возвышались темно-зеленые кроны сосен. Картину рисовал ее старший сын Август, Густ, как она его звала когда-то. Это было все, что осталось от него в ее доме.

Густ молодым парнем вступил в коммунистическую партию и после падения советской власти, в девятнадцатом году, был переправлен в Россию. С тех пор они его не видели и очень долго ничего о нем не знали.

Оставив картину, Мале вернулась в кресло... Вот ведь как вышло: один сын ушел в Россию, а другой воевал против нее. Да, их самый младший сын Паулис, который перед войной окончил Рижский университет и работал учителем, был мобилизован немцами во время оккупации. В первом же бою, под Елгавой, был ранен и при отступлении немцев эвакуирован из Латвии вместе с госпиталем. О нем, как и об Августе, ничего не было известно. Считали его погибшим. Но через несколько лет после войны окольными путями, через дальних знакомых от него пришла весточка из Америки. Теперь она иногда получает от него посылки из Сан-Франциско. Это так далеко... Если бы Паулис мог вернуться домой... А вот старшая дочь Эмма живет недалеко – в Риге, но отношения с нею сложные и они почти не видятся.

Эмма всегда была самой суровой из их детей, а теперь и вовсе отдалилась. В глубине души Мале смутно чувствует вину перед дочерью. Но кто же мог тогда подумать, что все обернется такой трагедией?

Будучи, как и старший брат, коммунисткой, Эмма подалась вслед за ним в Россию. Но, потеряв там мужа в годы сталинских репрессий, незадолго до войны решила вместе с детьми вернуться в Латвию. Она привезла дочерей Мариту и Илзэ к своим родителям в Алуксне и,

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

узнав, что работа в Латвии для нее найдется, оставила им девочек, а сама уехала в Ленинград оформлять отъезд. Но планы разрушила война: Эмма не сумела выехать из Ленинграда и провела там все девятьсот дней блокады.

Тяжело жилось и Мале с Отто во время немецкой оккупации, голодно. В то же самое время по-другому, зажиточно и свободно, жила семья Гулбисов – дедушка и бабушка девочек по отцу, мужу Эммы. И с общего согласия было решено, что Марите и Илзе лучше жить у них, у Гулбисов. Ведь это делалось для их же, девочек, пользы! И откуда могли знать Отто и Мале, что Гулбисы уедут вместе с отступавшими немцами и увезут с собой внучек?! Да ведь и об Эмме никто ничего не знал. Жива ли?

Когда Эмма смогла наконец вернуться в Латвию и не нашла там своих детей, она словно окаменела. Теперь-то уже давно известно, что ее дочери живут, как и Паулис, в Америке, но никакой постоянной связи с ними нет. Иногда Эмма получает от них письма, тайком. А как же иначе? Переписка с границей небезопасна, тем более для нее – она член партии, бывший директор фабрики с персональной пенсией...

Вернувшись из России, Эмма рассказала об Августе лишь то, что он занимал высокий пост в авиации, и так же, как муж Эммы, погиб во время репрессий.

– Знать бы, где лежат его косточки, – прошептала Мале.

Она вытерла мокрые щеки, опять с трудом поднялась и на этот раз подошла к буфету. За воспоминаниями она забыла про свой коньяк! Мале достала малюсенькую стопочку, наполнила ее из бутылки и выпила. В течение многих лет она делала это каждый день и была уверена, что своим здоровьем и долголетием обязана этой крошечной согревающей порции. Коньяка в бутылке уже оставалось на донышке, и она подумала, что надо не забыть сказать об этом Эдвину. Теперь это было его обязанностью – пополнять ее запасы. И она улыбнулась, вспомнив, как приходилось воевать с Отто, отстаивая их неприкосновенность.

Сидя снова в кресле, Мале почувствовала приятное тепло внутри, за ним пришло и успокоение. Мысли постепенно переключились с прошлого на настоящее. Несмотря на все утраты, у нее есть родные, близкие люди. Это внук Эдвин, сын Алмы, и его семья. Эдвина вырастили они с Отто, он всегда жил с ними, пока не уехал учиться в Ригу.

Сегодня она ожидает их приезда, потому что завтра первое воскресенье августа. В этот день в Алуksне всегда отмечается Поминование усопших – «Kapu svetki». Со всей Латвии съезжаются люди, у которых здесь есть дорогие им могилы. Она-то уже не может пойти на кладбище, чтобы поклониться Отто, Алме, Петерису. Но за нее это сделают внуки.

Мале совсем успокоилась, села удобно в кресле и погрузилась в дрему...

Разбудил ее бой часов. Последние лучи предзакатного солнца заглядывали в комнату. Вот и подкрался вечер, еще один день прошел. Хотя не прошел еще, совсем скоро приедут Эдвин с Илгой и их сыновья, Андрис и Янис. И оживет ее дом, и опять в нем зазвучат детские голоса, как когда-то...

Инга разложила на столе два больших листа, испещренных квадратиками, стрелками, именами. Это был недавно полученный подарок. Он теперь все время как магнитом притягивал к себе. Перед ней лежали два генеалогических древа – по линиям дедушки Отто и бабушки Мале. Обе родословные брали начало с первой половины XVIII века! Вглядываясь во множество латышских имен, дат рождений, смертей, свадеб, Инга пыталась представить, как жили, какими были эти давно ушедшие люди. А может быть, она даже на кого-то из них похожа?

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Этот подарок неожиданно сделал рижский художник, увлекающийся составлением родословных по церковным книгам, после того как прочел о ее отце в одном из рижских журналов. Отец Инги был репрессирован в тридцать седьмом году, в год ее рождения. Поэтому она знала его только по рассказам своей мамы и старшей сестры. На фотографиях, имевшихся дома, он был молодой и красивый, в морской лётной форме. Сестра хорошо его помнила, а для Инги образ отца был окутан романтическим ореолом.

До лета пятьдесят восьмого года она никогда не бывала в Латвии и не слышала латышской речи. А тем летом ей выпала счастливая возможность поехать на студенческую практику в Ригу. Ехали большой компанией и в поезде полночи проболтали, предвкушая приятное времяпрепровождение. Ингой же владело еще и волнующее ожидание знакомства с Латвией, с латышами – ведь это была родина ее отца!

Московский поезд пришел в Ригу ранним утром, и их встретил чисто вымытый, еще сонный город. Она всматривалась в лица редких прохожих, вслушивалась в их речь и воспринимала окружающее совершенно по-особенному... На узких улочках Старой Риги, в Домском соборе, в маленьких уютных кафе – везде над ней витал дух предков...

«Вот бы попасть сюда по распределению», – мечтала она, уезжая из Риги.

И это случилось! Направление она получила в Латвийскую Республику, в Ригу!

На этот раз ехала туда с твердым намерением разыскать кого-нибудь из своих родных по отцу.

Осенняя Рига была ничуть не хуже летней, какой Инга помнила ее с прошлого посещения. Парки и скверы были по-прежнему полны цветов, а окружающая картина менялась каждые полчаса: только что светившее солнце вдруг закрывалось невесть откуда набегавшими тучками, быстро проливался дождь, и тут же все озарялось солнцем, а потом опять набегали тучки и все повторялось...

Таким же переменчивым было и настроение. Беззаботные студенческие годы в Москве были позади, а теперь ей предстояло привыкать к жизни в незнакомом месте. Конечно, было в этом и немало интересного. Например, интересно узнать, живет ли в Риге сестра отца, Эмма? Свою тетю и сестер Мариту и Илзу она очень смутно помнила по довоенной жизни в Ленинграде. А вдруг они и в самом деле теперь в Риге?

В первом же справочном ей выдали рижский адрес и телефон Эммы! Не без волнения Инга ждала своего визита к тете, тем более что по рассказам мамы Эмма представлялась ей суровым и неприветливым человеком...

Такой она и оказалась! Неулыбчиво, строго расспрашивала обо всем, по-русски говорила с сильным акцентом. Нельзя сказать, что она приняла Ингу совсем уж отчужденно – заранее купила пирожных, сварила кофе. И рассказала о своей трудной судьбе. На вопросы о братьях отца Инги, о его сестре Алме, о том, есть ли в Латвии двоюродные братья или сестры, ответила коротко:

– Все умерли.

Сказала, что одинока. Вот, правда, иногда к ней из Алуксне приезжает мама, которой уже исполнилось девяносто лет. При этих словах Инга так и подскочила:

– Как мама? Это же, значит, моя бабушка?! Я хочу познакомиться с ней!

Лицо Эммы стало совсем непроницаемым, и она отрезала:

– Это ни к чему. Она ни слова не понимает по-русски.

Разочарованная и обиженная, Инга, уходя из гостей, думала: «Ну и ладно! Ну и не надо! Наверное, все латыши такие». Вот и на работе ее непосредственный начальник Ян Янович при знакомстве спросил почему-то сердито:

– Откуда у вас латышская фамилия?

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Так сердито, что можно подумать – она ее украла!

Больше она тетю не навещала, да и Эмма не искала встреч с ней. А вскоре Инга вышла замуж и уехала из Латвии.

Прошло много лет. В стране началась перестройка, откровеннее освещалось прошлое, раскрывались многие архивы... И с Ингой стали происходить чудесные вещи...

Сначала в их ленинградской квартире появилась рижская журналистка, которая хотела побеседовать с мамой Инги и написать статью о ее отце.

Ну а потом все завертелось как в калейдоскопе! Эта статья счастливо попала на глаза двоюродному брату Эдвину, сыну Алмы, который все-таки имелся в Латвии, хоть тетя Эмма это и отрицала! Прочитав об Августе, он сразу позвонил в редакцию... Благодаря ему Инга и ее сестра Ирина, что называется, обрели латышские корни. Сколько всего они узнали о своих родных, сколько фотографий подарил им Эдвин! В том числе снимок бабушки Мале в день ее столетия! Узнали, как тосковала она все время по старшему сыну, их отцу. Вместе с Эдвином и его женой Илгой побывали они в родном городе отца, чудесном, живописном Алуksне, бывшем Мариенбурге. Посетили там могилы бабушки, дедушки и других родных, приурочив посещение к первому воскресенью августа – Дню поминовения усопших, «Kapu svetki»

О, как жалеет теперь Инга, глядя на свои родословные, что в те годы она не ослушалась тетю, не поехала в Алуksне и не нашла там свою бабушку! Ведь Мале Звиргзда тогда не умерла бы, так и не узнав ничего о жизни сына Августа в России и о том, что есть у нее там.

БУСЫ ДЛЯ ТАИСИИ

1

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья
И вместо сердца – пламенный мотор...»

Задорный оптимизм, несущийся из репродуктора, добавляет огонька и без того приподнятому настроению Таисии. Для радости так много причин! Взять хотя бы то, что в этот весенний воскресный день тысяча девятьсот двадцать восьмого года ей исполняется двадцать пять лет! И еще: нынче же в Военной школе морских летчиков состоится смотр летной подготовки курсантов, полеты на поплавковых самолетах МУ-1 и новых летающих лодках «Савойя»! Настоящий праздник-испытание для ее мужа – начальника школы, для инструкторов, учлетов... Словом, для всех! Позади учебные задания, волнения... И вот – показы мастерства, восторги зрителей и восхищенные взгляды влюбленных в авиаторов мальчишек! И не только их...

«Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ...»

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Она убирает звук и подходит к окну. За сияющими чистотой стеклами переливается блесками бухта Голландия, проворный катер мчится к Килен-бухте, а дальше – в пронизанной солнцем воздушности купается утренний Севастополь. Тая раскрывает раму, и запах сирени, и шум проснувшейся округи влетают внутрь. Оса неуловимыми воздушными зигзагами стремится к охапке красных маков, волшебному кусочку крымской степи, привезенному в дом на новеньком наградном «Харлее».

Ах эта поездка в весеннюю степь! Этот лучезарный свет, ароматы ранних цветов и терпкой молодой полыни... Кружащее раздолье с серебристым звоном жаворонка в бездонном поднебесье, таком же синем, как глаза Лео. Она, и только она зовет мужа этим именем, одним из двух, данных ему в младенчестве при крещении.

Тая прислушивается к шорохам в соседней комнате и тихонько приоткрывает дверь – проснулись! Серьезный четырехлетний Миша, или Михалка, как ласково зовет отец, уже стягивает с себя ночную пижамку, и маленькая Иринка, с бронзовыми, как у мамы, кудряшками, трет спросонья глазки.

– Ах вы, мои сокровища! Доброе утро! Помните ли, что нас ждет сегодня?

– Гидр-родр-ром, – Миша старательно выговаривает звук «р». – А папа будет летать?

– Будет, будет, конечно, он уже там, и если мы хотим сами все увидеть, то должны поторопиться!

– Ой, мамочка, поздравляем тебя с днем рождения! – спохватывается сынишка, вовремя вспомнив отцовские вечерние наставления...

Тая берет в руки подарок мужа, янтарные бусы, похожие на связку темных виноградин, с крупной посередине и плавно убывающими – по сторонам. Примеряя их при Лео, она видела полыхнувшее в его глазах радостное удивление. Ей и самой, по правде говоря, кажется, что бусы будто созданы кем-то специально для нее! Тая вглядывается в вязкую глубину необыкновенного цвета. Бордо? Нет, красное вино с гречишным медом, замешенное на солнечном сиянии... прямо какие-то сгустки счастья, а не бусины... Она гладит пальцами, перекачивает согрешившие в ладонях шарики и, чтобы лучше ощутить теплоту янтаря, поднимает бусы к горлу и перекручивает их сзади петлей... Только так, вплотную прилегающими к шее, Таисия будет носить их всю жизнь.

2

Не хватало воздуха, что-то невидимое душило ее, мучило. Она расстегнула ворот кофты. А, вот оно – бусы обхватывали шею живым, плотным удавом, больно впивались в кожу невесть откуда взявшимися острыми шипами! Тая задыхалась, судорожно распутывала заднюю петлю, но та не поддавалась. Она звала Лео и не могла дозваться, пыталась разорвать нить и... проснулась от собственного хрипа. Ощупала себя – ну конечно же, никаких бус... Вздохнула – дышалось свободно, насколько позволяла духота в теплушке с двойными нарами, где на тюфяках вповалку спали женщины. Перестука колес и привычного покачивания не ощущалось. Вагон, направлявшийся поздней осенью сорок первого года на Север из Акмолинского лагеря для жен изменников Родины, стоял. Ночные всхлипы, вскрики, стоны были здесь обычны. К постоянным тяготам заключения, горечи несправедливости с началом войны прибавилась гнетущая неизвестность о судьбах близких в этом страшном круговороте событий.

И кошмарный сон показался Тае зловещим предзнаменованием. Всколыхнул он и самые худшие опасения, не оставлявшие ее с той декабрьской ночи тридцать седьмого года, когда был арестован муж. Приговор – «десять лет без права переписки», – вынесенный ему как врагу народа, был пугающим. В Москве, где они уже в то время жили, ходили слухи, будто на самом

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

деле он означал расстрел... Лео – враг народа?! Трудно было бы придумать более чудовищный оговор! И такими же чудовищными были тогда советы непрошенных доброжелателей публично отказаться от мужа.

– Только попробуй! Ты не сделаешь этого! – совсем по-взрослому вмешался однажды в разговор сын.

– Конечно, не сделаю, не волнуйся, – Тая погладила его по голове и мягко оттолкнула подальше от своих собеседников...

О чем они говорят? Отказаться от мужа... То есть согласиться с возведенными на Лео обвинениями, предать его? И как она жила бы после этого? Как смотрела бы в глаза Мише с Иринкой и недавно родившейся малышке?.. Дети... Нет, они не попали в детский дом. Из приемника-распределителя, обосновавшегося в стенах бывшего Данилова монастыря, мама и братья Таи забрали их к себе в Ленинград. И она была за них спокойна, но только не теперь. Она гнала прочь плохие мысли о блокаде, бомбежках, а страх вился, цеплялся и при малейшем попустительстве занимал все закоулки, сжимал голову смертным обрубком.

Ночь наполняла вагон мраком и знобкой сыростью. Под потолком бледным пятном отражался тусклый свет из маленького окошка. С открытыми глазами, еще во власти сновидения, Таисия слушала уличные постукивания, грохот, громкие объявления. Эти звуки больших станций – как раз и навсегда заведенная машина, не прерывавших своей работы ни днем ни ночью, – были хорошо знакомы обитателям теплушек: им нередко приходилось подолгу простаивать на запасных путях, пропуская вперед эшелоны, идущие к фронту.

– Где мы? – тихо проговорила она наугад, в темноту. И с верхних нар ответили:

– В Шарье.

Шарья! Слово застряло в сознании, как заноза, свербило и не отпускало – что-то было с ним связано в прошлом... Что же? Что?.. И она вспомнила! В маленьком городке с этим названием когда-то работал земским врачом отец ее невестки, жены брата. Что, если он и сейчас находится здесь? Что, если попробовать передать записку? Большинство местных наверняка его знает... От нечаянно возникшей идеи, сначала робкой, но постепенно все больше и больше распалывшей воображение, Таисии стало жарко. Она беспокойно завопилась на своем месте, задышала как в лихорадке... Да она просто обязана воспользоваться этим, пусть зыбким, пусть вовсе не многообещающим, а все-таки – шансом!

И тут же из чьей-то бережно хранившейся записки ей выдали бумагу, карандаш, в фонаре опять затеплили свечной огарок, погашенный было дневальной после вечерней переклички. И записка, свернутая треугольником с надписанным именем доктора, была выброшена на волю.

Вера в успех, подобно качелям, то вздымалась, то падала, сходила на нет... И все же глубоко внутри сидела надежда: для чего-то ведь добивались ее пробуждения бусы! Звучало, однако, нелепо... Впрочем, в поверьях разных народов янтарь почитался как живой камень, имеющий душу. И хоть его здесь не было, но, коль речь о душе, то и расстояния – не помеха?.. Ох, что только не придет в голову!

Вспомнилась разноцветная мозаика многоликого севастопольского рынка и древняя турчанка в монидах, поманившая Таю коричневым, узловатым пальцем. Сверкнув глазами на бусы, она наказала:

– Носи всегда! Этот цвет самый сильный... – И, видимо, приняв Таину улыбку за сомнение, строго потребовала: – Говорю, носи!

Она и носила! Ей было с ними уютно, и дошло до того, что никто из близких уже не мог представить себе Таю без бус. Они стали ее неотъемлемой частью, продолжением лучистых золотисто-карих глаз...

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Где-то поблизости чихал, сипел паровоз, затем, набравшись сил, он бойко пропыхтел мимо теплушки, обдав ее дымной гарью. И вскоре вагоны содрогнулись от дробно прокатившегося толчка. Отправление?! Таисия вскочила, словно собираясь что-то предпринять. Но что она могла? Лишь отчаиваться, оттого что неведомая сила, поманив, посмеялась над ее ожиданиями и теперь возвращает всё на круги своя.

Между тем состав, то двигаясь вперед, то пятясь задом, медленно маневрировал, пока не добрался до формировавшегося поезда, где наконец остановился. Надолго ли? Сидя на нарах, она раскачивалась, как маятник, и мысленно себя уговаривала: записку могут найти и передать и после ухода поезда; главное, она сообщила в ней о переводе в другой лагерь, и ей обязательно скоро напишут... а теперешнее отсутствие писем еще ничего не означает, бывало, они и раньше пропадали...

Но – чу! Кто-то снаружи произнес ее имя?! Она встрепенулась, всем телом подалась навстречу звуку. Зашевелились и соседки. «Тая... Тая... Тая...» – опять! Зов приближался, и по мере его движения из окошек поочередно раздавались ответные возгласы, смех, а то и ругань. Одновременно пронесли угрожающие окрики охраны. И вагон «взорвался»! Женщины, растревоженные и не спавшие, топотали, яростно колотили в дверь, сыпали на охранников проклятия...

Она неуклюже – мешал заживший лишь недавно перелом ноги – взобралась на приставленный к стенке высокий табурет, припала к зарешеченному оконцу и крикнула: «Я здесь!» Слабый свет со стороны вокзала падал ей в глаза, а вот лица стоявших на соседнем пути оказались в темноте.

«Пришли... дорогие мои, хорошие... Не побоялись!» – Тая еще даже не поняла, кто эти трое, а всё накопившееся, как бывает в таких случаях при виде родных людей, уже готово было пролиться слезами. Но она старалась сдержать их – ведь рядом с невесткой, которую узнала с первых же слов, и сестрой невестки стояла... Иринка?... Да! Не могла она ошибиться, это была ее выросшая девочка! Какой-то она стала за три прошедших года?

– Ирочка... – Тая всматривалась сквозь сумрак осенней ночи, черты ускользали, растекались, превращались в расплывчатые кляксы... Невестка торопливо говорила о спешной эвакуации, болезни матери в Свердловске, об уходе Миши добровольцем на фронт, о подросшей малышке, о старой няне, ставшей членом семьи, родной и любимой с Мишиного рождения... Временами она опасливо оглядывалась на конвоира, но тот молчал.

Внезапно луч света вынырнул из темноты, заметался по вагонам, разыскивая кого-то, и следом появился путевой рабочий, решительно направившийся прямо к Таинным посетителям. «Уж не он ли и привел их сюда?» – мелькнуло у Таисии, и еще подумалось, что записки возле вагонов с заключенными вряд ли были большой редкостью для железнодорожников, но все ли принимали их близко к сердцу, так, чтобы быть готовыми откликнуться, помочь? И ее захлестнул прилив горячей благодарности, любви к этому человеку, а слезы вылились-таки из глаз – когда он своим поднятым фонарем осветил Иринку:

– Мамочка, смотри, какие у меня косы... – вагон вдруг дернуло, рядом зашипело, засвистело, окуталось клубами пара, и поезд тронулся. Стоянка оказалась короткой...

Вот уж исчезла полусовершенно станция, и тьма поглотила теплушку. Как полный штиль приходит после шторма, так и здесь после бурного всплеска установилась тишина. Тая не спала, не могла отойти от встречи, живительного глотка, уже придавшего ей сил на оставшиеся два года. Она прокручивала подробности, вновь видела в свете фонаря напуганное, несчастное, узнаваемо-родное личико Иринки, пушистые косички из-под белого беретика. Думала о том, с какими чувствами осталась там, на опустевших путях, ее дочка. Возвращалась ко сну, с которого все началось, и жалела, что не догадалась спросить, берегут ли они ее бусы...

Ранним утром по хрусткому снегу Таисия медленно шла к барaku, стоявшему на высоком берегу широкой Северной Двины. В конце ноября сорок пятого года на дворе стояла настоящая зима. Здесь, на Севере, будучи еще в заключении, Тая начала работать в зоне по своей специальности, врачом. И после освобождения, вот уже два года, оставалась там же вольнонаемным начальником медсанчасти.

Она медленно шла домой. У нее на руках в лазарете минувшей ночью умер ее Миша, Михалка, вернувшийся с войны больным. Позже, когда появится спасительное для его случая лекарство, она будет приходить в отчаяние при мысли о том, что произойди это хотя бы на полгода раньше, сын был бы жив... А сейчас она медленно по хрусткому снегу шла домой...

Обе дочери уже знали. Няня, тоже бывшая при Мише и вернувшаяся из лазарета раньше Таи, молилась в углу перед своими иконками. Опухшая от слез Иринка помогла матери раздеться и, глядя на бусы, испуганно спросила:

- Мама, а что с твоим янтарем?
- Не знаю, – отмахнулась Таисия, – а что с ним?
- Мамочка, ты посмотри сама. Мне ведь не кажется?

Тая сняла бусы – на каждой бусине виднелся едва заметный туманный ободок, как будто вглубь попала капля какой-то мути. Это не вызвало у Таисии ни удивления, ни огорчения. Ей было все равно... Она машинально опять надела на себя янтарь, привычным движением подтянула его вверх и закрутила сзади...

Через месяц, в преддверии Нового года, в медсанчасти ожидалась трудная, бессонная ночь: пришел большой этап с заключенными. В последнее время такое бывало нечасто, в отличие от периода до лета сорок пятого, когда этот обширный, мрачный лагерь служил одновременно и пересылкой. Тогда этапы тяжелыми, черными волнами накатывали один за другим. Здесь были ворота на Север. Вновь прибывшие рассортировывались по пунктам дальнейшего следования и по состоянию здоровья. В зоне имелся вместительный – в несколько барakov – лазарет. В него и направлялись снятые с этапов больные, истощенные, ослабленные, подчас не державшиеся на ногах, коих бывало немало. Среди них Таисии порою мерещился Лео...

Новое пополнение, которое предстояло в ближайшие сутки пропустить через медосмотр, уже выгружалось на санобработку из вагонов, стоявших у зоны на подъездных путях. Она заранее запаслась табаком и чифирём. Несколько глотков последнего помогали сохранять бодрость лучше, чем что-либо другое...

Под утро, когда у Таисии уже звенело в голове, она не сразу заметила, как очередной заключенный с этапа, войдя в кабинет, тотчас заинтересовался ее бусами. Он часто останавливался на них внимательный взгляд и наконец задал вопрос:

- Давно у вас янтарь?

Этот пожилой литовец из Каунаса оказался ювелиром. И пока она после краткого ответа размышляла, уместно ли спросить о причинах перемены в бусах, литовец сообщил:

- Он умер.
- Таисия вздрогнула:
- Кто?!
  - Ваш янтарь умер.

Эти слова были так неожиданны и столь удивительны, что она даже не нашлась, что сказать, только недоуменно посмотрела на сидевшего перед ней человека...

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

– Жаль, что ты его не расспросила, мама. Как понять – умер? – сокрушалась дома Иринка.

– Ты знаешь, тратить время на долгие разговоры в тот момент было не к месту... Да и растерялась я, слишком уж странным мне это показалось...

– Но этот человек, он теперь ведь остался в нашей зоне? – Тая утвердительно кивнула. – Получается, ты можешь потом поговорить с ним, узнать, что все это значит? Янтарь умер... Он что, потерял свои свойства? Какие? Целительские, магические ли?

– Разумеется, поговорить могу... Но... А нужно ли? Какая разница?

Она подумала о том, что этот янтарь, какие бы ни произошли в нем изменения, для нее своих свойств не мог потерять никогда... Но один вопрос все-таки был, он пришел еще там, в кабинете, как только прозвучало, что янтарь «умер», а именно: почему это случилось в ночь, когда не стало Миши? Об этом она спросит. Хотя ответ, скорее всего, был Таисии известен.

ШИПОВНИК

В последнее военное лето Люсю отправили в пионерский лагерь.

Светлой июньской ночью белый пароход шлепал колесами по широкой Северной Двине. На его борту крупными буквами выделялось слово «Шеговары». А Люся даже не заметила, что попала на тот самый пароход с непонятным названием, которому они со своего открытого, крутого берега всегда махали руками и громко кричали: «Счастливого пути!» Сейчас ей хотелось плакать, она вспоминала, как только что расставалась у трапа с сестрой и няней, как они ее уговаривали... И слезы капали и капали из переполненных глаз.

Никогда до этого Люся не бывала внутри парохода. Сидя на откидном стуле, у стенки, ограждавшей работающее сердце машины – паровой котел, она ощущала за спиной непрерывное движение, там постоянно что-то шипело и свистело. Рядом спали люди. В проходе были наставлены дополнительные деревянные лавки, тоже заполненные спящими. Народу было много, так что некоторые пассажиры устраивались для отдыха даже на стоявших поблизости бочках. Время от времени кто-нибудь просыпался и начинал готовиться к выходу.

Пароход басовито предупреждающе гудел, приближаясь к нанизанным вдоль берега деревянным пристаням, выпускал по переброшенному качающемуся трапу пассажиров, взамен забирая с берега на подрагивающую палубу всех желающих и упорно продвигался в сторону живописного местечка с подходящим названием – Красавино...

Люся сошла на берег вместе с такими же, как она, ребятами семи-восьми лет. Никого из них она не знала. Невыспавшиеся, тихие, дети сгрудились вокруг пионервожатой, держа в руках свои небольшие чемоданчики и подрагивая от всепроникающей рассветной сырости.

И Люсе было холодно, а главное – хотелось домой. Впервые очутившись вдали от родных, среди чужих, незнакомых людей, она украдкой то и дело вытирала глаза тыльной стороной ладони.

Вожатая, стараясь приободрить жавшихся к ней ребят, веселым тоном сделала переключку и повела их к другой, менее широкой речке – протоке, через которую они должны были переправиться на лодках.

Лодки уже стояли у кромки воды, врезавшись острыми носами в мокрый песок. Прибрежный ветер нагонял волну, продувал легкую ребячью одежду. Гребцы помогали пробираться к сиденьям, укладывали вещи.

В первые две очереди Люся не попала, лишь в третью, последнюю. Она еле унимала сотрясающую ее дрожь и старалась скрыть слезы.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

– Ничего, ничего, ребятки, нас в лагере уже ждут, напоят горячим чаем и в постель уложат до обеда, – бодро приговаривала переправлявшаяся в этой же лодке вожатая.

А на том берегу... Люся увидела чудо – куст, усыпанный бледно-розовыми цветами, сказочно сиявшими в первых лучах восходящего солнца!

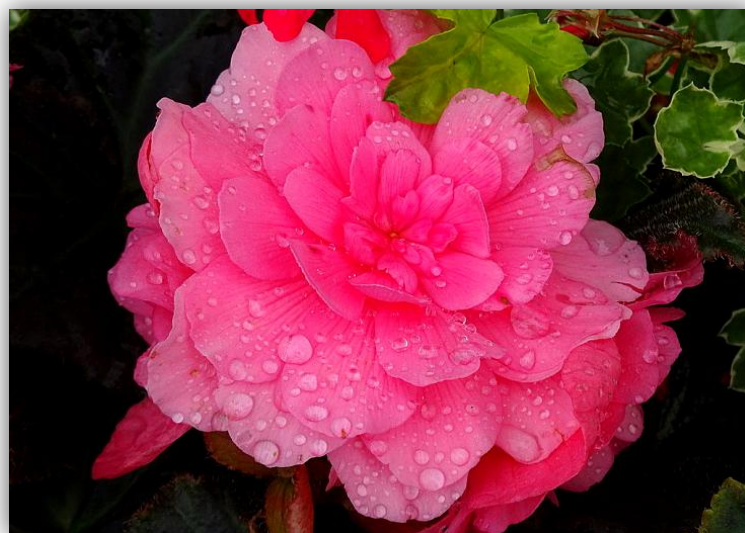
– Шиповник, – уверенно сказала стоявшая рядом девочка. Цветы очень слабо, приятно пахли, и в то безрадостное, холодное утро показались Люсе пришельцами из какого-то другого, чудесного мира...

К реке за детьми пришел грузовик. На месте их действительно обогрели, накормили и уложили спать.

В пионерском лагере оказалось полно неведомого ей раньше шиповника. И тропинка от деревянного корпуса до столовой, и спортивная площадка, и дорожка к речке, идущая через овраг, – всё окаймлялось его густыми зарослями. Была им окружена и та волшебная скамейка. Однажды рано-рано утром, когда все еще спали, заспанная, озябшая Люся, пробегая мимо по своим неотложным делам, вдруг увидела, что на скамье, рядом с уже раскрывшимися свежими цветками сидит – о счастье! – ее старенькая няня, приехавшая на родительский день с самым первым парходом...

Шиповник тогда сопровождал ее повсюду. Перед дождем и поздно вечером его кусты становились похожими на сплошную зеленую изгородь, но лишь стоило выглянуть солнышку, как сложенные лепестки тут же распахивались ему навстречу и превращали заросли в переливающиеся букеты. И в этих нежных холодноватых цветах для нее в то лето переплелись, связались воедино непреходящая тоска по дому и ощущение прекрасного.

С тех пор вид цветущего шиповника никогда не оставлял ее равнодушной. Всякий раз, как бы часто это ни повторялось, он нес, как тонкий лучик из глубин, отголоски той печали и радости; бередил, как будто заставлял за незатейливым цветком увидеть и понять что-то далекое, неясное, важное.

Ольга Дёмина. После дождя 3, Друскининкай, 2017 г.

ПРОЗА

Светлана Куликова
(Москва)

ДАРЫ ПОЛНОЛУНИЯ

В новом доме Елена Михайловна аккуратно перекладывала картины мужа толстыми картонными листами и расставляла на стеллажах. Дмитрий Павлович наблюдал за ней из кресла-качалки, наслаждаясь осознанием исполненной мечты...

Участок земли у круглого лесного озера, окруженного струнно натянутыми соснами, еще в советские времена Союз художников выделил перспективному живописцу Дмитрию Чистову. Место оказалось красивым до щемящего душу восторга, но труднодоступным. Сначала часа четыре электричкой, потом по проселку от станции до деревни автобусом, оттуда до озера километра три – только пешком, но Чистов упорно таскал сюда тяжелый этюдник с красками и палатку. Неделями жил на берегу, самозабвенно писал пейзажи. Весной – акварельно растворенную в синеве юную зелень, летом – буйно цветущее разнотравье, осенью – иссеченный дождями бор... Зимой не приезжал: в те годы через снега к озеру невозможно было пробраться. Это сейчас, тридцать лет спустя, и до деревни асфальт проложили, и через лес грунтовку укатали. Сыновья помогли – оба искусствоведы, совладельцы солидного арт-аукциона. Благодаря им картины отца разошлись по всему миру и Чистовы смогли построить дом на том месте, где когда-то горел костер одинокого художника...

– Дима, я приготовлю обед, ты разбери остальное, тут немного осталось, – Елена Михайловна вытерла руки и ушла на кухню.

Дмитрий Павлович медленно поднялся, постоял, глядя на заходящее солнце.

Молодец, Леночка, грамотно дом спланировала. Весь третий этаж – просторная мастерская. Одна стена – целиком стеклянная – обращена к бору. Сквозь сосны видно, как поблескивает темный глаз озера и творит закат свою живопись: плеснул киновари в лазурь воды, густым индиго положил под кусты тени, подсветил золотом охру сосновых стволов... Включать свет Дмитрий не стал, перебирал картины в полумраке.

Карелия начала девяностых... А это – прошлогодняя: пейзаж в горах Андорры, ездили с Леной... Вот ее портрет, очень удачный, на взгляд автора, да и модель не в претензии... Интересно, где та ранняя работа? Должна быть здесь, он запретил продавать. Дмитрий Павлович не вглядывался в полотна, знал: сразу почувствует то, что ищет. Нашел. Застучало невпопад сердце – один удар пропустило, другой сдвоило...

...Это был известный на худграфе «любовный квадрат». Игорь Зорин открыто и безнадежно любил Лену Полеву, Лена сохла по Диме Чистову, а Дима, уверенный, что в жизни художника не может быть страсти выше любви к искусству, обожал одну только Живопись. И тоже без взаимности: технически безупречно выполненные работы Чистова казались безжизненными.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

«Ты рукой пишешь, а надо сердцем! Серд-цем! – кричал на Диму преподаватель, признанный советский пейзажист. – Это только на словах натюрморт – мертвая натура. На деле в любом неживом объекте, не говоря уже о живом субъекте, есть отражение души автора! Мало научиться рисовать, мало овладеть законами композиции и перспективы, надо не бояться вывернуть наизнанку свое нутро. Иначе никогда не станешь настоящим художником! Вот этот старый глиняный кувшин столько помнит, столько может рассказать! А у тебя он молчит. Дай ему память, и он оживет! Смотри: розы Коровина – они не прописаны до фотографической точности, но возбуждают желание их понюхать. А у тебя вот здесь живые цветы словно дамская вышивка гладью: красиво, но мертво. Декор, а не живопись! Тьфу!»

Последнее студенческое лето Чистов задумал провести на Енисее. Прочитал в журнале «Советский художник» очерк о необыкновенной красоте тех мест и загорелся идеей сделать к диплому серию сибирских пейзажей. В компанию к нему попросилась Полева, и Дима согласился. Не испытывая к Лене ответного влечения, он ценил ее легкий покладистый характер и неназойливое дружелюбное внимание. За Полевой, разумеется, потянулся Зорин. Махнули в Сибирь втроем.

Дима рассчитывал остановиться в красноярской гостинице, но Лена предложила ехать дальше.

– Мне проводница в поезде рассказала: недалеко от одной деревни есть старый монастырь, а рядом с ним особенное место. Если там на полную луну загадать заветное желание, оно обязательно сбудется.

– Зачем забираться в глухомань ради каких-то суеверий? – возмутился Дима. – Здесь есть всё, что нам надо: гостиница, магазин, столовка... И пейзажи вокруг – самое то! А там где жить?

Но Лену, как всегда, поддержал Игорь:

– Так ведь монастырь же. Каждому – по келье. Будем, как монахи, чередовать труд с молитвами и питаться акридами. Поехали!

Дима удивился: откуда Зорин знает, как жили монахи и что это за акриды такие, но подчинился большинству.

Полтора часа они тряслись в прицепе трактора по ухабистой лесной дороге.

– У меня кишки с мозгами перемешались, – ворчал Чистов.

– Потерпи, – утешала Лена, – зато мы побываем в таких волшебных местах, каких нигде больше нет...

Тракторист высадил их у монастырских развалин, когда в небе уже начали перемигиваться первые звезды, и покатил дальше к хутору за озером.

Вопреки ожиданиям, в монастыре не сохранилось ни одного пригодного для жилья помещения. Останки разрушенного свода, как ребра дохлого динозавра, нависали над руинами, поросшими мхом, пробитыми тонкими стволами каких-то особо жизнестойких деревьев.

Разложили спальники среди камней, поели предусмотрительно закупленных на вокзале хлеба и килек в томате и легли спать. Но уснуть не удалось – ночью резко похолодало. Пришлось достать из рюкзаков все теплые вещи. Развели маленький, экономный костерок из собранного вблизи мусора – никому не хотелось идти за хворостом в темный дремучий лес, подступивший к руинам. Под его вековыми елями сгустились ночные тени, кромешная тьма казалась живой, словно кто-то огромный сразу со всех сторон разглядывал людей, ожидая повода явить незванным гостям свою мощь. С неба яростно паялила циклопическое око идеально круглая луна.

– Полнолуние... – Лена зябко спрятала пальцы в рукава толстого свитера и прижалась к Диме плечом. – У тебя есть мечта?

Чистов задумался.

– У меня есть, – отозвался Зорин, стуча зубами. – А что, вслух надо загадывать?

– Конечно. И чем громче, тем лучше, чтобы на луне слышно было, – засмеялась Лена.

– Ладно. Значит, так... – Игорь встал, запрокинул голову и крикнул в сложенные рупором ладони: – Я хочу дожить до утра, потом позавтракать, потом поспать, потом пообедать...

– ...потом опять поспать, – весело подхватила Лена. – Игорь, остановись, а то всю жизнь будешь только есть да спать и умрешь от скуки. Дим, а ты?

– А ты? – отозвался Чистов хмуро. Он сто раз пожалел, что поддался стадному чувству и не остался в Красноярске. В гостинице тепло, буфет, чай горячий...

– Я первая спросила... Будешь загадывать?

Дима взглянул на Луну и вздрогнул. Стало тревожно, неуютно на душе, словно попался на экзамене неудачный билет – надо идти отвечать, а в голове пусто. Он вспомнил несложившиеся отношения с живописью; бесплодные попытки превратить добросовестное исполнение в живое искусство... Глупость, конечно, детская игра, но... Неизвестно, что там, в космосе... Или кто...

– Хочу стать настоящим большим художником, – буркнул он нехотя и улегся на спину, глядя на ювелирно сверкающие звезды.

Лена грустно вздохнула:

– Ладно. Теперь я, – она молитвенно сложила ладони и обратилась к небу. – Дорогая луна, я хочу выйти замуж за любимого человека, жить в доме на берегу озера и пусть...

– ...пусть она полюбит меня, дорогая луна! – дурашливо завопил Игорь, опускаясь на колени и вздевая обе руки к ночному светилу.

– Прекрати театр, не мешай! – возмутилась Лена. – Ты свое слово сказал. Быть тебе по жизни сытым и выпавшимся.

– Не самое плохое состояние, если сбудется, конечно. – Игорь натянул на голову капюшон куртки и сел поближе к костру. – Только сказки это, народное творчество. На самом деле все вокруг элементарная физика...

До рассвета начитанный Зорин развлекал друзей рассказами о материальных причинах таинственных природных явлений. И до того доразвлекал, что, когда к ним из утреннего тумана вышла высокая пожилая женщина в черном, Лена истошно завизжала.

Женщина засмеялась, замахала руками:

– Тихо, тихо, не бойтесь, петух уж прокричал, всю нечисть разогнал, а я живая. Варвара Кузьминишна я, вон с той деревни, за бугром...

Она расспросила, кто такие, зачем пожаловали, предложила:

– Вот что, ребятки, лучше вам разобраться по избам. У нас, случается, ночами и в июне подмораживают. Замерзнете, не дай господи. А хозяйки вас и накормят, и обогреют, а вы им по хозяйству поможете. Молодых-то в деревне пошти што нет, одни старики. Но кажно лето каки-нидь умники приезжают. Кто песни собирает, кто монастырь изучат, а попутно нашим бабкам подсобляют. Чтoб всех вас разом в одну избу пристроить – такого места нету, а по одному – найдем куда.

Игоря Варвара Кузьминична отвела к себе и вручила ему ведро:

– Вон тама колодезь, а здесь самовар. Неси воду да ставь чай. Иззябся, вижу.

– Ага, сбывается желание, – насмешливо прошептала Лена и показала Игорю язык.

– А тебя, – повернулась к ней хозяйка, – я попрошу одной бабушке помочь. У той уж сил нет даже самой в бане помыться, ты, девонька, ее и попаришь.

Игорь остался в доме, а Лена и Дима пошли за Варварой Кузьминичной. Полеву она устроила к одинокой древней старухе в доме по соседству, а Чистова повела на окраину:

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

– К Вале и Толе в летник определяю.
«Дед с бабкой, наверное», – подумал Дима.
И ошибся.

На крыльцо вышла женщина лет двадцати пяти в коротком модном сарафане, по-деревенски повязанная платком. Под платком угадывались высоко уложенные волосы.

– Вот, Валечка, – ласково протянула Варвара Кузьминична. – Этот вьюнош – студент-художник. Возьмешь на постой?

Тонкая длинноногая женщина стояла в проеме двери, как в раме. На бледном лице глаза синие, взгляд серьезный. Внешность неброская. Но Дима вдруг почувствовал, что ему хочется разглядывать Валю и даже погладить ее гладкую, матовую, как яичко, и такого же плавного абриса щеку. В хрупком, нежном и вместе с тем независимом облике женщины было нечто, не сообразное с этим холодным диким краем. «Словно лебедь в проруби, – восхитился Дима. – Не успела улететь...» Он представил Валю на полотне: призрачно-белая обнаженная фигура модильяниевской вытянутости. Только ведь не станет она позировать. Вон какая... строгая.

Валя серьезно посмотрела Диме в глаза долгим взглядом и вдруг улыбнулась светло и радостно, вызвав в нем неожиданно ответную радость, кивнула:

– Пойдемте.
Летником оказался сарай в огороде.
Валя открыла дверь, отошла в сторону:

– Заходите.

В полумраке Чистов разглядел топчан и фанерный столик под маленьким оконцем. Ни лампочки, ни печки.

– Не сильно приглядно, зато под крышей, – успокоила Варвара Кузьминична. – Валя тулуп даст, не замерзнешь.

И шепотом Димке на ухо добавила:

– Ты, паря, только смотри, не обидь ее. Она без того жизнью пришибленная. У нее на руках брат больной...

В сарай вошла Валя, спросила:

– Тебя, студент, как зовут?

– Дмитрий Чистов.

– Дима, значит. Ну, устраивайся, Дима, да приходи в дом завтракать.

Ушла, легко ступая. И утянула за собой его взгляд.

Варвара Кузьминична заметила, проворчала:

– Ты, ежели невсурьез, то и не думай подкатывать.

– Да что вы, у меня девушка есть, – зачем-то соврал Дима, чувствуя, что краснеет: старуха угадала внезапное, им самим не до конца осознанное желание «подкатить» к Вале.

За обедом Чистов увидел Валиного брата Толю – худого парня с безумным взглядом, светловолосого и синеглазого, как сестра. Ел Толя, ни на кого не глядя, неуклюже держал ложку, не в лад с руками открывал рот. Валя посматривала на него все с той же, уже знакомой Диме светлой улыбкой, спокойно вытирала пролитый суп, подбирала оброненный хлеб.

После еды Толя молча встал и ушел в комнату за печкой.

Дима не удержался, спросил:

– От чего это он... такой?

Валя вздохнула, ответила нехотя:

– Контузия. Тетя Варя у нас знахарка-травница, восьмой год лечит. На ноги поставила, а разум до конца пока не вернула. Но обещает. Мы потому и живем здесь, что в другом месте нам никто ничего не обещает.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Она убрала со стола, за перегородкой принялась мыть посуду. Дима немного посидел в одиночестве, сонно разглядывая цветочный узор на клеенке, крикнул «Спасибо!» («На доброе здоровье» – отозвалась из кухни Валя) и ушел в летник, где проспал до вечера.

Разбудила его Лена.

– Не спи, не спи, художник, не предавайся сну, ты – времени заложник, у вечности в плену... – пропела она Чистову на ухо.

– А? Что? – вскинулся он, не сразу поняв, где находится.

– Дим, там такой невозможный закат! Пойдем к озеру.

Девушка сидела на краю топчана, смотрела большими умоляющими глазами. Дима вскочил, старательно избегая коснуться ее в тесноте сарайчика.

– Хорошо, сейчас приду...

Лена ушла нехотя.

Повалявшись еще немного в уютном полумраке, Дима решил, что художник действительно «времени заложник»; пока не стемнело, надо поработать. Собрался, вышел. В огороде среди грядок увидел белый платок и отчего-то вдруг разволновался.

Валя выпрямилась, посмотрела издали – словно потянула за невидимую веревочку, и Дима пошел к ней, не задумываясь... Внезапно под ногу ему попала какая-то палка, перед глазами возник большой лопух, а по затылку ударил этюдник.

– Ах ты, батюшки, – по-бабьи заохала Валя. – Ну-ка, покажи...

Она осматривала его ушибленную ногу, а он разглядывал ее тонкие пальцы, круглые глянцевые колени и боролся с искушением обнять эту незнакомую, но почему-то очень желанную женщину.

– Больно?

– Нет.

– Попробуй наступить.

– Все нормально. Извини... те.

– Да за что? Это я виновата – бросила тяпку на меже.

Она говорила негромко, наклонялась близко, прикасалась ласково... Дима едва сдерживался. Почудилось: от высокого напряжения воздух между ними искрит, даже вроде озоном запахло... Он уже почти перестал владеть собой, как вдруг в доме громко хлопнула дверь, Валя испуганно шагнула в сторону, и... будто щелкнул невидимый выключатель – исчезла искра.

Дима помолчал растерянно, брякнул ни к селу, ни к городу:

– Мне Варвара Кузьминична почему-то запретила к ва... к те... к тебе подходить.

Валя засмеялась, пожала плечами:

– Не подходи, коли не разрешает.

И добавила тихо:

– На мне запретов нет.

Помолчали. Дима тупо топтался на меже, Валя старательно сгребала в кучу вырванную траву. Взглянула в глаза – словно небесной лазурью плеснула:

– Ты куда шел-то?

– Э-э-э... Работать. Монастырь у вас тут... Хотел набросок сделать.

– В ту сторону иди. Там калитка.

Вернулся Чистов затемно. На столике обнаружил кувшин молока и теплый еще каравай. На топчане громоздился огромный тулуп. С наслаждением поел при льющем в оконце ярком свете луны и вытянулся под теплой овчиной.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

И приснился ему странный сон: будто идет по лунному лучу неземной красоты женщина. Обнаженное тело прикрывают только длинные светлые волосы. Она льнет к Диме руками, ногами, губами, и он подается навстречу ее горячим ласкам... Вместе они на огромных качелях взлетают к небу и падают вниз... Взлетают и падают, взлетают и падают... В сладком наваждении Дима истаявал, растекался нежностью. Ошеломленный, не сразу понял, что это не сон, что над ним Валя в покрывале своих дивных волос. Хотел удивиться – не смог, засмеялся, крутанулся, подминая ее под себя, и снова улетел в какое-то иное, неизведанное измерение...

А когда вынырнул в реальность дня, Вали рядом уже не было.

Она развешивала во дворе постиранное белье. Глянула чистыми ясными глазами, ласково поздоровалась:

– Доброе утро.

Дима подошел, обнял, уткнулся в волосы, закрученные на затылке в большой пучок, вдохнул травный запах:

– А я тебя во сне видел. К чему бы это?

Валя улыбнулась:

– К непогоде, должно быть. Ступай в дом, там каша на столе.

Снова взялась за белье. Сосредоточенно доставала мокрые вещи из таза, встряхивала, прицепляла на веревку – словно отгораживалась от Димы...

Уходить ему не хотелось.

– Угу. Спасибо. Тебе помочь? Может, воды принести...

– Нет, не нужно, мы с Толей сами справляемся.

Дима крутился возле Вали, а она гнала его, беспокойно оглядываясь.

– Иди, делай свое дело, рисуй.

– Ты как будто боишься кого-то.

– Не надо, чтобы Толя нас видел.

– Он же тебе не муж и не сын.

– Зато я ему – всё.

– Где его так?

– В армии.

Отвечала Валя скупо, неохотно, и Дима прекратил расспросы. Собрал этюдник, пошел к монастырю.

У живописных руин уже сосредоточенно трудились Зорин и Полева.

– Что-то ты долго дрыхнешь, – Игорь взгляделся в лицо приятеля. – И лыбишься как придурочный. Ну-ну... Может, тебе лимончик зажевать?

– Зачем?

– Затем, что на тебя смотреть больно: сияешь как солнце.

– Иди ты, – отмахнулся Дима.

Подошла Лена, поинтересовалась тревожно:

– Еще не прибил тебя малахольный братец?

– С чего бы? Он смирный.

– Да? А моя хозяйка говорит – буйный. Прошлым летом с топором гонял по деревне какого-то фольклориста.

– Еще чего старая сплетница тебе наговорила?

– Валя и Толя – близнецы, из Подмосковья. Он – контуженый инвалид.

– Это я знаю, – кивнул Дима.

Было неприятно, что Лена и болтливая бабка обсуждали Валю за ее спиной.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

«Надо прекратить этот разговор, Валя мне сама о себе расскажет», – подумал Дима, но промолчал. А Лена торопливо выкладывала все, что успела узнать.

– Она после школы поступила в институт, а он не поступил, его забрали в армию и отправили, знаешь, куда?

– Куда?

– В Чехословакию, – шепотом сообщила Лена и опасливо оглянулась, будто в этой глуши кто-то мог арестовать ее за разглашение секретных сведений. – Он танкистом служил. Представляешь?

Дима представлял плохо. В армии он не был, после школы сразу поступил в институт. Про Чехословакию что-то слышал, но когда в Прагу входили советские танки, ему было всего одиннадцать лет...

– Через два года родителям сообщили: Толя пропал без вести. Мать слегла, отец запил, а Валя бросила учебу и поехала брата искать. Нашла в красноярском госпитале. Какой-то писарь-идиот перепутал Красногорск с Красноярском. Представляешь?

– Да, – Дима невольно стал вслушиваться в рассказ.

– Вот. И тогда Валя устроилась работать санитаркой, чтобы всегда быть рядом с братом. А Варвара Кузьминична как раз ногу косой повредила, и ее тоже в госпиталь положили как ветерана войны – она на фронте снайпером была, отец-охотник научил ее бить зверя прямо в глаз. Там они с Валею познакомились и вдвоем Толю сюда привезли, чтобы травами лечить. Но на самом деле Варвара никакая не знахарка, а колдунья. Она и Валею учит ворожить. Не заметил?

– Как же, видел: на помеле летала, – засмеялся Дима, но на душе у него сделалось неуютно...

Ночью он долго рассматривал в оконце расписанный загадочными тенями желтый глаз луны – ждал Валею. Не выдержал, уснул. Проснулся от прикосновения горячего тела. Щекотно скользнули по коже душистые волосы...

«Может, и правда, ведьма», – подумал равнодушно, уносясь то ли в рай, то ли в преисподнюю.

Днем Дима неистово работал, во всем ощущая Валею: в деревьях – ее тонкую фигуру, в траве – шелковистые волосы, в озерной глади – ласковые ладони... А ночью, когда силы тьмы раскачивали небесные качели, взлетал к луне, все больше теряющей очертания идеального круга.

Днем на него укоризненно смотрели заплаканные глаза Лены и – насмешливо – Игоря Зорина, а ночью он не мог оторвать взгляда от колдовской игры лунного света на обнаженном женском теле...

– Можно, я тебя нарисую?

– Некогда мне позировать.

– Давай прямо сейчас, при луне. Я смогу.

– Поспи лучше, отдохни. Потом нарисуешь, по памяти. Ты ведь не забудешь меня?

– Никогда! Ты не такая, как все. Ты – особенная.

– Чем же?

– Всем...

Толя вроде бы и существовал, но его как бы и не было – Чистов с ним не встречался. Уходил рано, прихватив собранную Валею корзинку с едой, возвращался поздно, когда больной уже спал.

В сумасшедших ночных полетах Валя о брате не вспоминала. Они вообще почти не разговаривали. Но Дима чувствовал: никто никогда не понимал его так хорошо, как Валя. И

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

никогда раньше он не брал в руки кисть с таким душевным восторгом, с такой нежностью ко всему сущему: небу, лесу, озеру, монастырским руинам и даже к зловредной старухе-сплетнице, ежедневно пичкающей Лену байками о колдунах и ворожеях.

Округлив глаза, Полева пересказывала, что Варвара специально селит к Вале молодых мужиков. Как-то вычисляет, у кого сердце свободно (тут Лена начинала шмыгать носом, а Дима смущенно отворачивался) и ведет в летник. Надеется, что Валя квартиранта приворожит и тот останется навсегда, а то ведь умирает деревня...

Страдания Лены и насмешки Игоря портили Диме настроение, и он стал уходить работать подальше в лес.

Возвращался затемно, быстро ужинал в сарае и, покрутившись в нетерпении на топчане, встречал «белую лебедь, обреченно плавающую по замерзающей воде» – такой сюжет Чистов задумал для своей дипломной работы.

Эскизы круглого озера, дремлющего в лесной глуши, уже лежали в папке.

Время замедлило ход, почти остановилось.

Подтолкнул его Зорин. Однажды он разыскал в лесу Диму, упоенно работающего над очередным наброском:

– Все, Димон, надоело мне это захоlustье. Пора обратно в цивилизацию. Завтра тракторист в город едет, мы с Леной договорились с ним отчалить. Но ты, если хочешь, можешь остаться у своей старушки навсегда.

Дима растерялся. Быстро собрал этюдник и пошел в деревню.

Во дворе Толя неловко рубил дрова. Валя, приговаривая что-то ласковое, складывала их в поленницу. Не обращая внимания на убогого, Дима сгреб женщину в объятия, заговорил сумбурно:

– Поехали со мной! У меня мама очень хорошая, она тебя примет...

Толя замер с колуном в руке и бессмысленно уставился на них.

Валя вывернулась, глянула непривычно холодно:

– Ты что!? Нет-нет! Брата не брошу! Никогда!

Дима снова крепко прижал ее к себе, словно уговаривал всем телом:

– В Москве клиники всякие есть, дома для инвалидов, можно его – туда...

Говорил и чувствовал, как неубедительны его слова, а сам он жалок и нелеп.

Валя птицей трепыхалась в его руках:

– Ни за что! Он не выживет без меня!

– А как же я? Я тоже... тоже не смогу без тебя! Поехали...

– Нет! Нет!

Они боролись, словно дрались, каждый – за свою судьбу.

Вдруг через Валино плечо Дима увидел побелевшего Толю с вытаращенными глазами и вознесенным над головой топором. Жутко завывая, Толя медленно шел на них.

Валя оттолкнула Диму: «Уйди подальше!», метнулась к брату:

– Толенька, маленький... все хорошо... это я, я... смотри сюда... смотри на меня...

Дима отступил в густую тень у забора, не зная, броситься ему к Вале на помощь или она сама справится? Ведь не в первый же раз, наверное, этот припадочный так возбуждается.

Толя мотал головой, мычал и рвался из рук сестры. А она ловила в ладони его лицо, взглядом держала зрачки, гладила по щекам, по голове:

– Толечка, братенька, это я... я тут... я с тобой... все хорошо, мой родной, мой любимый...

И уластила, успокоила. Толя замер, закатив глаза, приоткрыв слюнявый рот; штаны его вдруг намокли – он описался и расслабленно повис на сестре. Валя повела его прочь, приговаривая нежно:

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

– Ничего, ничего, маленький, все хорошо... сейчас в баньке помоемся, переоденемся...

Диму затошнило так, что едва не вывернуло. Он опустил на траву. Посидел немного, отдышался и побрел в летник. Долго лежал в нагретом солнцем, пропитанном запахом трав сарае, не думая ни о чем. Ждал, когда придет Валя и они спокойно обсудят, как дальше жить. Вместе непременно что-нибудь придумают. Вместе...

Он то засыпал, то просыпался во мраке, обступившем его со всех сторон, – луна той ночью так и не показалась на затянутом черным крепом небе; и опять засыпал, во сне продолжая прислушиваться, не идет ли Валя.

Она не пришла.

Очнулся Чистов на рассвете усталым, разбитым. Вяло собрал вещи, пошел во двор. На крыльце Валя складывала в знакомую корзинку еду. Мне в дорогу – понял Дима. Сердце сбилось с ритма... Подошел, хотел обнять, поцеловать, но натолкнулся на отстраняющий взгляд и не посмел. Попытался сказать что-нибудь теплое, доброе, не нашел слов, кивнул молча.

Синие глаза Вали плакали сухо, без слез.

В Москве случилось то, чего никто не ожидал: Чистов бросил учебу, ушел из дома в какую-то общагу, где три дня страшно пил, а потом попытался повеситься. События вызвали скорую.

Через месяц мать забрала Диму из больницы и позвонила Лене Полевой. Лена не утешала, не упрекала, просто всегда была рядом – спокойная, преданная.

Год спустя похудевший, молчаливый, Дима восстановился в институте и на «отлично» защитил серию сибирских пейзажей. Среди них выделялся вид освещенного полной луной таинственного лесного озера с одиноким белым лебедем у берега...

За панорамным окном мастерской стемнело. Но Чистов и без света, и даже с закрытыми глазами видел картину: сквозь сумбур темных, как ночное небо, тревожных мазков неясным светом проступает обнаженная женская фигура в профиль. Женщина напряжена, словно хочет, но не может двинуться; на запрокинутом лице смирение узника, уже полюбившего свою неволю. Длинные волосы падают за спину, в их линиях угадывается вторая фигура – мужская. Остро ощущается: женщина и мужчина неразделимы, как проросшие друг в друга растения... Валя и Толя. Сестра и брат. Но искусствоведы, в их числе и друг Дмитрия Павловича известный галерист Игорь Борисович Зорин, полагают, что так художник изобразил любовников, и хвалят находку.

Еще специалисты отмечают неизменно бушующую в картинах Чистова энергию жизни. Источником этой неугасающей с годами чувственности все называют жену мастера Елену Михайловну Полеву – его музу и берегиню.

Дмитрий Павлович этого мнения не опровергает.

«СКВОРЕЧНИК» ДЛЯ ЖЕНИХА

- Здесь поставлю! – Баба Лена тычет кривым пальцем в середину огорода. – Возле межи.
- Баблен, может, лучше в сторонке, поближе к забору...
- Нет, ночью далеко ходить – темно, страшно.
- Мужик ничего не должен бояться!
- Здесь пусть стоит, чтобы из окна было видно, если кто чужой зайти вздумает.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Не понимаю, зачем кому-то идти по нужде в чужой двор, если рядом овраг, уже превращенный жителями окраины в отхожее место? Но не мне спорить, я здесь никто: снимаю у одинокой старушки Елены Иосифовны – бабы Лены, как она сама попросила ее называть, – одну из двух комнатушек в старом ветхом домишке.

Обстановка более чем аскетичная: мебели по минимуму, вода – колонка на улице, канализация – каждой даме по эмалированной «ночной вазе» под кроватью. По утрам мы выплескиваем из тех «ваз» в ямку на огороде. Раз в неделю баба Лена засыпает ямку землей и копает новую.

Средневековых особенностей быта бабушка стесняется, оттого долго не поддавалась на уговоры своей соседки – моей коллеги, не хотела пускать квартирантку. Я же позарез нуждалась в дешевом жилье. Хозяйка сдалась под горячие уверения, что меня не смутит унитаз системы «горшок» и обещание вести себя тихо, гостей не водить. Я и не собиралась, наоборот, надеялась в скором времени отсюда уехать. В Ставрополь меня насильно распределили после института, в Москве остался возлюбленный, и в скором времени я ждала от него предложения руки и сердца...

Обликом баба Лена – вылитая Баба-яга: нос крючком, седые кудри торчком, губы провалились в беззубый рот, только большие карие глаза в длинных ресницах, будто с другого лица к ней попали. Однако разглядеть их красоту непросто: и без того маленькая, она сутулится и прячет взгляд.

Мы живем мирно, но на солидной дистанции: ни разу хозяйка не поддержала мои попытки помочь ей по хозяйству или поговорить «за жизнь». Так и уехала бы я, ничего не узнав о ней, кроме имени, если бы не телеграмма из Москвы: «Прилетаю. Дата... Рейс...»

Известие о приезде моего потенциального жениха вызвало у бабы Лены такую панику, словно к ней вознамерился наведаться сам первый секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Она переполошилась, заметалась и... потребовала от меня немедленно съехать.

Я уперлась: найти другое жилье за пару суток нереально, да и зачем? Если бабушка не хочет, чтобы в ее доме ночевал мужчина, он будет жить в гостинице.

Не вышло: в ноябре 1980 года в ставропольских «отелях» не оказалось ни одного доступного простому смертному номера.

– Баблен, – взмолилась я, – подозреваю, он хочет сделать мне предложение, потому и решил прилететь на пару дней. Смирный, приличный парень. Возьму у друзей раскладушку, пусть две ночи поспит в кухне. Рано утром, вы еще не встанете, мы уйдем в город, возвратимся вечером, никакого беспокойства вам не будет, клянусь!

Но бабушка, едва не плача, огорченно покачала головой:

– Нет-нет... а куда же он... куда он *это* делать будет? – она скосила глаза на горшок, предательски высунувший из-под кровати белый эмалированный бок. – Нет-нет, неприлично! Не хочу!

Крыть было нечем. Я об *этом* и не подумала.

– Стыдно, – продолжала причитать баба Лена. – Мужчина ведь!

Такого чрезмерного волнения и стыдливости я не понимала, чего уж тут особо позорного, все *это* делают. Да, неприятно, «вазу» мужику не предложишь, но есть же, в конце концов, овраг через дорогу...

После работы я долго металась по городу в поисках места жительства для гостя, но найти ничего не смогла. Вернулась затемно, измученная, голодная и застала хозяйку в компании двух работяг. Они сидели в кухне, что-то обсуждали.

Возбужденная баба Лена говорила непривычно горячо:

– Да не торгуйтесь сильно, не торгуйтесь, сколько дам, за столько и сделаете, но чтобы хорошо! Послезавтра утром должен стоять! Поняли?

Мужики что-то прогудели в ответ и потопали к выходу.

Заперев дверь, бабушка победно доложила:

– Договорилась. Завтра придут и построят в огороде скворечник. Надо только место определить.

– Что построят?

– Туалет, папа мой его «скворечником» называл. Раньше тут стоял, да сгнил. Мне одной он не нужен был, а так... почему бы и не поставить, пригодится когда-нибудь.

Не слушая ни благодарности моей, ни предложения вложиться в стройку деньгами, она ушла в свою комнату.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Утром мы, как обычно, встретились у ямки.

Оглядев пустое пространство взором императора Петра Первого, выбирающего место для новой столицы, бабушка указала перстом в самый центр участка.

Вскоре подошли строители с досками, инструментами и приступили к делу.

По случаю воскресного дня я не работала, в город не поехала, невзирая на протесты бабы Лены, начала генеральную уборку по всему дому.

Наносив побольше воды, прошлась с тряпкой по своей комнате, по кухне и впервые за три месяца совместного жития вошла в хозяйские покои. Комната чуть побольше моей, узкая железная кровать с никелированными спинками, круглый стол, на стене в старой раме выгоревший черно-белый портрет молодого красавца – густой чуб волной из-под казачьей фуражки, веселый взгляд, твердый подбородок, ямочки на щеках.

– Какой симпатичный парень, ваш родственник?

Старушка мое вторжение встретила хмуро, но в ответ на вопрос неожиданно рассмеялась:

– Вот тоже сказала! Это ж артист из кино!

Смеющаяся баба Лена совершенно преобразилась. Стало видно, что она моложе, чем кажется. Беззубая, седая, сгорбленная – да, но не старуха, нет. И карие глаза, когда она их не прячет, красивые, живые.

– Артист? Как его фамилия?

– Не помню. Давно еще из журнала вырезала. Его уж и нет на этом свете.

– Вы были знакомы?

Елозя тряпкой по полу, я ждала ответа, но баба Лена молчала, опустив голову, и в том молчании чудилась такая боль, к какой походя прикасаться нельзя, можно только ждать, когда она сама попросит выхода. И я тоже умолкла.

Закончив уборку в полной тишине – лишь за окном стучали топоры да переругивались рабочие, – я уже собиралась выйти, когда услышала глубокий вздох и тихий голос:

– Я этого артиста и не знала. Он на мужа моего похож, потому повесила... Ладно, садись сюда, помянем безвинно убитых...

Я спешно унесла ведро, вымыла руки.

Хозяйка поставила на стол хлеб, картошку, сало, соленые огурцы, самогон – непьющая, она держала бутылку как лекарство – и плеснула по чуть-чуть в большие граненые рюмки зеленого стекла.

– За маму мою Фаину, брата Марка, сестру Раечку и мужа Александра, – уточнила баба Лена.

Выпили, не чокаясь. Помолчали.

– А папа ваш, – не выдержала я, – он... как?

– Папа сам умер. Не выдержало сердце ждать, когда придут, заберут. К тому все шло. Сначала нас из городской квартиры в эту хату выселили, потом и сюда уже почти добрались... Только он их опередил, сам ушел. На тот свет. На рабочем месте прямо, в коровнике, ветеринаром был... До войны еще... Я только-только школу закончила, к нам на выпускной вечер курсанты приехали, тогда мы с Сашей и познакомились...

Она говорила, глядя в угол, словно оттуда смотрели на нас те, о ком рассказ: родители, младшие брат с сестрой, сама Лена – юная жена, ее муж – выпускник пехотного училища, и женщина в милицейской форме – сотрудница отдела регистрации гражданских актов НКВД, записавшая в их свидетельстве о браке дату: 21 июня 1942 года...

Свадьбы не было. И первой брачной ночи тоже. Не успели. Ничего они не успели, даже сообщить родителям, что расписались тайком.

Его родные были против невестки из бедной еврейской семьи, справедливо опасаясь, что такой брак повредит карьере сына. Ее мама и слышать не желала о зяте-военном: он себе не принадлежит, куда пошлют, туда и поедет, а с ним и дочка будет до старости по стране мотаться.

А они любили и с бесстрашием юности не желали признавать никаких доводов рассудка. Пошли да и расписались, пользуясь тем, что получившему предписание офицеру разрешалось не ждать регистрации установленный инструкцией месяц.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Ошарашенные собственной смелостью, счастливые до сумасшествия юные супруги гуляли по городу всю ночь в уверенности: самое главное у них впереди. Скоро они вместе уедут к месту назначения младшего лейтенанта Копылова и лягут в одну постель не в тесном домишке у Лены, где свободного угла нет, и не в коммуналке у Сашиных родителей, а в своей комнате.

Держась за руки, они неспешно шли через весь город на окраину, где жила Лена, когда их настигла война – и развела!

Саша сразу бросился в военкомат, а Лена – домой. Весь день отпаивала маму валерьянкой, успокаивала младших – десятилетних близнецов Марка и Раечку. Так и не нашла возможности сообщить о своем тайном браке. Решила еще подождать, решила: получит от Саши письмо и скажет: «Смотри, мама, это мне муж прислал!»

Но писем не было.

Измученная ожиданием, Лена поехала на другой конец города к его родителям узнать, нет ли им весточки, сознаться, что вопреки их воле стали они все-таки родней, прощения попросить. Узнала: Саша погиб в первом же бою. Промолчала, не призналась. И не позволила себе расплакаться при его матери, пережила горе в одиночестве.

А потом пришли оккупанты.

Вот когда Лена порадовалась, что никто не знает о ее муже-офицере: семьи красноармейцев немцы уничтожали целиком, безжалостно убивая и стариков, и младенцев.

Она сожгла свидетельство о браке и все фотографии, где был курсант Копылов один или с друзьями. Долго не решалась, но все-таки отправила в огонь единственный семейный снимок, сделанный уличным фотографом возле загса: Саша в новенькой форме, рядом она в легком платье, прижала к губам букетик полевых цветов, над цветами – огромные карие глазищи светятся счастьем... Сгорело все, образ мужа остался только в ее памяти.

В августе сорок второго Лену, ее маму Фаину и Марка с Раечкой, как тысячи других еврейских семей, фашисты расстреляли во дворе их собственного дома.

Стон за забором услышала соседка. Ночью она вывезла раненую Лену на тачке сначала в овраг, а после спрятала у себя в погребе, где Лена провела пять месяцев, в буквальном смысле не видя света белого.

В январе сорок третьего советские войска освободили город, и она вернулась в свой пустой, холодный дом...

Годы не погасили в ней первой любви: после Саши Лена больше ни разу ни с кем даже не поцеловалась, хотя работала в мужском коллективе диспетчером локомотивного депо.

Жизнь прожила одна – не жена, не вдова, не старая дева.

Стук в дверь возвратил нас в настоящее.

– Иди, хозяйка, принимай работу, – позвали строители «скворечника».

В огороде на фоне черной земли, местами припорошенной первым чистым снегом, светился свежеструганными боками роскошный туалет. Но особенно меня потрясло легкомысленное оконце в форме сердечка – как намек на повод появления мужчины в нашем девичьем царстве.

Баба Лена торжественно навесила на солнечно-желтую дверь туалета амбарный замок:

– Чтобы никто чужой не зашел ненароком. Завтра открою, когда твой жених приедет.

Ночью случилось необычное для поздней осени явление: над Ставрополем повис грозовой фронт и аэропорт закрыли.

Мой суженый сделал мне предложение по телефону.

Вскоре я попрощалась со своей хозяйкой, ее маленьким уютным домом, портретом неизвестного артиста, похожего на младшего лейтенанта Копылова и девственно чистым персональным «скворечником» для жениха, с которого баба Лена так и не сняла большой черный замок.

ПРОЗА

Игорь Колесников

(Ангарск, Иркутская обл.)

ПРОГУЛКА

– Мущина, проводите даму до дома... пжаста!

Я даже не сразу понял, что это ко мне. «Дама» довольно-таки сносно стояла на ногах, но ее явно терзали какие-то смутные сомнения. На ней было серое пальто с серым воротником и такая же шапка. Темно было, и всё казалось серым. Нет, не всё. Моя черная телогрейка не казалась серой.

Я стоял у подъезда в кроличьей шапке-ушанке с одним опущенным ухом, голубых трениках с вытянутыми коленями и в осенних сапогах со сломанными молниями. Было прохладно, и я сгорбился, засунув руки как можно глубже в рукава телогрейки. Я не просто стоял. Я выгуливал собаку. Ну как выгуливал! Кобель сам прекрасно делал все свои дела где-то в темноте, моей задачей было только свистнуть, когда коленки начнут трястись от холода.

Если подходить формально, то я действительно был единственным мужчиной в поле зрения. Ладно бы еще в субботу, но в двенадцать часов ночи зимой во вторник нормальному мужчине вообще без надобности морозить яйца, круглосуточных ларьков-то тогда еще не было.

Другое дело я. У меня была собака. Большой кобель немецкой овчарки. И его нужно было выгуливать. Вот только мужчиной меня назвать можно было с натяжкой. Весной мне должно было исполниться пятнадцать. Впрочем, в темноте этого было не видно.

– Ну мущина! – дама притоптывала ножкой на дорожке, что шла мимо нашего дома. – Я боюсь одна дальше идти!

Я оторвался от важного занятия – подпирания железного столба, поддерживающего козырек подъезда, и неуверенно сделал шаг навстречу.

Район наш построен прямо среди соснового бора. Редкие пятиэтажки утопают почти по самую крышу в волнах сосновых макушек. Когда смотришь из окна пятого этажа, то перед глазами сплошная зелень, а где-то за ней три трубы ТЭЦ-девять. Если дым из них наклонен вправо – значит, ветер северный.

Натоптанная дорожка проходила мимо нашего дома, где, кстати, было почти светло от почему-то еще целого фонаря, и сразу углублялась в темный и дремучий сосняк.

«Проведу тетку до дому, чё уж...», – подумал я и приблизился.

– Ой! Как хорошо, что вы мне попались, мущина! – дама умело просунула руку под мой плотно прижатый к боку рукав. – А то я боюсь одна! Ой! Мама!

Она подпрыгнула и повисла на мне, как на баобабе. Да, пусть будет на баобабе. Баба на баобабе.

– Фу! Нельзя! – я цыкнул на кобеля, который по обыкновению бесшумно выпрыгнул из темноты. Тот сразу потерял к бабе всякий интерес.

– Это ваша собака? – Баба слезла с баобаба. – Какая умная! Она нас защитит?

Я кивнул, и торчащее вбок ухо шапки щелкнуло меня завязкой по носу.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Мы зашли в лес. Женщина была мне примерно по плечо. Ее сапожки мелко вонзались каблучками в утопанный снег, мои расстегнутые сапоги безбожно скользили, и я по всегдашней привычке не шел, а ехал на них, как на коньках. Мне было трудно подстроиться под ее короткие шажки, я спотыкался и поскользывался, мы дергались, как пара необъезженных лошадей, ударялись плечами и отскакивали друг от друга. Тетка пыталась что-то рассказать, но сбивала дыхание и все силы тратила на то, чтобы не отцепиться от моей руки. Я понял только, что шла она с какого-то дня рождения.

Наверное, со стороны мы были похожи на мать и сына. Хорошо, что никто не видел это со стороны. Точно так же встречал я мать после ночной смены, дожидаясь последнего трамвая, точно так же держала она меня под руку, только ходили мы по освещенной улице, я был в зимних нескользких ботинках, брюках с начесом и дубленке. И шагали мы в ногу.

Дорога шла вдоль высокого забора детского садика. Летом мы с пацанами ловили здесь отличных разноцветных стрекоз, привязывали к их жопам нитки и запускали в небо, как воздушные шарики. А еще лазили в садик воровать ранетки, а сторож гонялся за нами с длинной палкой с торчащим на конце гвоздем.

Забор этот стыковался с примыкающей под прямым углом низенькой оградой третьей школы. До школы было идти две минуты, но я в ней не учился, потому что мать говорила, что она для идиотов. Почти все мои друзья учились в третьей школе, и часто по вечерам вот в этом самом заборном углу идиоты жгли костер, жарили голубей и рассказывали похабные анекдоты.

Постепенно походка стала более-менее ровной, и мы не болтались уже по дорожке, как пара подвыпивших матросов. Только колени начали коченеть под тонкой продуваемой тканью. Я глубже засунул руки в рукава телогрейки и еще больше сгорбился.

Справа была горка. Захотелось рвануть что было духу, взлететь на вершину и лихо скатиться вниз на ногах. Горка была естественная, что для нашего города, расположенного на ровной местности, являлось достопримечательностью. На горе стояла пятиэтажка. В начале зимы из окна квартиры на первом этаже вытягивался шланг, и горку долго и тщательно заливали. По вечерам целые толпы наших и пришлых пацанов и девок всех возрастов веселым и неустойчивым паровозиком без устали и со смехом лихо катались с горы, рассыпаясь внизу на отдельные падающие в снег элементы. Было так весело, что никто никогда не конфликтовал, даже если кому-то случайно разобьют губу или оторвут пуговицу.

А прошлой зимой мы долго катались по очереди с горы верхом на найденном на помойке кинескопе от телевизора. Эх, как мы летели! Вылетали прямо на эту дорогу, по которой сейчас шли с теткой.

– Дебилы! Он же взорвется! – сказал дядька, которого я чуть не сбил с ног.

Это было ценное предупреждение! Мы прислонили кинескоп к дереву и кинули кирпичом. Эх, как бабахнуло! Вот это классно было!

Дорога раздваивалась. Направо можно было выйти к магазину, где на входе стояли прекрасные стеклянные конусы с соками и аппарат с газировкой. Двойной грушевый за восемь копеек – вот это был кайф в жаркие летние деньки!

Еще там продавали колбасу по талонам за два двадцать и два девяносто, молоко за пятьдесят копеек в литровых бутылках с золотинковыми крышками, хлеб за двадцать две и всякие прочие нужные и вкусные вещи. Чаще всего хлеб добирался до дома с начисто сгрызенной коркой.

Но мы пошли налево. Вдоль садика. Здесь я почти каждый вечер гонял на санках, запряженных моим псом. Мы летели быстрее ветра вокруг садика, потом через двор третьей школы, где дворники редко чистили снег, и вот уже снова подъезжали к дому с другой стороны. А иногда мы выезжали на дорогу. Это была тихая улочка, машин на ней почти не встречалось,

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

зато укатанный снег никто никогда не чистил. За этой дорогой жил мой одноклассник Черняев. У него тоже была собака – колли, и мы целыми часами гуляли по территории онкологической больницы, трепались о том о сем, а собаки наши без усталости носились вокруг и бесились до полного изнеможения.

Тут дорога осветилась редким светом из окон дома, мимо которого мы проходили. Забор садика ушел налево, тетка повела меня прямо. Там, через очередной сосняк, оставался только один ряд домов. И дальше трамвайная остановка, но не та, на которой я встречал мать. Сюда не ходила «семерка».

Мы прошли мимо двух домов, стоящих в одну линию, и повернули налево. Я понял, что пришли. Тетка остановилась возле среднего подъезда. Ну всё! Щас домой побегу – и спать!

– Подожди немного... – Морда у тетки даже сделалась печальной. – Я не могу сейчас домой... Не бросай меня...

И она закурила «Стюардессу». Мать тоже курила «Стюардессу» или «Ту». А много позже перешла на «Приму» и «Беломор». Я стучал зубами. Думаю, было слышно. Мой кобель как ни в чем не бывало шлялся по окрестным кустам.

– Я писать хочу! – сказала тетка.

«Я тоже, – подумал я, – и вообще, иди домой и писай! И я пойду».

Но тетка не пошла домой, а присела возле подъезда за лавочкой. Послышалось долгое журчание.

– А чего он смотрит?! – Кобель вышел из кустов и с любопытством уставился на писающую девочку, и та завопила истошно и даже истерично: – Чего он смотрит?!

Я недоумевал. Ну смотрит, ну и что? Я же смотрю, но это почему-то никаких эмоций не вызывает. Зачем так истерить по поводу животного?

– Пойдем лучше в подъезд, – сказала облегчившая душу дама, подтягивая какие-то свои многочисленные колготки.

Мы поднялись на третий или четвертый этаж. Я был готов на все что угодно, лишь бы согреться.

– Обними меня!

Пальто, которое она расстегнула, было на самом деле серым, теперь, в свете неяркой подъездной лампочки, это было видно. Воротник, шапка, сапоги, колготки – все тоже было серым. Серой была и кофта под расстегнутым пальто.

Я стоял на одну ступеньку ниже площадки, она на одну выше. Между нами были кривые ободранные перила, но лицо ее оказалось на одном уровне с моим. Я подумал и просунул ей под пальто озябшие руки. Там было тепло! Тетка прижалась ко мне, а точнее, к перилам. Я не особо шарил под пальто, но точно помню, что нащупал талию. Тетка была нежирной. Ей было, наверное, лет тридцать пять – сорок. Прямо перед моими глазами вздымались титьки, очень хотелось их пощупать, но я не решался.

Тут я почувствовал ее руки под своей телогрейкой. Там была только дырявая майка. Руки быстро успокоились, замерев в замке на моей спине. Хотелось в туалет.

Что делать дальше, я не знал. Женщина ничего не говорила, а сам я ничего делать не решался. Может быть, увести ее ко мне домой? Мать сегодня в ночную, дома никого. Брат служил в то время в Бахчисарае. Удачно сложилось. Но я не знал, как предложить.

Тетка воняла перегаром, табаком и периодически тихо то ли кряхтела, то ли стонала. Тете Полине тоже лет сорок, но она вдвое толще. По воскресеньям я катаюсь с отцом на лыжах. Он живет в другом конце города, рядом начинается лес. Я приезжаю с лыжами на трамвае, потом иду пешком два квартала. Потом мы часа два-три катаемся на лыжах и на обратном пути заходим к нему домой. Там Тетя Полина уже ждет. Руки у нее в белых пятнах и лицо тоже. Но

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

от нее никогда не пахнет перегаром или куревом, а всегда сдобными булочками. Когда мы возвращаемся, усталые и мокрые, уже готов пирог с брусникой, сдобное печенье или какие-нибудь другие вкусности. Вещи сохнут на батарее, я с удовольствием уплетаю всю эту вкуснятину, а тетя Полина улыбается и всегда подкладывает мне еще. Она спрашивает об успехах в школе, всегда ласковая, не орет, как мать, и ничего не заставляет делать. Я бы даже жил у тети Полины, но отец частенько хмурится или о чем-то спорит с ней, а иногда уходит вместе со мной. Я еду домой, а он – не знаю куда.

– Поцелуй меня... – сказала тетка.

Из наших только Черняев по-настоящему целовался. Потому что у него была Светка. Они даже на переменах умудрялись целоваться на подоконниках. Я завидовал, потому что Светка была красивая. А однажды – Черняев рассказал на очередной нашей прогулке с собаками – Светка пришла к нему домой, когда никого не было, они легли на диван и разделись.

– А дальше что? – спросил я с замиранием сердца.

– А ничего, – ответил Черняев, – не стал я. Подумал и не стал. Рано еще.

Вот это я не понял... Как можно раздеться и остановиться?

– Ну поцелуй же, ну!

Я зажмурился и приблизил губы к ее губам. Было противно. Из ее рта воняло куревом. Когда ее язык шуровал внутри моего рта, меня чуть не вырвало. Стало почти так же хреново, как будто я снова в первый раз пробовал курить.

Примерно за год до этого мне случайно попала «Сказка о Маруфе-башмачнике» из «Тысячи и одной ночи». Был там один момент, который я долго не мог забыть: «И Маруф обнял жену, и прижал её к себе, и стал мять её в объятьях, и прижал её к груди, и сосал ей губы, пока из них не потёк мёд».

– Ты бы стал сосать губы, пока из них не потечет мед? – спросил я Черняева.

– Ну, там уже без разницы будет, – глубокомысленно ответил тот.

Запах от тетки явно нельзя было назвать медовым. От него мутило.

– Пойдем выше, а то вдруг соседи увидят, – женщина поволокла меня наверх.

По пути я незаметно и тщательно отплевывался. Чуток полегчало. На площадке пятого этажа было темно. Вообще, странно тетка себя вела, как будто это не ее подъезд. Не сказала, мол, вот моя квартира, но туда нельзя, потому что там больная бабушка. Или злой муж. Или что-то в этом роде. Ни разу не сделала движения в сторону своей квартиры. Мы просто торчали на этажах, как школьники. Я несколько раз просился домой, но тетка скулила и умоляла остаться.

На пятом этаже ее язык оказался у меня за щекой уже без разрешения. Перила между нами исчезли, и я упирался в живот тетке яростно и нетерпеливо. Но никаких действий не предпринимал, а только следовал теткинским просьбам. А она больше ничего не просила. Сильно хотелось отлить, и болели яйца. Противные губы продолжали прижиматься к моим. Я по инерции шарил руками под кофточкой, но дальше талии и поясницы мои запросы не простирались. Тетка была худощавой. Как тетя Ира – по комплекции.

Тетя Ира – это лучшая подруга матери. Иногда мать говорит людям, что это ее сестра. Она живет в соседнем городе. Мы два раза в год ездим к тете Ире в гости. Садимся в трамвай «тройку» вот на этой остановке, которая видна сейчас в запыленное окошко подъезда, едем около получаса до станции Майск, потом еще примерно столько же на электричке до остановки Зеленый городок. Странно, почему мы садимся в Майске? Ведь до вокзала ближе. Наверное, потому что до вокзала можно добраться только на автобусе, а он ходит редко, всегда полный, до него идти дальше, и проезд стоит шесть копеек, а на трамвае три. Но неважно... От Зеленого городка идти пешком минут двадцать мимо покосившихся двухэтажных

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

деревянных бараков, обитых облупленными, местами прогнившими досками. Но тетя Ира живет в пятиэтажке. Нет, в четырехэтажке! У них почему-то почти все панельные дома четырехэтажные.

Когда мы подходим к дому через пустырь с вкопанными металлическими столбами для сушки белья, нас уже обычно замечают из окна второго этажа и машут рукой.

В квартире тети Иры пахнет чистотой. Всегда. И сама она пахнет чистотой, и сын ее Вовка. Вовке уже под тридцать, но он все равно Вовка. Это здоровенный парень с густыми, черными как смоль волосами. Он заикается, и когда сажает меня маленького на колени и начинает расспрашивать об учебе, то это обычно затягивается надолго.

У Вовки есть замечательные настольные электронные часы с большими зелеными цифрами. Он всегда дает мне с ними поиграть, и я с восторгом рассматриваю яркие светящиеся точки.

Угощают обычно голубцами. Я капусту не ем, она склизкая, а выковыриваю из листьев начинку. Разговоры чаще всего сводятся к теме, когда женится Вовка. Вовка отмахивается и смущенно хихикает.

Он не женится. Никогда. Через десять лет его увезут на скорой с сердечным приступом, но до больницы не довезут. Тетя Ира протянет еще лет пять и тихо уснет в своей одинокой квартире.

– Всё, мне домой надо, – я решительно оторвал липкие губы от своих.

На этом решимость моя иссякла. Домой на самом деле хотелось невероятно, но остатки любопытства всё еще сдерживали. Вдруг будет что-то более серьезное? Я боялся, что тоже будет противно, поэтому сам стеснялся проявить инициативу, но если бы тетка сказала: «Трахни меня», как командовала до этого, то я бы, наверное, не смог отказать... Хотя, вполне возможно, что у меня не получилось бы.

Но на этот раз мое желание уйти неожиданно не вызвало протеста. Как будто кошка, которая наигралась с мышкой, тетка решила дать мне свободу. А может быть, просто поняла, что от меня не будет толку.

Я неуверенно двинулся вниз по лестнице. Темный силуэт стоял не шелохнувшись. Я боялся, что она окликнет меня, и придется возвращаться, ведь взрослых нужно слушаться, но ничего такого не произошло. Я с облегчением вдохнул морозный воздух и начал яростно отплеиваться. Кобель шлялся где-то по окрестностям.

– Изор! – крикнул я.

Тот мигом появился откуда-то из леса.

Я бежал, широко размахивая руками и делая гигантские шаги по скользкой дороге. Небо разъяснилось, появились звезды, и стало значительно холоднее. Я тяжело дышал, но трясся при этом – то ли от холода, то ли от схлынувшего нервного напряжения.

Дома я отчаянно пытался избавиться от противного запаха с помощью зубной щетки и пасты «Поморин». Казалось, это невозможно. Меня все еще мутило, яйца все еще болели. Было уже два часа ночи. Я бухнулся в кровать, но долго не мог заснуть.

– Ну и правильно! – сказал Черняев на следующий день. – Еще бы заразу какую-нибудь подхватил.

Я кивнул. Все правильно он говорит. Рассудительно. Всегда решает рассудком, что можно, а что нельзя. И всегда прав.

Но что бы было, если бы я привел ее домой?..

ПРОЗА

Александр Сороковик

(Одесса, Украина)

КРАСНЫЕ БОСОНОЖКИ

Со Славкой мы перезваниваемся обычно два раза в год, на дни рождения. В этот день звонил я, его черед был праздновать. Раньше мы жили в одном дворе, дружили с детства до тех пор, пока в начале девяностых меня не унесло в столицу – пробиваться наверх, убегая от провинциальной нищеты. Хотя Одесса и не считалась глухой провинцией, все равно перспективы в столице вырисовывались совсем другие.

Звал потом, когда зацепился и начал выкарабкиваться наверх, друга к себе, но он предпочел обустраиваться в родном городе. Созванивались редко – вначале связь между городами была некачественной и дорогой, потом это стало проще и дешевле, однако совместных интересов оставалось все меньше. Общие друзья-подруги переженились, повыходили замуж, разъехались, потерялись. У каждого была своя жизнь: дети, а вскоре и внуки, работа, дача. Последние несколько лет звонили просто по привычке: «Привет-привет, с днем рождения, здоровья-счастья, как дела, жена, дети, спасибо, пока-пока».

Однако в этот раз отлаженные шестеренки дали сбой, и Славка, чуть помявшись, вдруг спросил:

– Сань, а ты дядю Борю помнишь?

– Ну ты даешь, дядю Борю не помнить! Что он, жив еще?

– Да как тебе сказать... Жив, но счет уже на дни пошел. Он в больнице, позавчера увезли, рак у него оказался в последней стадии...

– Да, блин, вы что там, все спите, неужели раньше не заметили, почему только сейчас опомнились?

– А ты дядю Борю не знаешь? Сидел до последнего в своем подвале, работал, «Кубу» напевал, никому ни гу-гу. Буквально за день до того, как его скорая увезла, он еще заказ у кого-то принял! – Славка помолчал, а потом вдруг неуверенно спросил: – Сань, а ты никак не сможешь приехать, попрощаться? Я понимаю, что ты деловой перец, но все же...

Мы поговорили еще немного и разъединились. Я пообещал обязательно вырваться, в душе понимая, что это нереально. На работе запускался новый проект, при успешном воплощении которого наша контора значительно выросла в статусе, а я в должности. Но там только начались согласования, и это могло затянуться еще на неделю-другую.

Да и моя Ксюша не одобряла одиночные поездки, считала, что съездить на отдых в город моего детства, как мы планировали уже лет пятнадцать, нужно всей семьей. А так как семья недавно пополнилась горластым, требовательным и знающим себе цену внуком Витей, про общую поездку можно было забыть на несколько лет.

Однако назавтра начались чудеса. К обеду меня вызвал шеф и в полной растерянности сообщил, что проект прошел согласования с первого раза, на ура, и утром был утвержден.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Весомая премия будет зачислена мне на счет в ближайшие дни, а пока я могу взять небольшой отпуск, дней на десять. Я тут же написал заявление, шеф подмахнул его, и я стал свободным человеком. До следующего проекта.

А Ксюша сказала, что нечего мне тут путаться под ногами, ибо они решили – пусть первые дни молодые поживут у нас, она поможет Светке с ребенком, а заодно приглядит за ее мужем – чтоб был обихожен, накормлен и обласкан, не чувствовал себя лишним и не смотрел по сторонам. Я благодарно поцеловал ее, объявил о своем отъезде и пообещал, что, как только премия придет мне на карту, тут же переведу ее в пользу Его Высочества Виктора Первого.

Покупка билета и сборы много времени не заняли, и уже на следующий день я сидел в мягком кресле возле иллюминатора. Вот мы взлетели, набрали высоту и словно оторвались от всей прежней жизни. Я откинулся на спинку и оказался в далеком прошлом. Исчез салон самолета, подо мною уже не кресло, а бетонная тумба; по двору ковыляет маленький, сухощавый, с высоким лбом, на который сдвинуты круглые очки, наш сапожник дядя Боря. И конечно, звучит его неизменная песня:

«Куба, любовь моя!
Отблеск зари багровой...
Песня летит, над планетой звеня,
Куба, любовь моя!»

Он пересекает двор, напевая песню о кубинских повстанцах, перевирая слова и отчаянно фальшивя, исчезает в подворотне, а я, мальчишка, смотрю ему вслед, и какая-то влажная муть застилает мне глаза. Очень странно, почему, откуда слезы у не умеющего плакать огольца и разбойника с Большой Арнаутской – улицы Чкалова? Наверное, это все-таки плачет взрослый дядька, который словно с высоты видит ту картину, а потом вновь превращается в беззаботного, загорелого до черноты пацана из семидесятых...

***

Дядя Боря был в нашем дворе всегда, сколько я себя помню. Его сапожная мастерская выходила не на улицу, а во двор, и не имела никакой вывески. Однако недостатка в заказах он не испытывал. Дядя Боря умел делать чудеса. После его ремонта обувь выглядела лучше новой и служила еще долгие годы. Не бывало случая, чтобы он не смог что-то починить или отказался это делать. Но перед тем как взяться за ремонт, сапожник полагал своим долгом отчитать клиента по полной:

– И шо, вы хотите сказать, что берегли свои туфли? А тогда с чего не принесли их дяде Боре еще у той сезон? Нет, вы думаете, шо дядя Боря волшебник? Вы будете топтать и разбивать свои туфли, а дядя Боря – их чинить? Надо любить свою обувь, молодой человек! Тогда она и послужит вам многие годы. Ладно, приходите послезавтра, посмотрим, что можно сделать.

А через день счастливый хозяин забирал свои туфли, не узнавал их, так они были чудесно отремонтированы! Он благодарил дядю Борю, совал деньги. Мастер отсчитывал нужную сумму, всегда небольшую, остальное отдавал обратно, никогда не оставляя себе лишнего.

В то время обувь еще делали не на сезон, а на годы, и старые туфли не выбрасывали, а чинили. И клиентами дяди Бори были самые обычные люди, а не номенклатурные работники – тогдашняя элита.

Я не знаю, когда он успевал делать свои чудеса, колдовать над сбитыми носами, скособоченными каблуками и дырявыми подошвами, превращая все это в новые, прекрасные

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

туфли и ботинки. Мы чаще видели его сидящим на бетонной тумбе-завалинке, растущей из стены дома, рядом со входом в мастерскую. Там всегда лежала толстая войлочная подушка, которая убиралась лишь на ночь и в ненастную погоду. На ней кроме хозяина разрешалось располагаться только Нельсону, беспардонному местному котячьему авторитету. Кот, сидя на мягкой подушке, щурил свой единственный нахальный желтый глаз и следил за воробьями, скачущими в дворовой пыли. Однако понимал, что место это чужое, и всегда покидал его, когда сапожник выходил из мастерской. Делал вид, что его срочно ждут в другом углу двора, и отправлялся туда, покачивая кончиком темно-серого, в полоску, хвоста.

Сколько наших сандалий, ботинок и босоножек прошло через дяди-Борины руки! Как он ругал нас, мальчишек, за сбитые каблуки и порванные ремешки! Как грозился отодрать всех за уши, потому что нельзя так обращаться со своей обувью! К нему шли все обитатели нашего двора, неся в починку добытые по блату, из-под прилавка, либо честно выстоянные в очереди свои обувки. И служили они потом не год-два, а добрый пяток лет.

А дядя Боря сидел на своей завалинке, напевал неизменную «Кубу», покрикивал на пацанов, важно беседовал со взрослыми, иногда выходил со двора, чтобы выпить в будочке напротив кружку «Жигулевского». И в перерыве между этими важными делами закрывался в мастерской и ухитрялся делать из рвани модельную обувь.

Он был частью моего детства и юности, моего двора, пыльного поля за сараями, скамейки со столом из крашеных досок, футбола, «пекаря», а потом кинга и клаббера на этом столе, гитарных переборов по вечерам, песен «под Высоцкого» – петых нарочито хриплыми, полудетскими голосами, и еще многого, ускользящего, щемяще-прекрасного, острого и яркого, такого, что и бывает-то лишь в детстве и немного – в юности.

***

Как изменился город! Любимые улицы заставлены рекламными щитами, обочины и тротуары заняты рядами дорогих иномарок, дороги забиты транспортом. Я доехал почти до дома детства, заглянул в Александровский сквер поблизости – сколько воспоминаний с ним связано! Но и там уже все по-другому. Нет старенького летнего кинотеатра, куда мы бегали пацанами по вечерам, забирались на деревья и на шáру смотрели фильмы про индейцев и ковбоев. Став старше, водили туда девчонок, уже на «кино про любовь». Там начиналась наша взрослая жизнь: первые сигареты, выкуренные не тайком, в дворовых кустах, а в открытую, первые поцелуи с подружками на задних рядах, первые глотки дешевого портвейна.

Теперь на его месте располагалось кафе-караоке и летняя площадка. Напротив двора высился куб офисного центра с автостоянкой (или, по-современному, парковкой) да в фасаде первого этажа вместо столовой находился салон эксклюзивной мебели.

А вот двор остался прежним. Конечно, на окнах появились спутниковые антенны, места «москвичей» и «запорожцев» заняли «тойоты» и «дэу», но сохранился чахлый газон посередине, скамейка под акацией, тот самый стол и многое другое.

Друг детства тоже изменился мало. Конечно, раздался в ширину и в высоту – «закабанел», как у нас говорят, но выражение лица было тем же, разве что стало менее открытым, да во взгляде появилась некая мудрость, соответствующая возрасту.

Мы крепко обнялись, гулко постучали ладонями по обширным спинам, и Славка потащил меня в комнату, где его Наташа уже накрывала на стол. Но я воспротивился категорически: «Прежде всего – в больницу к дяде Боре!»

Сначала нас не хотели пускать: больной-де без сознания, мы не родственники, да и время не приемное... В конце концов, после некоторых движений и перемещений радужных бумажек, врач разрешил зайти «буквально на минуту, все равно дед почти не приходит в себя».

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Тем не менее, как только мы вошли, дядя Боря сразу открыл глаза, словно ждал нашего появления. Он сильно исхудал, пожелтел, сморщился. Однако взгляд был по-прежнему ясен и немного насмешлив.

– О, Славка пришел! Привет, дорогой! А кого это ты привел? Ба, надо же – столичная штучка, Санька с тринадцатой квартиры! Шо, приехал старика проводить в далекий путь?

Мы поговорили еще немного и стали прощаться: дядя Боря снова начал впадать в забытие.

***

А на следующий день старый сапожник умер. Позвонили из больницы, сухо сообщили о смерти, поинтересовались, кто будет забирать тело – родственников у дяди Бори не было. Он всегда жил один, никто не знал, есть ли у него жена, дети, внуки. Сам он молчал, а спрашивать было неловко. Поэтому печальные заботы взяли на себя соседи. Старого мастера знали и любили все, оттого проблем с финансированием и организацией похорон не было.

Как-то так получилось, что Славка оказался главным хранителем бывшей мастерской. У него был ключ, и мы зашли туда – посмотреть, что к чему. Какие-то инструменты, куски кожи, колодки – ничего из личных вещей. Все выключено, кран закрыт. Вещи неживые, пыльные, тусклые, словно вместе с хозяином из них ушла душа. Только красным пятном выделялись на полке яркие женские босоножки, нарядные, имеющие тот самый чудесный вид, который принимала вся починенная дядей Борей обувь.

Толстая Галка Мирониха, вечно сидящая во дворе на лавочке возле древней акации, «держала кассу» – собирала деньги с жильцов. Ну как собирала... Просто принимала разные купюры от тех, кто их давал. Все знали, что финансы стекаются к ней, все и вручали что могли. Никаких отчетов, никакого контроля. Когда было надо, просто брали у нее и тратили: на гроб, на венки, на продукты с Привоза и бутылки из «Темпа».

Поминки, по единодушному решению, организовывали сами – никаких кафе, накроем общий стол во дворе, слава богу, есть кому готовить!

Выносили столы, табуретки, скамейки, скатерти. Варили, жарили, пекли по квартирам с раннего утра в день похорон, чтобы не отвлекаться во время самой церемонии – прощаться поедут все.

Хоронили дядю Борю на Втором Христианском кладбище, официально давно закрытом, принимавшем только по броне или очень уж важных персон. У дяди Бори брони не было, но директору кладбища позвонил из Израиля известный маэстро Горенштейн, который был когда-то мальчиком Сёмкой с нашего двора. Откуда они знали друг друга и какие их связывали отношения, мы не ведали, да и не интересовались. Главное, что для старого сапожника нашли очень приличное место, и даже недалеко от центральной аллеи.

Отпевали в старой кладбищенской церкви, просторной, замечательно красивой, с большими выразительными иконами. Истово крестились, держа плачущие воском свечи, а те, кто креститься не мог в силу другой веры, молча стояли поодаль, соблюдая уважение к торжественной церемонии отпевания. Клубы кадильного дыма со строгим горьковато-сладким ладанным ароматом возносились к высокому потолку, смешиваясь с гулким протоиерейским басом и стройным пением клиросного хора. И даже церковные нищие были в тот день не нахальными, а спокойными и важными, словно почетный караул на проводах высочайшей особы...

А потом во дворе, где дядя Боря провел всю свою жизнь, накрыли длинные столы разной ширины и высоты, к ним приткнули скамейки, табуретки, стулья. Столы застелили клеенчатыми скатертями, заставили кастрюлями с борщом, блюдами с пирожками, котлетами, жареными

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

окорочками, печеночными оладьями, биточками из рыбки-сардельки¹³, салатами, винегретами и бог ведает чем только еще!

Я думал, что такие дворовые застолья ушли в прошлое, что они невозможны в нашем буйном двадцать первом веке, что так уже не собираются нигде. Но в тот день во дворе по Большой Арнаутской, или Чкалова, было именно так.

***

Вдруг я заметил возле запертой дяди-Бориной мастерской неуверенно топтавшуюся женскую фигуру. Славка тоже смотрел в ту сторону. Не сговариваясь, мы подошли туда. Это оказалась молоденькая девушка, лет семнадцати-восемнадцати. Очень славная, но не из тощеньких фотомоделей, а такая, про которых в Одессе говорят: «Бэрэш у руки – маешь вещь!» Легкая желтая блузка оттеняла милое лицо, обрамленное недлинными темно-каштановыми волосами. Девушка куталась от зябкой прохлады весеннего вечера в красно-коричневую накидку и растерянно смотрела то на запертую дверь, то на людей за столом на затоптанном газоне.

– Это не из нашего двора, – сразу определил Славка.

Мы подошли поближе, поздоровались. Оказалось, девушка сдала в ремонт свои босоножки, еще неделю назад. Ей было велено прийти через два дня, но, когда она появилась первый раз, сказали, что мастер заболел. Не знаем ли мы, что с ним и как она может забрать свою обувь?

Пока Славка доставал ключи, девочка начала рассказывать, что это ее любимые босоножки, настоящие, кожаные. Они приносят ей удачу на экзаменах, а впереди последние тесты за одиннадцатый класс и поступление в институт, хочется отремонтировать их и поносить хотя бы еще один сезон. Никто не желал браться за них, и ей посоветовали сходить в наш двор, попробовать уговорить старого мастера, который там работает. Тот долго ворчал, что обувь надо ремонтировать вовремя, но все же взялся за дело. А теперь вот она не знает, как получить их обратно.

Славка был рядом и, конечно, слышал этот рассказ. Несомненно, речь шла о красных босоножках, которые мы видели тогда, когда заходили сюда в день дяди-Бориной смерти. Мы открыли дверь, зажгли свет. Босоножки стояли на том же месте (а куда бы они девались?), и мы вручили их счастливой девушке, которая не могла оторвать глаз от чудесной, выглядящей как новая обуви.

Она сложила их в сумку, вынула оттуда кошелек и спросила:

– Сколько я должна? И кому отдать деньги – вам? Мастер сказал рассчитаться, когда заберу.

– Милая девочка! – Славка придвинулся поближе, внимательно посмотрел ей в глаза. – Старый мастер дядя Боря ушел от нас навсегда, успев починить твои любимые босоножки, но этот его заказ оказался последним. Он был очень хорошим человеком, и лучшей платой будет память о нем. Вспоминай иногда старого сапожника дядю Борю, а с этих денег купи и зажги в Успенском соборе самую большую свечку.

Девушка ушла, бережно унося сверток с босоножками, улыбаясь светло и немного растерянно, а в осиротевшей мастерской остался легкий аромат безмятежной юности и такой же светлой, как эта улыбка, грусти.

---

¹³ Сарделькой называют в Одессе мелкую черноморскую кильку.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Славка, оказывается, прихватил с собой початую бутылку, мы нашли в шкафчике пыльные стаканчики, протерли три штуки и наполнили их. Дяди-Борин поставили на столик, а свои – молча, не чокаясь, выпили.

Светлая память тебе, старый мастер дядя Боря!

Ольга Дёмина. Рыбаки. Кипр, 2015 г.

ПРОЗА

Татьяна Попова

(Москва)

АНТОНОВКА

1920 г.

- Мама, мама, смотри, яблоня моя зацвела!
- И правда, зацвела! Считай, подарок на день рождения и тебе, и себе сделала.
- Почему – и мне, и себе?
- А ты забыл разве, что вы с яблонькой ровесники? Папа твой ее посадил, когда ты родился. Тебе пять лет завтра исполнится, и антоновке тоже пять.
- А почему она – антоновка?
- Сорт такой. Вот еще подрастет чуть-чуть, и будут у тебя яблоки, большие-пребольшие. А выбрал твой папа этот сорт потому, что его самого Антоном звали.
- Я тоже хочу быть Антоном, как папка и яблоня!
- Нет, ты Егор, Георгий! Мы с папой тебе имя не просто так дали. Папка-то наш – георгиевский кавалер, герой. И ты героем будешь, когда вырастешь. А Антоном, если захочешь, сына своего назовешь.
- Не, я не хочу сына. Вон у Петьки Макарова младший брат, ничего хорошего! Бегает за нами, играть мешает, да еще родителям на нас жалуется.
- Сейчас не хочешь, так потом захочешь. Знаешь, как папа твой радовался, когда ты родился.
- А где он сейчас, папка мой?
- Я тебе уже сто раз говорила. Ты родился, папку снова на войну забрали. И погиб твой папа.
- А яблоня осталась, чтобы нам веселее было, да?
- Да, чтобы веселее было...

1942 г.

Анна повернулась на другой бок, взбила подушку, прислушалась к стону ветра за окном. Нет, не уснуть ей в эту ночь, ни за что не уснуть. Все мысли – об этой черноглазой девчонке, что лежит сейчас там, за стеной, в комнате сына, в его кровати. Чего Анне, вдове, стоило уберечь сына в лихие годы, выкормить-выучить, вырастить красавца парня? Немногие и при отцах росли такими умными да работающими. А Георгий в инженеры выбился, институт окончил. На заводе его ценили, сам товарищ Орджоникидзе именные часы за доблестный труд подарил.

Вот только жениться так до войны и не успел. Одногодки уж давно в отцах ходили, а ее Георгий все на заводе пропадал. Как войну объявили, сыну броню дали, но он пошел

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

добровольцем. Ох и выла Анна, в ногах у сына валялась, умоляла не ходить на войну. Было это уже все в ее жизни, хватит! И война с германцем, и проводы. Вернулся тогда Антон на побывку, сына новорождённого повидал, яблоню под окном посадил. И снова ушел. Чтоб уже никогда не вернуться. Если и сына заберет война, не пережить этого Анне.

Но сын, всегда послушный, уважительный, в тот раз ослушался. Но ведь сама виновата. Сама сыну в уши напевала: и про папку – георгиевского кавалера, и про геройство. Вот теперь и жди милости от войны проклятой.

Сын писал часто, как и обещал. В другие дома на их улице на окраине города уже залетали похоронки, заходились криком матери, жёны, но ей, Анне, пока везло. И вдруг вчера – стук в калитку. И девчонка эта, худая, черноглазая, на выпавшего из гнезда птенца похожая. Спрашивает, вы, мол, Анна Николаевна? И письмо протягивает.

Анна отдернула занавеску. Светает. Снег пошел, первый, мокрый. Достала из-под подушки письмо, поднесла к окну. «Здравствуй, дорогая мама! Я жив-здоров, воюю помаленьку. Мама, это письмо тебе передаст Оксана. Когда я вернусь, мы с ней поженимся. Я люблю ее очень, как ты любила моего отца. У нее никого больше не осталось на свете, кроме меня и тебя. Береги ее, пожалуйста. Твой Георгий».

Анна так опешила вчера, что даже ни о чем не расспросила черноглазку. Да впрочем, и не до того было. Девчонка чуть с ног не валилась от усталости и голода. Долго мылась в большом деревянном корыте, пыталась постирать выношенное бельишко. Анна дала ей свое старое, давно ставшее тесным платье. Накормила и, увидев, что у гостыи уж глаза закрываются, уложила спать.

Не такой виделась ей в мечтах жена сына. Высокой, статной, под стать Георгию, голубоглазой. И лучше – своей, заводской, поселковой. Мало тут, что ли, невест? Вон у кумы Игнатъевой три дочки, одна другой краше. Старшая тоже институт окончила, врач, две меньшие учатся, одна – на бухгалтера, другая учительницей будет. А эта, Оксана, ни ростом не вышла, ни фигурой. И выговор у нее не наш, и вся она чужая. Где Георгий нашел ее – там, на войне, – на какой дороге?

Так и не сомкнув глаз за всю ночь, поутру Анна отправилась на смену. Теперь они, бабы, стали главными работниками на заводе. Оксана еще спала. Анна оставила ей на столе хлеба и несколько картошек. Вернувшись вечером, увидела, что гостыя съела лишь половину пайка. Зато прибралась в доме, натаскала воды из колонки, вымыла пол. А еще на столе лежало небывало большое, словно светящееся изнутри яблоко.

– Здравствуйте, Анна Николаевна! – Лицо Оксаны тоже точно светилось от улыбки. – Представляете, с утра шел снег, а с ветки прямо мне под ноги упало это яблоко! Просто чудо какое-то!

– Ну уж, чудо, – проворчала, пытаясь скрыть нахлынувшую глупую радость, Анна, – это же антоновка, она долго родит.

– Да, мне Георгий рассказывал. Всё-всё рассказывал: и про то, что яблоню отец в день его рождения посадил, и почему именно антоновку. Вы попробуйте яблоко, оно должно быть очень вкусным, морозцем прихваченным.

– Сейчас вместе поедим, а потом яблоком закусим. И вот еще что – там, в буфете, возьми штофик. Выпьем с тобой за знакомство, за Георгия нашего и за победу.

– Я не могу, Анна Николаевна, – бледное личико Оксаны вдруг вспыхнуло алым, – нельзя мне.

– Вот как? – улыбнулась Анна. – Что ж, значит, дождалась антоновка и Антона...

1956 г.

Налетчики особо не таились, словно в своем саду хозяйничали. Рыжая тощая девчонка, рискованно встав во весь рост на ветке, немилосердно трясла яблоню, а два таких же рыжих близнеца дошкольного возраста собирали сбитые яблоки в корзину.

– Эй, ты, рыжая! Проваливай отсюда! – заорал Антон, выскочив из подъезда.

– Вот прямо побежала, – нагло засмеялась девчонка, – твоя, что ли, яблоня?

– А вот и моя! – Антон не ожидал отпора, а потому несколько растерялся.

– Яблоня – общая! – заявила рыжая и вновь дернула за ветку. Большое яблоко стукнуло Антона по плечу. – Мы теперь тоже в этом доме живем, значит, имеем право яблоки собирать.

– Вот как? – рассвирепел Антон. – Вы в этот дом только вчера, небось, въехали, а я тут родился!

– Да? Значит, тебе года три, да? Дом то только недавно построили, – засмеялась девчонка.

– Дом построили на месте, где дом моего прадеда стоял. А яблоню эту мой дед посадил, когда мой отец родился.

Антон сам себе удивлялся: чего это он перед этой нахалкой вроде как оправдывается? Но девчонка перестала смеяться:

– А где сейчас твой дед? И отец?

– Отец на заводе. А деда я и не видел никогда, он на войне погиб. На другой войне, еще до революции.

Девчонка спрыгнула с яблони и подошла поближе.

– А отец твой на войне был?

– Был.

– А ранения у него были?

– Да. Легкие совсем, повезло.

– А нашему не повезло. Его в живот ранило. Он вернулся, вот братья у меня родились. Но, как мама говорит, война догнала папку. Он в прошлом году умер.

Помолчали.

– Меня Антоном зовут, а тебя?

– Вера.

– Слушай, я эту яблоню как облупленную знаю. Так что ты внизу собирай, а наверх я полезу, поняла?

1970 г.

Егорке не нравилось, что бабушка Аня стала так редко с ним играть. Раньше она пела ему песни, рассказывала сказки и смешные истории про двух мальчишек: Антона и Георгия. Егорка смеялся и просил бабушку познакомить его с такими веселыми и хулиганистыми мальчишками. А бабушка говорила, что Антон – это его папа, а Георгий – дедушка. И все эти истории случались с ними, когда они были маленькими.

Еще бабушка разрешала ему валяться в снегу и бегать по лужам. И потихоньку зашивала дырки на штанах после неудачной попытки влезть на забор. А потом бабушка заболела. Мама сказала, что бабушке не под силу теперь следить за Егоркой, и его отдали в детский сад.

В детском саду было много игрушек и детей. И дома тоже было много народу: мама Вера, папа Антон, дед Георгий, молодая бабушка Оксана и старая бабушка Аня. Но все, кроме старой

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

бабушки, были всегда заняты и редко играли с Егоркой. А теперь и бабушка Аня не вставала со своей постели.

Утром, перед тем как идти в детсад, Егорка всегда заходил в комнату бабушки Ани, чтобы сказать ей «Доброе утро!». Бабушка улыбалась и целовала правнука. А в последние дни она каждый раз спрашивала:

– Как там наша антоновка? Не зацвела еще?

Егорка, только проснувшись, выглядывал в окно, а потому знал ответ на вопрос. Не цветет. Другие яблони уже отцветают, а эта, упрямая такая, не хочет цвести! Егорка видел, что бабушка Аня огорчена упрямством яблони, и даже подумывал соврать, но боялся. Бабушка сильнее всего сердилась на вранье. Да и яблоня – вот она, под окном. Наберется бабушка Аня сил, выглянет в окно в надежде на цветы яблоневого посмотреть и поймет, что Егорка – обманщик.

Тем утром Егорка не выдержал, подошел к яблоне, стукнул ее по толстому стволу и сказал: «Цвети, лентяйка! Как тебе не стыдно! Все цветут, одна ты бездельничаешь!»

– Ты что это антоновку бьешь? – удивилась мама.

– Ничего, – пробормотал Егорка.

А ведь помогло! Помогло! Когда Егорка и мама возвращались из сада, они еще издали заметили, что на яблоню будто белое облако опустилось.

– Мама! Мама! Смотри, расцвела наконец наша антоновка! – закричал Егорка.

Но мама не обрадовалась. Она вдруг остановилась, глядя на белую машину с красным крестом у подъезда. А потом побежала, словно забыв о Егоре. Он кинулся было за ней, но остановился, с трудом дотянулся до самой нижней ветви яблони и сорвал один цветок.

В подъезд зайти Егорка не успел: осторожно протискиваясь, оттуда вышли два парня в белых халатах. С носилками, на которых лежала бабушка Аня.

– Бабушка, бабушка, смотри, она зацвела!

Бабушка подняла голубые выцветшие глаза и посмотрела на яблоню. Егорке показалось, что она хотела улыбнуться, но не смогла.

– Бабушка, это тебе! – он вложил белый цветок в бабушкину руку и горько заплакал.

1984 г.

На носу Новый год, а такая тоска! Катя отложила в сторону тетрадь с недоделанным домашним заданием и подошла к окну, разрисованному ледяными узорами. Всего пять часов, а на улице уже темно. Родители на работе, бабушка в больнице. Дед опять ушел в военкомат, все пытается узнать хоть что-то о Егоре. Взрослые почти не говорят с ней о брате, думают, она маленькая еще. Глупости, ей двенадцать, и она все понимает. Вот только лицо брата все труднее вспомнить, его улыбку. Катя бросила взгляд на фотографию в рамочке на книжной полке. Нет, тут Егор серьезный, сам на себя не похож. Настоящий, живой Егор всегда смеялся, дразнил ее, придумывал дурацкие прозвища. Катя злилась тогда, а сейчас все бы отдала, чтобы вновь услышать брата.

Стукнуло в окно. Это ветер помог дотянуться до стекла яблоневого ветке. В этом году яблоки уродились на диво. Бабушка все сокрушалась – жаль, Егорка в армии, он так любил антоновку. Она сначала словно не хотела понимать, что с внуком беда. А потом вдруг слегла.

Катя не понимала, как мог Егор пропасть? Она знала, что там, в Афганистане, погибали солдаты. Об этом мало говорили, но она знала. Погиб сын маминой сослуживицы. Был ранен парень из соседнего дома. А Егор – пропал. Катя слышала, как дед говорил папе что-то про

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

плен. И представляла себе кадры из фильмов про войну: колючая сетка, бараки, истощенные люди в полосатой одежде.

Звонок телефона взорвал тишину. Катя взяла трубку, но не сразу узнала голос мамы:

– Катя, Катя! Егор нашелся! Егор жив! Он не в плену, он в госпитале, в Ташкенте! Он был очень тяжело ранен, долго был без сознания, и с документами какая-то путаница получилась! Но сейчас все уже хорошо! Он жив, Катя, он жив! Папа уже едет домой, и я скоро приду, мы вечером улетаем в Ташкент, к Егору!

Катя, не выпуская трубку из рук, села на пол. По щекам текли слезы, а сердце билось так, словно хотело выскочить из груди. Что это она тут сидит? Нужно же помочь маме собрать вещи! Катя вскочила, подставила к шкафу стул, с трудом стащила самый большой чемодан. И вдруг вспомнила самое важное. Метнулась к балконной двери, открыла дверь самодельного деревянного шкафчика. Осторожно достала ящик с песком. Все-таки бабушка смогла их сохранить! Огромные, золотистые, пахнущие жарой и летом, присыпанные песком, в ящике хранились плоды старой антоновки.

2000 г.

– Бабушка! Там нашу яблоню срубить хотят! – Антошка ворвался в комнату вихрем, – я пытался помешать, но они не слушают!

– Тише! – остановила Вера внука, с опаской оглядываясь на комнату свекрови. После смерти мужа Оксана Григорьевна совсем сдала. Первый инфаркт у нее был в восемьдесят четвертом, когда Егор пропал. Теперь она, разменявшая девятый десяток, чудом пережила второй. И любое волнение могло стать роковым.

Старая антоновка в последние несколько лет была главным врагом у некоторых соседей. Их бывший заводской поселок превратился в «район, близкий к центру». Кирпичный сталинский дом стал почти престижным. Коммуналки расселяли, квартиры покупали новые русские, подкатывали к подъездам на дорогих иномарках. С гаражами в округе было туго, машины ночевали под домом и старой яблоней. Осенью начинались проблемы: крупные золотистые плоды сочно шмякались о крыши машин, оскверняя гламурный блеск яблочным пюре, а то и оставляя вполне приметные вмятины.

Бои автовладельцев против яблони велись без правил. Антоновку травили какими-то химикатами, пытались подрубить, спиливали ветки. А она все цвела раз в два года, посыпая землю белым ковром, все дарила прохожим яблоки осенью. Впрочем, у старой яблони была своя «армия» – большинство старых жильцов, кое-кто из новых. И, конечно, большая семья Веры и Антона. Вот только силы, похоже, неравные...

Вера вышла из подъезда, Антошка выбежал следом. Вычислив по начальственному голосу главного среди рабочих, Вера обратилась к нему:

– Вы не имеете права уничтожать эту яблоню! Я вам не позволю!

– Всё мы имеем, вот распоряжение. – Бригадир сунул под нос Вере какую-то бумажку и скомандовал рабочим-гастарбайтерам: – Пилите!

Но один из рабочих что-то пробурчал невнятно, показывая на яблоню. Вера подняла голову и замерла от страха. Там, на тонкой ветке, высоко над землей сидел Антошка.

– Эй, ты, слезай сейчас же! – заорал бригадир.

– Я не слезу! Можете со мной пилить, если хотите! – Антон говорил так уверенно, что казался сейчас гораздо старше своих двенадцати лет. – Это – наша яблоня! Ее мой прапрадед посадил. И никто ее не срубит, понятно?

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

– Мамаша, это ваш парень? – злобно поинтересовался бригадир.

– Мой, – Вера сама удивилась тому, с какой гордостью прозвучал ее голос.

– Тогда скажите ему, пусть слезает! – мрачно сказал бригадир. – Мы должны спилить яблоню и спилим ее.

– Парень мой, – медленно сказала Вера, – и яблоня тоже моя, наша, вы ж слышали. Ничего я не буду говорить своему внуку. Если б могла, сама бы к нему туда забралась, понятно вам?

Бригадир внимательно посмотрел на Веру, потом бросил взгляд на Антошку. Плюнул под ноги, махнул рукой рабочим – уходим.

Вечером, когда герой дня рассказывал о происшедшем родителям и деду, мнения о его поступке разделились. Антон-старший и Егор признали тактику правильной, а жена Егора, Наталья, жутко встревожилась и даже впервые в жизни упрекнула свекровь – как та могло позволить внуку так рисковать.

Всех рассудила неожиданно появившаяся Екатерина. Она давно уже жила на другом конце города, с мужем и дочкой, работала в газете.

– Молодец, племянничек! – взъерошила она Антошкину шевелюру. – Так держать! Ты время выиграл, теперь им ничего уже не сделать! Вот!

Она положила на стол свежий номер своей газеты. На последней странице бóльшую часть листа занимала статья под заголовком: «Антоновка». Вера сразу узнала семейные фотографии. Антон-первый с Георгиевским крестом, рядом – молодая Анна. Фронтальная фотография Георгия. Оксана в белом халате, видно, только что вышла из операционной. Они с Антоном-вторым где-то на юге, счастливые, молодые. Егор на фоне далеких неродных гор. И, конечно, антоновка – в цветах, словно в свадебном платье.

– Ух ты! А меня почему тут нет? – притворно обиделся Антошка.

– Я думала, не заслужил еще, – подколола Катя племянника, – впрочем, я ж тогда не знала, что ты на яблоню влезешь, чтобы врага отогнать.

– Да, весь в прадеда пошел герой наш, – за спиной Антона стояла Оксана.

– Бабушка, зачем ты встала? Тебе ж нельзя! – первым опомнился Егор.

– Можно. Я ж все видела утром, волновалась, думала, не переживу. А сейчас мне вдруг так хорошо стало! Так что еще дождусь я, когда наша антоновка снова зацветет!

2015 г.

– Папа, а когда мы маму с Георгием домой заберем?

– Послезавтра.

– И я с ним буду играть, да?

– Ну, сразу не будешь. Понимаешь, Аня, Георгий только родился, ему нужно сначала подрасти. Ты ведь взрослая совсем, тебе пять лет, а ему и пяти дней еще нет, поняла?

– Поняла. А он быстро вырастет? А то я стану старая, как прабабушка Вера и прадедушка Антон, и не смогу с Георгием поиграть.

– Не волнуйся, ты не успеешь до этого состариться, я тебе обещаю.

– Я вообще не хочу быть старой. Вот прабабушка Вера еще не сильно старая, поэтому немного красивая. А вот наша яблоня такая старая, корявая вся, и никогда не цветет. Совсем некрасивая.

– Да, наша антоновка совсем старой стала. И не цветет уже лет семь. Но мы ж ее все равно любим, правда, Аня?

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

– Конечно, любим, – согласилась девочка, – она же наша, да?

Дочка с отцом ехали в магазин. Покупать подарки для мамы и приданое новорождённому братцу. Дома в ожидании нового жильца хлопотали старшие родственники. Все были заняты, и в этот день никто не заметил, что после долгого перерыва на старой антоновке вновь распустились белые цветы.

Ольга Дёмина. Голубое и серое. Друскининкай, 2017 г.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

Елена Галустова

(Москва)

СЛУЧАЙНОЕ СЧАСТЬЕ®

(сатирическая сказка)

Сосипатр Свиридыч Селезень-Себялюбский – сорокасемилетний статский советник
Светозар Сильч Сойкин – стаканчиковский столоначальник, староват
Секлита Серапионовна – супруга Светозара Сильча Сойкина, старовата
Софья Светозаровна Сойкина – семнадцатилетняя сударыня
Савватей – слуга Селезень-Себялюбского, солдатский сын, сверстник Софьи
Стешка – сорокалетняя служанка Сойкиных
 Селяне с селянками села Стаканчикова

Стаканчиково – славное, симпатичное селенье, сыздавна ставшее свидетелем славы самого Суворова. Существовавшие сельские смолокурня, скотобойня, солеварница соперничали с солидными сибирскими сооружениями. Светлочубые селяне сызмальства светились сказочной статью смутьяна Стеньки. Синеокие селянки совершенно сопоставлялись, скажем, со столичными салонными статистками. Словом, Стаканчиково считалось селом сносным.

Следуя справедливости, стоит сказать: сам Селезень слыл стаканчиковским. Северная столица сманила семнадцатилетнего Сосипатра, сделав студентом. Схватив синекуру, Селезень стал стесняться села Стаканчикова. Столичная скука съедала Сосипатра Свиридыча, словно сокол сапсан суслика. Стаканчиково снилось со спирту, с самогону, с сидру. Сиживая с семинаристами-собутыльниками, Селезень слёзно срамил своё существование, стремясь стяжать сострадание. Семинаристы слушали, сухо сочувствовали.

Сначала Селезень спасало самогонное сообщество. Спиваясь, Сосипатр Свиридыч становился склочным, спорил, сорил серебром, склонял сектантов, спиритуалистов¹⁴. Сотрапезники смеялись, Селезень свирепел, скандалил, с самогону стал страдать страшными сновидениями. Слуга статского советника Савватей, сознавая смертельность сложившейся ситуации, сокрушался: «Столица старается сгубить слабовольного Сосипатра Свиридыча. Словно стогу сена, суждено судьбой сгореть свистуну¹⁵». Самоуспокоение снизошло само собой: «Село Стаканчиково станет спасением слабейшему Сосипатру Свиридычу».

® Все слова в данном произведении начинаются на букву «С» (примеч. авт.).

¹⁴ Спиритуалисты – последователи спиритуализма – идеалистического философского учения, признающего дух сущностью и первоосновой мира, отрицающего возможность познания материи и подменяющего знание верой.

¹⁵ Свистун (перен.) – человек, который много говорит и мало делает; болтун, бездельник.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Селезень спохватился сам: стало сдавать сердце. Сказавшись сослуживцам слабогрудым, Сосипатр Свиридыч сгреб содержание, собрал саквояж со скопищем своих сорочек, сюртуков, сапог. Савватей сготовил с собой снесь.

Седлая сноровистого саврасого скакуна, Селезень спешил скорее свидеться со Стаканчиковом. Скуластый слуга Савватей следовал со своим сюзереном.

Сентябрьское солнце светило слабо – сказывалась северная сиротливая стихия. Сельский суходол сверкал свежим суриком. Сутки спустя стёжки стали слякотными, синева – свинцовой.

Сверзившись сам, Савватей самолично стащил с савраски слегка спитого Селезня. Селяне с селянками, ставшие свидетелями сомнительной сцены, страшно смущали Сосипатра Свиридыча. Селезень судорожно соображал, стоит сказать скабрзное словцо стаканчиковскому сообществу. Силился, сопел, стегнул слугу стеклом. Смолчал.

Стаканчиковский сруб Селезня стоял сиротливо. Сорняк съел сад, сторожевая собака сдохла. Стала сырой спаленка.

Спальня Селезня.

Селезень (слезливо). Скука, Савка, скука-а-а-а!

Савватей: Самогончику, сливянки, сударь?

Селезень (сердито). Совсем сдурел, солдатчина. Смотри, сошлю, скажу... солитер¹⁶ скрал.

Савватей. Смилуйте, Сосипатр Свиридыч, солитер содержанка сцапала. Судили согласно собственноручно составленному свидетельству.

Селезень. Савка, со свету сживу! Ску-у-у-ка!

Савватей (стороной): Сатрап. (Селезню.) Семью создайте, сударь. Спаситель супругу сыночками сподобит.

Селезень. Супруга, сыновья, семья... Столько сил...

Савватей. Сказывали, **Сойкины** сватов сзывают Софье.

Селезень. Стара?

Савватей. Семнадцатилетняя.

Селезень (самодовольно). Семнадцатилетняя?! Счастливей случай. Собирайся, Савка, скорее. Снеси сюда сюртук, сорочку синюю с серебром, сапожки со скрипом: Селезню салопником¹⁷ слыть стыдно. Сермяжку¹⁸ свою сожги, скотина. Селяне судачат: Сосипатр Свиридыч совсем скупым стал, слуге свитку¹⁹ справить стесняется, себялюбцем считают.

Савватей. Солдату – скатка²⁰, сибирке²¹ – складка.

Селезень. Седлай саврасого скакуна, сапог сиволапый. Спешу.

Савватей. Сумерки спустились, свечерело, сударь. Совесть смуту сеять. **Сойкины** сердиться станут.

Селезень. Страсть сердце спалила. Сватаюсь. Сегодня. Сейчас.

Сцена следующая

¹⁶ Солитер – крупный бриллиант.

¹⁷ Салопник, чаще салопница (разг. устар.) – женщина, обычно пожилая, просящая в богатых домах на бедность.

¹⁸ Сермяжка (сермяга) – верхнее платье, кафтан из тонкого сукна.

¹⁹ Свитка (свита) – род широкой и длинной верхней крестьянской одежды.

²⁰ Скатка (воен.) – шинель, свернутая в трубку и связанная в концах для ношения через плечо.

²¹ Сибирка – русская верхняя одежда из сукна в виде короткого кафтана в талию со сборками.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Светозар Силыч Сойкин – сановитый сивоусый старик с серебристыми сединами, слыл страшным собственником. Случалось, стаканчиковский страдалец спросится сотенную ссудить, Сойкин скажется сирым. Самолично сулил серебро станционному смотрителю: салазки Сойкинские сточились, смотритель салазки справил. Сойкин-супостат схитрил, селянина, стыдно сказать, с сумой скитаться спровадил. Смотритель, сказывали, слабоумием страдать стал.

Светозар Силыч само спокойствие: счастлив, самодоволен, сосёт сигару, сплёвывает, субботами стишки сочиняет, с «Современником» сотрудничество сводит.

Соседи Сойкиных сторониться стали: Сойкин сущим сатаной сделался. Сундук с серебром спрятал, самоуспокоился. Сквалыга, словом.

Секлита Серапионовна Сойкина, сухоньякая столоначальница²², старалась сохранять самообладание, супротив супруга слово сказать стеснялась, считала, со старика спесь сама собой сойдет. Страдала Сойкина смиренно, случалось, смахнув сёезы, сообщит Софье: «Стерпится-слюбится». Сойкин смеялся, самодурствовал: супруге срамное слово сказывал.

Софья, светловолосое, сероглазое, скромное существо, сочувствовала Секлите Серапионовне, Светозара Силыча сторонилась.

Садик Сойкиных с сардониковыми статуями,
справа – сараюшка с сеновалом, слева – светелки слуг.

Средь сада стоят стол, стулья. Со стола складками свешивается сермяжная²³ скатерть.
Сойкина, сидя, салфеточкой смахивает со скатерти ситные соринки. Сойкин слегка сопит,
смотрит «Современник».

Слышится скрип сушняка.

Сойкин (сам с собою). Стоит спилить старые сучья, сухостой сибирякам сбыть... Сколько, спрашивается, серебром со сделки схвачу? (Считает.) (Спохватывается.) Стойте, стойте, случалось, сухая сосна свежим стеблем стреляла. Самому, стало, сгодится!

Софья, схоронившись, смотрит странный спектакль. Спешившиеся седоки – Селезень со
слугой Савватеем. Селезень стряхивает сор с сюртука,
Савватей снимает сбруи со скакунов.

Савватей (Сойкину). Сватам сюда?

Сойкин. Сюда-сюда. (Стучит стаканом, сзывая слуг.) Стешка! Стешка! Ставь самовар, savate²⁴!

Стешка смолчала.

Сойкин (стороной). Сдаётся, Стешка спит. Слава Создателю, сэкономлю. Самовар справный, сотню серебром стоит.

Селезень (Сойкину). Светлейший...

Сойкин. Светозар Силыч...

²² Столоначальница – жена столоначальника – чиновника, начальника стола в каком-либо учреждении в дореволюционной России.

²³ Сермяжный – сделанный из сермяги – дотканного грубого некрашеного сукна.

²⁴ Savate (фр.) – старый стоптанный башмак; перен. – невежда.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Селезень. Светозар Силыч... С-с-с...

Сойкина. Сиклета Серапионовна...

Селезень. Сиклета Серапионовна. Самолично скоропалительно со страстию стремлюсь создать семью с Софьей Светозаровной.

Сойкин сердито сопит.

Самоуверенность Селезня страшит Софью. Софья сбегает.

Селезень (с самолюбованием). Сосипатр Свиридыч Селезень-Себялюбский, статский советник, столичный...

Сойкин. С самого Санкт-?.. Стешка, самовар!

Селезень (самоуверенно). С самого-самого... (Садится.) Столица. Старинные скверы, салонная суета, статные смоковницы... (Сойкину.) Самовар! Сливяночки-с, сударь. (**Сойкин ставит стопочку сливянки.**) Спасибо, светлейший...С самодержцем сотоварищи-с. Случалось, сказану: «Садись, Саша, скерцо сыграем». Сиятельство самодержец смеется: «Сосипатр Свиридыч, самовластия стесняюсь». Сакраментальные слова... Саламату²⁵ сварим, скушает-с.

Сойкина. Самодержец саламату скушает?!

Селезень. Скушает-с.

Савватей. Стыдно, сударь. Сочиняете сказки.

Селезень (Савватею). Ступай, сволочь. (Сойкину.) Самодержец советы спрашивает: «Сосипатр Свиридыч, соблаговолите сказать, стоит совершать сепаратное соглашение с Саксонией?» «Саша, – сказываю, – советую Сперанского спросить». Слушается.

Сойкин (спешно). Согласен, согласен. Скоро свадьба. С Софьюшкой ссужу серьги с сердоликом, семь сибирских самородков, смолокурню...

Селезень. Смолокурню? Славно.

Сойкин (Селезню). Ставни? Сказали, ставни?

Селезень. Сказал, славная сливянка, сударь.

Сойкин. Совершенно справедливо.

*Сойкин старается стащить со стола сулею²⁶ со сливянкой,
Селезень схватывает сулею, старательно сливает содержимое.*

Сойкин. Сейчас смотрины сорганизуем.

Сойкина. Согласная. Счастье Софьи Сойкиным священо. (Сзывает Софью.) Софьюшка, Сосипатр Свиридыч сватаются!

Селезень (стороной). Смотрины? Семнадцатилетняя Софи с серебром, со смолокурней – само совершенство.

Софья случайно сталкивается с Савватеем, слоняющимся садом.

Савватей (стороной). Светло-синий сатиновый сарафан, сапожки сафьяновые, серебряные сережки. Скромно. Сударыня? Слишком скромна. Служанка? Служанка Савватею сподручнее.

Софья (стороной). Свитка старенькая, сыромятные сапоги стоптаны. Сдаётся, слуга сватающегося старика. Светлоок, статен, словно саженец... Спаситель, сердце стонет...

²⁵ Саламата (устар. и обл.) – кисель или жидкая каша из муки с маслом или салом.

²⁶ Сулея (устар.) – плоская склянка, бутылъ (преимущественно для вина).

Софья смущена, спешно скрывается.

Сцена следующая

Светелка Стешки. Слеповатая стеариновая свеча слегка стояла. Слева – скисший сенник служанки, справа – скамья. Ссутулившись, сидит Софья. Стешка – сдобная, сизолицая селянка, сердечно сопереживает Софье.

- Софья** (слезно). Стеша, Стеша, сердешная, Сойкины слово сдержат – со стариком сосватают.
- Стешка**. Сколько суженому?
- Софья**. Сорок семь, сказывают.
- Стешка**. Сегодня семнадцатилетние сударыни степенных самцов старцами считают. (Смеется.)
- Софья**. Смотрит, словно стрелами стреляет. Слово скажет, сморкается. Скучные суждения сводит. Слизняк, словом... Самоубийство совершу, супружество с Селезнем сродни смерти.
- Стешка**. Смилуйте, сударыня, срамно слушать.
- Софья** (самозабвенно). Соловецкой схимницей сделаюсь... Сгораю, Стешенька, словно спичка-серянка.
- Стешка**. Сударыня, Софья Светозаровна, сомлели совсем. Страдалица. Сказывайте, сказывайте случившееся.
- Софья** (сконфуженно). Симпатия сложилась. Со слугой Селезнем. Соколик синеглазеньки-и-ий... (Стонет.)
- Стешка**. С Савватеем?! (Свистит.)
- Софья**. С Савватеем. Страдаю, Стеша, слабеют силы...
- Стешка** (стороной). Сойкиных слабоумие скосило. Сроду сумасшедших страшусь. (Софье.) Сударыня, свадьба сговорена?
- Софья**. Сговорена. Селезню сулили серёжки, самородки, смолокурню.
- Стешка**. Смолокурню? Сказилось Сойкинское семя.
- Софья**. Светозар Силыч сильно столицей соблазнился. Селезень с самодержцем сотоварищи.
- Стешка**. Сбрехал. Столичные складно слагают, словно светляки стрекочут. Судите сами, сударыня, сможет ли словоблуд счастье Софьи Светозаровны составить?
- Софья** (смирненно). Светозар Силыч своё слово сказал, Софье, случилось, суждено страдать.
- Стешка**. Слушайте, сударыня, сплутуем слегка. Сударыне – Савватее, Стешке ...Селезнем. Смекаете?
- Софья**. Селезнем?!
- Стешка** (с сарказмом). Сами сказывали, слизняк. Смертушку сзывали. Съехидничали со Стешкой, сударыня Софья Светозаровна. Стешка – служанка, счастье слугам сторона.
- Софья**. Сознание совсем смутилось.
- Стешка**. Слушайте, сударыня. Свидетелями святыне станут, священник. Служку Сергуньку сообщником сделаем. Свершится свадебка.
- Софья**. Свадьба – слишком серьёзное событие. Стоит совета спросить. Светозар Силыч...
- Стешка**. ...самодурствовать станет. Стешку свинаркой сделает, сударыню – супругой столичного сребролюбца. Суженого Савватее... Савватее солдатом спровадит – соловецких ссыльнокаторжных сторожить.
- Софья**. Стошнит сейчас!

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Стешка. Соображать совместно станем. Ступайте, сударыня, салоп свой смушковый снесите.
Стешка служанкино старье скинет, салопом срам скроет. Селезень староват, Сойкинской сливянкой слеповат: снизойдет Стешку супругой сделать.

Софья. Страшно становится, Стеша.

Стешка (скороговоркою). Создатель смилуется, свинья скопытится.

Служанка со страстью стала стремительно созидать счастье Софьи. Сама Софья стоически сохраняла самообладание. Сговор состоялся. Сначала совместными стараниями соучастницы сочинили следующее: «Светлейший Сосипатр Свиридыч! Согласна стать Селезень-Себялюбской. Стаканчиковский священник соединит союзом счастливые сердца. Свадьбу сыграем семейно. Соблаговолите, сверхпорядочный Сосипатр Свиридыч, сохранить секретность сего сообщения. С симпатией Софья Светозаровна Сойкина».

Стешка, снрядившись Софьей, самолично снесла сочиненное Селезню. Свидевшись со своей «суженой», Сосипатр Свиридыч стоял сродни соляному столбу. Сунув статскому советнику свиток, служанка сбежала.

Справившись со смущением, Селезень сноровисто стал собираться: скорое счастье с Софьей согревало сердце самолюбивого статского советника.

Сцена следующая

Скромная столовая семьи Сойкиных. Светозар Сильч сидит с сигарою, сочиняет стихи. Секлита Серапионовна стучит спицами.

Сойкин. Слушай, Секлитушка, снизошло. (Самозабвенно.)

Словно сотня свирепых сарацин

Сражается Сосипатр смелый.

Сходят снега...

Сойкина. Слово старопрежнее сыскал – сарацины. Са-ра-ци-ны... Словно сани скрипят. (Сплевывает.)

Сойкин. Самурайское совершенство стиля способны созерцать сведущие, Секлита-сан.

Сойкина (смешавшись). Сейчас, Светозарушка, совсем сложно сказал.

Сойкин. Срамота! Сама стрекочешь словно смерд. Смотри, скоро с самодержцем свояками станем. Соизволь сейчас слагать сладкоречиво!

Селезень со Стешкою. Стешка сторонится Сойкиных.

Селезень (Сойкину). Соблаговолите сказать, светлейший, сколько Софье стукнуло?

Сойкин (спешно). Семнадцать.

Селезень (свирепея). Семнадцать?! Слепец! Soixante²⁷!

Сойкин. Сами слепы, сударь! Софьюшка сродни салатному стебельку, свежа, словно сурепка.

Селезень. Свежая сурепка?! Саксаул!

Сойкин (стороной). Спирт совсем смутил сознание счастливца. (Селезню.) Сливянку, сударь, следует селёдочкой сдабривать.

²⁷ Soixante (фр.) – шестьдесят.

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Селезень. Сами скушайте свою селёдку. Сосватали со старухой! Созерцайте, созерцайте счастливых супругов.

Сойкин (сердито). Сатир!

Селезень. Сколопендра!

Сойкин. С-с-с-столичный си-ба-рит!

Селезень (стороной). Старик со счастья совсем свихнулся. (*Сойкину*). Суда-а-а-арь, Светозар Сильч, смотрите сами...

Селезень сбрасывает со Стешки смушковый салоп.

Сойкин (Стешке). Сгинь, сгинь, сатана!

Сойкина. Стешка!

Столоначальника сковал столбняк, с сановной супругою сделались судороги.

Селезень (стороной). Слабоумными сказываются, скупердяи. (*Сойкиным.*) Содержание Софи – серебро со смолокурней – спрятать сдумали?

Сойкин (справившись с собой). Самообольщаетесь, светлейший. Смолокурню с Софьей сулил.

Стешка – Сойкинская служанка. Сlopали, сударь?

Селезень (Стешке). Сами, сударыня, беседуйте с сельскими сумасшедшими.

Стешка (собравшимся). Сызмальства Степанидой Силантьевой Скамейкиной считалась. Стала

Селезень-Себялюбской, супругой Сосипатра Свиридыча.

Сойкина. Стешка советницей сделалась. (*Стонет.*)

Сойкин (со смехом). Светлейший Сосипатр Свиридыч, сталося, сочетались с сиволапой служанкой. (*Стороной.*) Слава Создателю, *Сойкинское* состояние сохранилось!

Стешка (Сойкину). Склочный, скупой, своенравный старикашка. Сребролюбие совесть совсем скомкало: Софью сторговать сподобился. (*Снимает со стены «Спасителя», суёт Сойкиной.*)

Сзывайте Софью, Савватея. Сделайте свою Софью счастливой.

Сойкин (собравшимся сердито). Софью с Савватеем сосватать? Смеётесь, сограждане?

Стешка (Сойкину). Снова самочинствовать собрались, сударь. Сосипатрушка самодержцу скажет, сибирские сосны сплавлять станете. (*Строго.*) Сзывайте!

Сойкин (стороной). Самодержец – серьёзная сила. Софьюшка!

Сойкина. Сав... Сав... Савватеюшка!

Слегка смущённые Савватей с Софьей.

Сойкин: Сродничек! (*Сплевывает.*)

Сойкина (Савватю). Сыночек, Софьюшку сбереги.

Сойкин (Савватю). Состояние Сойкинское спустишь, сгною!

Савватей (собравшимся). Своей семьей станем существовать, самостоятельно. Служивым

Сойкинские самородки – словно собаке сарафан.

Сойкина (супругу). Сподобил Создатель старика свинцовым сердцем!

Сойкин (супруге). Смелой стали, сударыня. Супротив супруга соображения сказываете. (*Собравшимся.*) Сговор сплетаете? Свяжу, сошлю, сгною – содрогнется Стаканчиково! Сойкин – сила, Сойкин – совесть, Сойкин – ...

Стешка. Скоморох!

Сойкин (со стоном). Сдавило сердце, селезёнку скрутило...

Московский BAZAR № 1 (26) 2018 г.

Селезень. Слабак!

Стешка (Селезню). Ступай, ступай, Сосипатрушка, собирай саквояжик. Столицей самоуспокоимся.

Селезень, спотыкаясь, сходит со сцены.

Стешка. Соизволь, Светозар Силыч, Сосипатру Свиридычу серебро ссыпать. Сами сказывали, стоит сейчас скаредничать?

Сойкин сердится, стучит сандалиями.

Стешка (Сойкину). Смотри, старый сводник, самодержец слово сдержит.

Сойкин (струсив). Согласен-согласен, Степанидушка. Сосипатру Свиридычу самолично сундучок снесу.

Сойкин спешно скрывается.

Софья. Спасибо, Стеша. Страшусь счастье своё спугнуть.

Стешка. Счастье случаем славится, споймал – сумей сдержать.

Совсем скоро Стаканчиково смирилось со случившимся. Снова смолила Сойкинская смолокурня – собственность Софьи с Савватеем. Савватей стремительно сколачивал состояние, становился середняком. Софья, словно сурчиха, стерегла своих сыновей. Савватеечи – Севастьян с Селиваном, – слывшие своей строптивостью, старших слушались.

Свадьба Софьи совсем скосила Сойкина: старик слёг, стал скверно слышать. Стаканчиково сотрясали слухи: Светозара Силыча сглазили. Секлита Серапионовна смыслом своего существования считала сероглазого Селивана, схожего с самой Софьей, старшего, Севастьяна, сторонилась – слишком сопливец скопировал Савватеея.

Свидания со Стаканчиковом Селезень сократил: старел, скуку скрашивал самогончиком, Сойкинской сливянкой. Сначала Сосипатру Свиридычу сливянку слал сам Светозар Силыч, сомлевшего Сойкина сменила Секлита Серапионовна. Степанида Силантьевна супруга соблюдала строго, с сельским своенравием. Селезень свои страдания сказывал сослуживцам, сдабривая стенания скупой слезой.

Словом, семейное счастье столичного статского советника складывалась сообразно светилу, случайно сбавившему скорость...

Строгий слушатель! Согласись, создать сказку сложно, сказать срамное слово сподручнее. Следуй совету: суди сочинённое согласно совести, словно сие создал сам.

С симпатией, Сочинитель

ПОЭЗИЯ

Аркадий Ляховецкий

(Кобленц, Германия)

Соль земли

Во дворцах проживая пряничных,
 В лепестки одеваясь роз,
 Все равно не уйти от ранящих,
 Беспощадных житейских гроз.
 Уповая на годы сытные,
 Но, горчайшей хлебнув беды,
 Будешь рад и горбушке ситного,
 И глотку ключевой воды.
 Кто от мудрости, кто от скупости,
 Кто, отцовский храня наказ,
 Убоявшись грядущей скудности,
 Покупали всё про запас.
 Всяк по-своему, дело личное,
 Наполняли подпол и клеть...
 Старики наши – солью, спичками,
 Дефицитом военных лет.
 Хлебом досыта не накормлены,
 Собирались и стар и млад
 Во дворе магазина Когана
 На Потемкинской, двадцать пять.
 Повинуясь законам рыночным,
 В беготне проводили день,

Сжаты кольцами «змей-горынычей» –
 Бесконечных очередей.
 Дед кряхтел, наставляя с вечера:
 – Что разбежался, охолонь!
 По утрам – за крупую гречневой,
 В руки каждому полкило!
 А на сдачу просил не рублики,
 Не затёрханный пяточок –
 Производства родной республики
 Грузный спичечный коробок
 Довоенного чудо-качества,
 Сувенирный – бери коль хошь! –
 Потому как отмену карточек
 Объявил нам Великий Вождь.
 К поворотам судьбы приучены,
 (Деревенская, в прошлом, голь),
 Прикупали всегда, при случае,
 Вдосталь спички, крупу и соль.
 Кто от скупости, кто от бедности,
 Памятуя, что век – не длинн,
 Но при этом нет выше ценности,
 Чем тепло или соль земли.

Красный дом

Заставы, рогатки, кордоны,
Запретов и правил не счесть!
Республика Красного Дома
Их все отменила как есть.
Здесь все, даже стены и своды,
Из плотно подогнанных плит,
Дарило нам чувство свободы,
Которое не утолить.
В спирали крутых лабиринтов,
По лестничным маршам скользя,
Жиганом быть можешь и принцем,
Не знающим слова «нельзя».
Простенки, проходы, проемы,
Провалы, разлом, недострой...
Республика Красного Дома
В руинах отеля «Бристоль».
Заброшенный, древний, помпезный,
Кирпичный насупив фасад,
Притягивал он, точно бездна,
Ватаги окрестных ребят.
Потертые сбросив портфели,
Забыв материнский наказ,
Бегом сквозь препятствия – к цели,
Единственно важной для нас.

Неверная ветхость карнизов,
Сплетения балок разбег –
Дворовому рыцарству вызов,
Всем страхам, живущим в тебе.
От чувства опасности близкой
(Шаг вправо, шаг влево – обрыв!),
Пьянило отчаянным риском
Мужской полувзрослой игры.
Нелепость, пустая бравада?
Геройства фальшивый мотив?
Но не было выше награды:
Не сдрейфить, решиться, пройти!
В преддверии бед и поветрий,
Свар будущих, взглядов косых
Шла жизненных взглядов поверка
И проба мальчишеских сил.
Метала милиция громы,
Горели ремни у отцов.
Республика Красного Дома,
Ты помнишь своих храбрецов?
Уверен, мы встретимся снова,
Еще не забыт адресок:
Московская, угол Свердлова,
От детства чуть наискосок.

Последний рубль

По мелочам размениваться, быть
Не слишком строгим в области морали
И, собственный налаживая быт,
Вполне преуспевать в житейском ралли.
Не ведая почтения к чинам,
С начальством отправляться на рыбалку
И с мельницами бой не начинать,
По-русски на груди рванув рубаху!
Задуманное без труда вершить,
Семь раз отмерив, резать по живому!
В охотку есть омлеты и борщи,
Под крышей сидя собственного дома.
Но, видимо, по прихоти судьбы
И явных «перекосах» воспитанья,

Все семь искусов дьявольских избыв,
Впросак ты попадаешь непрестанно.
С опаской провожаем по уму,
Вослед все чаще слышишь поношение,
А правдолюбца-чудика хомут,
Как ни крути, натер пребольно шею.
Заснуть не можешь долго по ночам
В заждавшейся ремонта крохе-двушке,
На кухне куришь, пьешь горячий чай,
Вновь головой тяжелой льнешь к подушке.
Взывает тщетно к разуму родня,
Но толку нет в чужой кафтан рядиться.
Свой полновесный рубль не разменяв,
Так и пребудешь притчей во языцех?

Восковая спелость

Восковая спелость кукурузы,
 Полуднем оплавленная степь.
 Заполнялся золотистым грузом
 Распряжённый тракторный прицеп.
 На тугих спеленутых початках
 С хрустом рвался жестких листьев слой.
 Ныли руки, прожигало пятки
 Деревенской стоптанной кирзой.
 Корабельный лес стволов зеленых,
 Шла работа споро дотемна.
 Из бочонка ковш воды студеной
 Силы восстанавливал сполна.
 Нам всего четырнадцать, не боле,
 Но, без всяких скидок пацанве,
 Каждый день родной стране и школе –
 Выдай норму, а стараясь, две!
 Жили просто. Вязкий сон в бараке.
 В клубе фильм крутили про войну.
 За полночь окрестные собаки
 Хором завывали на луну.
 Поднимались с утренним туманом,
 В маленькой столовке, сев рядком,
 Снедали горячими блинами
 И горячим, с пенкой, молоком.
 Никаких особенных идиллий!
 В тусклых лампах керосин чадил.
 На бестарке, не автомобиле,
 Объезжал уголья бригадир.
 Свет давали в клуб и «на правленье»,
 Полевых работ свершался цикл,
 В праздничные дни и воскресенья
 «Разговлялись» деды и отцы.
 Пережив напор десятилетий,
 Повзрослев в трудах и возмужав,
 Помним, той страны великой дети,
 Шум и ярость битв за урожай!
 Не забыли, как жилось и пелось,
 Как считали, верою полны,
 Идеалов восковую спелость
 Высшим достижением страны.

Журавлик

Пруд вплотную обступили ели,
 Дождь отморосил и перестал.
 Словно зоркий страж, журавлик белый
 Занял пост на поручнях моста.
 Старый мост, некрашенный, горбатый,
 По большому счету, лишь мостки,
 В лесопарке выстроен когда-то
 Из сухой осиновой доски.
 Нипочем ему ветра и влага,
 Перехлест дождей и груз снегов –
 Натиск их с бойцовскою отвагой,
 Не сдаваясь, отразить готов!
 Птице здесь привольно и вольготно,
 Оборвав стремительный полет,
 Высмотрит охотничьи уголья,
 Живности вокруг ведя учет.
 Вот, срезая гребни мелкой зыби
 И беззвучно разевая рты,
 Поводя хвостом, всплывают рыбы
 К свету из глубинной темноты.
 В нетях тины, булькая натужно,
 Подавая родичам сигнал,
 Совершают грузные лягушки
 Свой ежевечерний ритуал.
 Ящерка скользнула из-под камня,
 Не оставив за собою след.
 Крестовик из нити тонкотканой,
 Ловчую в кустах раскинул сеть.
 Но пора! Широкими кругами
 На потоках воздуха скользя,
 Синеву пронзил журавль крылами,
 Исчезая прямо на глазах.
 Он вернется и пройдет над лесом,
 Поднимаясь к солнцу высоко!
 Стерх-журавль, летящий в поднебесье, –
 Не чета синице под рукой!

Терем-теремок

На кофейной гуще нагадали,
 На хвосте сорока принесла:
 Мир и лад, хранимые годами,
 Очень просто разорить дотла.
 Прибран дом, уютен и ухожен,
 Новые портьеры на окне.
 В рамке возле зеркала в прихожей
 Детские рисунки на стене.
 На листах альбомных вьется речка,
 Щиплют гуси на лугу траву.
 Растопыры, чудо-человечки
 В тереме раскрашенном живут.
 Это мы, нелепые, смешные,
 На картинке в профиль и анфас.
 Отразили грифели цветные
 До предела упрощенных нас.
 Сняв защиту взрослой оболочки,
 От забот и споров поостыв,
 Видим вновь себя глазами дочки
 Эталонном высшей красоты.
 А ведь знаем, как несовершенны,
 В шрамах от обманов и утрат!
 Сколько в нас надуманных решений,
 Сколько обжигающих неправд!
 Сколько под ребро набилось бесов?
 Год-другой, и не заметишь сам:
 Вмиг добро и веру перевесит
 Этот груз на времени весах.
 Живы не одним насущным хлебом,
 Только раньше было невдомек:
 Детские рисунки оберегом
 Посланы в наш терем-теремок.

В главной роли

Житейских травм и родовых
 Неся незримые печати,
 Стараемся не приходить
 К тем, перед кем мы виноваты.
 Неловкость чувствуя и стыд,
 В порыве самосбереженья

Не ставим прошлому на вид
 Свои былые прегрешенья.
 Но, испытав духовный криз,
 И сна лишившись и покоя,
 Включаем память – механизм,
 Дававший постоянно сбои.
 В ее неверной глубине
 Среди смешенья дат и житий
 Отыщем отпечаток дней,
 Давно и прочно позабытых
 За чередой дождей и зим,
 Которых было слишком много,
 Прокрутим жизнь, как старый фильм
 Времен «великого немого».
 И, болевой пройдя порог,
 Став несколько мудрей с годами,
 По-новому оценим роль,
 Когда-то сыгранную нами.

В преддверии утра

В разрыве туч, заполонивших небо,
 Зброшенной в заоблачную высь
 Высокой пробы золотой монетой
 Пылал холодным светом лунный диск.

Над ним, клубясь, всей массой нависая,
 На синь накинув полог темноты,
 Зимы метельной грузные вассалы
 Ползли, разинув алчущие рты

И, нападая порознь или вместе,
 Полночное светило гнали вспять,
 Серп полумесяца вогнав по рукоять
 Меж планок дверцы входа в град небесный.

А ниже, сдвинув треуголки-крыши,
 Стыл на ветру земной его собрат,
 Засыпан снегом, сонный и притихший,
 В морозной мгле доживший до утра.

Бабаи

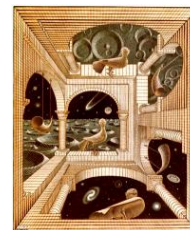
Вел себя не так, как подобает,
(Вовремя с прогулки не пришел),
И стращала бабушка «бабаем»:
Заберет, мол, неслуха в мешок!
Это вам не сказочные страсти.
Жуткое, реальное вполне
Чудо-юдо неизвестной масти,
Затаившись, угрожало мне.
Каждый шаг отслеживая зорко,
Не давало по ночам уснуть
Огнеглазо, «обло и озорно»,
Как писали предки в старину.
Нечего убавить иль прибавить,
Памяти людской не угасить:
Всадники раскосые, «бабаи»,
Славно нагулялись на Руси!
Поднабрались злата и полона,
Саблею кривою саданув!
Пропотевшей конскою попоной
Накрепко укутали страну.
Сняв с голов обритых малахаи,
Лишний раз склониться не ленясь,
Называли сотника – бабаем,
Признавая старшинство и власть.
Это слово громовым раскатом,
Разбивая щит столетий в прах,
Свой первоначальный смысл утратив,
К нам дошло в значеньи новом: «страх».
Поведем плечами молодецки,
Больше не пугает нас Орда!
Только не бывает страхов детских,
Как в ученых сказано трудах,
Ведь они всего лишь отраженье
Давних бед, страшнее, чем Батый,
Скрытый смысл речевок-выражений,
Напрочь рвущих души, как тротил.
Клич тевтонский «Здравия желаем!»,
Аравийский спич «Велик наш бог!» –
Лишний повод уколоть нас жалом
Нестерпимых стахов и тревог!
Толстый том Истории листая
От седых эпох до наших дней,
Видим: те же самые «бабаи»
Вислоухих горячат коней!

Солдатский хлеб

С больших учений шли стрелки
Порядком маршевым устало,
Над строем выставив штыки,
Держа равнение по уставу.
Шеренги скаток и сапог
Тянулись бесконечной лентой.
Пыль выбивалась из-под ног,
Клубясь, терялась в небе летнем.
Спадал сухой полдневный зной,
Ритмично стертые подошвы
С размаху били в шар земной,
В его глубинное подвздошь.
Урчали глухо тягачи
И в отдаленьи, отставая,
Свой скромный сознавая чин,
Катилась кухня полевая.
Тяжелый топот, сцепок визг,
Надрывно дизели басили.
Армейский грузный механизм
Раскручивался что есть силы.
И вдруг короткий взмах флажка!
Слова команды прозвучали.
Колонна встала у леска,
Назначенного для привала.
С приказом подбежал комбат:
«Обед!» И вот, пыхтя трубою,
Кухонный воинский «комбайн»
Рванул вдоль замершего строя.
Розовощёк и рыжеват,
Маневр свой понимая четко,
С подножки спрыгнул кашевар
В надвинутой на лоб пилотке.
Вполне возможно, плут и хват,
Он тоже внес свой вклад в победу:
С утра полученный расклад
В меню солдатского обеда.
Навар борща и смак котлет
В тот день запомнила вся рота.
Но был всего вкуснее... хлеб,
Доставшийся трудом и потом.

ПОЭЗИЯ

*Виктория Соловьева
(Красноярск)*

Пусть говорят

Пусть говорят: какая глухомань!
А я туда, как на источник, еду,
Там дед меня с прутом искал к обеду,
А в банный день меня хоть вновь аркань.

К тебе теперь я еду на денек,
Где пряталась в таких огромных травах,
Чтобы узнать знакомый вкус и запах
И надкусить осоки стебелек.

Уйти за ароматом трав в закат,
Дойти до места, где дорога в гору,
И не найти как прежде мандрагору,
В беспамятстве бродить, бродить, искать.

За что люблю я эту глухомань –
За тишину и память, где все свято.
И только речка стала мелковата –
Лишь голову макнуть, как в иордань.

Воробьи февральские скучают

Воробьи январские скучают.
Шубки распушили и молчат –
Жмутся и играют в перегляд.
Знать, на воробьином чир-чир-чате
Объявили адресом флешмоба
Наш скамеечно-уютный двор,
Где не видно хитреньких ворон
И сугробы пышные, как сдоба!
Или ждут свою старушку Нелли,
Что носила крошки и пшено.
Только ей с утра нехорошо,
Скоро... «Вот дожить бы до капли!»

Может, обошлось бы, ничего...
Раз святое было Рождество,
Значит, недалече до купели!
Вот бы кареглазые запели,
Может, я под песни пожила!»
Нелли не выходит. Тяжела.
Воробьи февральские скучают.
И бегут ручьи, февральский снег
Не остановить. Весна, побег...
Пахнет горьким, но бесцветным чаем.

Листопад

Он – собиратель дождя и снега,
А нынче выдался листопад!
Летели листики в небо, с неба –
Цветные тучи его левад.
Вот этот, красный, листок осины –
Излом улыбки – блестит атлас!
А тот, зеленый до половины –
Миндаль таких невозможных глаз!
Портрет составит, потом размочит –
Игра, да толку-то в ней – пустяк!
Но почему-то он вновь разводит
Тон акварели. Да что ж не так?..
На распростертые крыши льется
Осенний – серый, безмолвный – сплин.
В бульварной – пиво, под песни Отса,
А он – потомственный дворянин,
По совместительству вольный дворник,
Своей метлой изменяет мир.
И ворох тлеет, и ветер гонит
За тучей тучу на материк.

Давай с тобой построим дом...

Давай с тобой построим дом,
В нем будут жить твои мечты,
И будет место для четы
Печных сверчков за камельком.

Я буду ткать свои ковры.
В рисунок хитрых завитков
Цветы вплетаются легко,
Под песни бабушки Зухры.

Натрем крупнее толочна,
И позовем на свой карниз
Сыграть изысканный каприз
Стрижа с соседнего окна.

И каждый вечер будет тих.
Я так люблю, когда жара
Уходит молча со двора
Под запах спелых облепих.

Дудук у дедушки Мито
Затихнет где-то в облаках.
Я счастье прячу в кулаках,
Давай с тобой построим дом.

У самого синего неба

Как запах и цвет Тамани –
Твой взгляд исподлобья синий.
Холсты – продолжение ткани
Из неба в камерность линий.
Тут тихо ходят деревья,
Сбираясь осенью в стаи,
Деревья – почти деревни,
Живут, облака листая.
Распахнуты настезь сени...
Да разве боишься Бога,
Где ужин лишь для спасенья.
Убога, убога, убога
Россия... но родины запах –
Сосновой смолы и хлеба...
Спит солнце в сосновых лапах
У самого синего неба.

Гложет

Гложет лунную корочку
В белой перине сыночек.
Сладко ему или горько?
Губками трогает сонно
Каплю огромную мамы...
Что же тебе с нею снится –
Мир, вот такой, еще теплый,
Где невозможно напиться?
Белых оттенков свобода,

Завязь синих огурчиков,
Что тебе снится, мой милый?
Сколько еще попутчиков?!
Станешь ли первым счастливым?
Нежно сосешь, так нелепо
Розовым, мокрым пальчиком
Пробуешь сладкое небо.
Пробуй, роднулечка, пробуй –
Вкус его самый-пресамый!

Тихое утро...

Тихое утро крадется на цыпочках ночью,
 Пренебрегая запретом: до солнца являться,
 Веточки тронет, согреет дыханием почки
 И распушит оперение птиц. Глянет в святцы!
 Дел переделает массу – не спится... Капели...
 Вспомнит, как прежде в березовом краешке сквера
 Все просыпалось – от инея ветки сопели,
 Свету молилась горбатая белая верба...

Тихое утро крадется шагами Амура,
 Только я слышу всегда эту первую ноту –
 Легкого ветра Рожденья, теней перламутра –
 От голубого до бежевых капелек сот – и
 Теплого, точно ласкаются руки Вселенной.
 То, что вчера было камнем, сегодня из ветра –
 Огненный круг начинает движение мерно,
 Чайник свистит, и запахло оладьями щедро.

Зов наполняет дыханием с этой минуты.
 Тихое утро – ни в теле, ни в воздухе смуты...

Синий троллейбус

Шел троллейбус по Фонтанке,
 По старинной мостовой,
 И в поклоне каждой ямке,
 Дергал низко головой.

И рогатка: тили-дили –
 Добрый день, мои друзья!
 Сердце мне вчера вручили!
 Разве врал когда-то я?

На сиденье вырезали
 Два вихрастых озорства
 Что-то резкое, из брани,
 Сильно ранили слова...

А потом кондуктор Оля
 Сверху красный лоскуток

Пришивала, было больно,
 Все ж пружинка давит бок...

Вон сейчас сидит девчушка,
 Сердце гладит мне рукой,
 У меня такое чувство,
 Будто дарит мне покой.

Если б каждый сердце видел!
 Что сиянье перед ним?!
 На потертый синий китель
 Слезы капали: день-мин...

Шел троллейбус к остановке
 По старинной мостовой.
 Дзынькал, тренькал и неловко
 Дергал синей головой.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

Камбала

Рукавичка упала на снег,
То ли с тучей пришла камбала,
Или голубь – родной имярек,
Не рассмотришь – большая волна!

Подойти бы поближе, но я
Доверяю давно егерям.
Вон кренится щепка корабля,
Что остался в холодных морях.

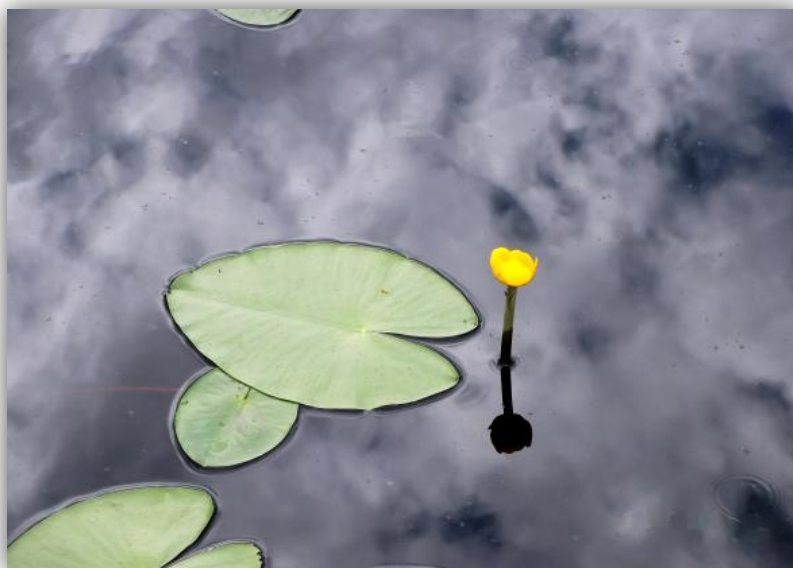
И качают тяжелую грусть
Провода, провода, невода.
Не уйти, не сойти, не свернуть,
Не сбежать из пучин никуда.

Ветер носит рыбёх чешую.
Солнце бликом, наверно, блесна.
Я на Солнце смотрю и шепчу:
«Не взлетай, подожди камбала!..»

Но взлетает!
Два белых крыла!
И на сердце колыхнется грусть.

Бабы

А ноша всегда найдется...
Да были бы только плечи!
Неважно, какого проку,
Но важно святое – «надо!»
Бурлачат по рекам бабы,
В горящие лезут избы
И лечат ожоги, раны,
прикладывая картоху.
Пяток на семью разделит,
Одну на крыльцо – бродягам!
Награда? Да все пустое...
Скрестили бы только руки,
И может, когда в четверг
Наведаться смогут внуки.
Что ей – понедельник, вторник...
А вот по субботам праздник:
Наденет платочек светлый
И крестится долго в храме,
И просит за всю Россию.
Не двигает вера камни...
Но бабы привыкли – верят.
Сизиф, председатель, курит...

Ольга Дёмина. Кувшинка в небе, Суздаль, 2015 г.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

ПОЭЗИЯ

Ирина Ханум

(Севастополь)

Любимый с детства Херсонес...

(Из цикла «Крымские этюды»)

Любимый с детства Херсонес
Алел от маков каждым летом.
Задор дарило диво это.
Лазурный занавес небес
Срастался с синью горизонта
Изящно, мастерски и тонко.
Сияло всё и вся окрест
В лучистой солнечной соломке.

Шумел порывисто накат,
Казался хлынувшим шампанским,
И чем-то веяло спартанским
От скал прохладных. В сто карат
Сверкали камни в чаше моря,
Метался ветер на просторе,
Летел, безумный, наугад
И был от вольности в мажоре.

Стремилась в стаю облаков
Колон белёсых сталагмиты,
И амфоры, посланцы Крита,
Хранили таинство веков.

Панно мозаики на плитах
Влекло невидимым магнитом,
Так тянет девственность лугов,
Медовой сладостью залитых.

Качалась я в шальных волнах,
Была разгулу моря рада,
Бодрила пенных волн армада,
Стихия не вселяла страх.
Загар кофейно-золотистый,
Вьетнамки, платье из ситца...
Как будто было все вчера:
Свежо, пронзительно и близко.

Нырять в дерзкую волну,
Плыла легко, почти играя.
Здесь был всегда кусочек рая.
Устану если – отдохну.
Вода прозрачно-голубая
На берег греться отпускает,
Моллюски ползают по дну.
Купайся хоть с начала мая.
Я все еще у грез в плену.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

Пастораль благодатного края...

(Из цикла «Крымские этюды»)

Луноликая девушка Зиля
С нежной кожей молочного цвета.
Ей к лицу и бордовый, и синий.
Милый образ – подарок поэту.

Наполняет айраном пиалы,
Кыстыбаи уложены горкой.
Ну и руки у Зили! Хвала им!
Пахнет тмином печеная корка.

У костра обессилело пламя,
Лишь дымок голубым серпантином
Тихо вьется, вдыхаемый нами,
А лепешки – на блюде из глины.

Волн прибрежных доносится говор,
Где-то дятел долбит древесину,
Ходят ворон с котом по забору,
Ждет хозяев с кизилом корзина.

Блеет юный барашек в сарае:
Надоели, наверное, стены.
Пастораль благодатного края
Навевает катрен за катреном.

Какие разные рассветы...

(Из цикла «Крымские этюды»)

Какие разные рассветы,
Какие яркие тона!
То зелень в золото одета,
То – в медь... И робко тишина
Впускает звуки непокая:
Вот в бухте лодочка шумит.
Весь берег в зарослях ракии,
И до него подать рукою.
Над морем белыми штрихами
Крикливых чаек маета.
Снуют не вместе, кто куда –
Инстинкт, шлифованный веками.
Тропа от дома до причала –
Тесьмой меж сосен и осин.
То в волнах – все цвета опала,
То гладь – сплошной аквамарин.

Персидские розы

Памяти Расула Гамзатова

*Я спросил в Ширазе розу красную:
– Почему не первый век подряд,
Называя самую прекрасную,
О тебе повсюду говорят?
Р. Гамзатов*

Не было прекрасней персиянок
И персидских с розами садов.
В локонах застенчивых смуглянок
Был заколкой сорванный цветок.
– Что тебе, красавица, милее,
Орхидея, лилия, тюльпан?
– Девушке из Персии роднее
Красной розы бархатный тюрбан.

По полу рассыпаны бутоны,
Роз букеты – в вышивке ковра,
Розовые ветви на балконах
И внутри тенистого двора.
В спальне, на атласе балдахина,
Тоже розы... Как же здесь без них!
Розы персиянками любимы,
Потому о розах этот стих.

Домик на Пластунской

Памяти тети Тони, у которой моя семья несколько лет снимала комнату, вернувшись в 1946 году в разрушенный, но освобожденный Севастополь.

На Пластунской пышны деревья,
Тополя зеленеют. Лето.
Ветерок переносит перья
Кур-пеструшек двойного цвета.
Граммфончики у калитки –
Сине-белый व्यюнок игривый.
Все ползет и ползет по ниткам,
Чередую дуэты с трио.

– Как сегодня шкварчит ставридка!
Антонина, пожарив рыбу,
Выключает электроплитку.
От восторга котище дыбом.
– Лиль, присядь, расскажи старухе,
Замуж вышла? Как мама с папой?
Кружат в кухне шальные мухи,
К рыбе лезет кошачья лапа.

Папироса у Тони тлеет,
Не хватает губам помады.
Ее спутник – старинный веер,
Вечно с ней, постоянно надо.
Гребешок прижимает прядки,
Совершенно теперь седые.
Вся кушетка – сплошные латки.
– Лилья, детка... А дальше: «Ты ли?»

Рядом комнатка, что снимали,
Потолок потемнел, намокнув.
Трещин новых орда немая
Возле рам нераскрытых окон.
Опустели и двор, и домик...
Постояльцев давно не хочет.
Среди утвари Блока томик,
Как снотворное среди ночи.

Молоко до краев по кружкам,
Календарь отрывной на стенке.
Тетя долго окурочок тушит.
– Лилья, ешь! Остывают гренки.
Крошит Тоня салат к обеду,
Разгибаются трудно пальцы.
– Скажешь, буду жива – заеду.
Мама жарит омлет на смальце?

– Тетя Тоня, а вы-то как же?
Огород, палисадник с вишней...
Тоня смальцем горбушку мажет,
Ставит стопки.
– Помянем Гришу!
Фотография мужа в спальне,
Очень выцвела, пожелтела.
Тетю Тоню безумно жаль мне,
Отекли и лицо, и тело.

Без войны десять лет ведь много.
Это если родные живы.
Тоня больше не верит Богу,
Снам не верит, что были лживы.
До сих пор Севастополь снится,
От бомбежек в руинах город.
Рядом с мужем – погибших лица,
А Григорий – красив и молод.

Блеск в глазах оттого, что слезы
Не текут, а стоят на старте.
– Лилья, маме нарежу розы,
Разложу, если хочешь, карты.
Незаметно вкрапляет юмор
В повседневность моя старушка.
– Я с ума не сошла, не думай!
Просто плакать все время скучно.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

Попутчик

Слово за слово... Тронулся поезд,
Оставляя шумливый перрон.
Пассажиров в купе моем – трое.
Мчит по Крыму московский вагон.

За окном и сады, и домишки,
И лугов потемневших ковры.
Чай в дороге сегодня не лишний –
Вечный символ вечерней поры.

Зашуршали пакеты со снедью,
Вот картошка, котлеты, батон.
Зазвучало шутивное «леди»,
Уловила густой баритон.

И дежурный коньяк очень кстати,
И наливка домашняя есть.
– Как по батюшке, милая, звать-то?
Мы теперь не чужие ведь здесь.

Проводник забирает стаканы,
Чтобы чаем наполнить опять.
Моя станция в графике рано,
Чуть забрезжит – и надо вставать.

– Что об этом, соседка, толкуешь?
Ведь не утро, а ночь впереди.
За окном наша крымская туя,
Значит, юг не совсем позади.

За шальным и уютным застольем
Разговор потихоньку идет.
Я согласно киваю, и только.
Где судьба меня все-таки ждет?

А попутчик, что рядом со мною,
На стоянке купил мне букет,
И в вагоне запахло весной.
Я ему улыбнулась в ответ.

В коридоре ночного вагона
Мы смотрели в большое окно.

Проплывали чужие перроны,
Между ними – полей полотно.

Кто он мне – молчаливый попутчик?
Я не знаю о нем ничего.
Может, это судьба? Может, случай
Подарил мне сегодня его.

Огоньки незнакомых вокзалов
Светят звездами в синей тиши.
До рассвета осталось так мало...
Как досадно, что поезд спешит!

Один день в Кутаиси

(Из цикла «Воспоминания о Грузии»)

Помнишь день наш один в Кутаиси?
Мы с тобой на мосту целовались,
А кругом пожелтевшие листья
И густой у восхода румянец.

Белый мостик над старой Риони –
Место встреч, обещаний, разлуки.
Ты губами касался ладоней,
И теплели от них мои руки.

По канатке до парка культуры
Поднимались беспечно с тобою,
Ветерок ворошил шевелюру
Твоих черных кудрей с сединою.

Смаковали с корицею кофе
На открытом тенистом балконе
И бросали от выпечки крохи
Частой гостье кафешки – вороне.

Покружили у храма Баграта
И внутри, где старинные фрески.
Мы бродили весь день до заката,
И казалось нам все интересным.

Вольный ветер, чужой Кутаиси
И дома – визави вдоль Риони.
Я купила билет до Тбилиси
И простилась с тобой на перроне.

Бежала горная река...

(Из цикла «Воспоминания о Грузии»)

Бежала горная река с высот в долину,
И плыли стаей облака, то – врозь, то – клином,
Касались плеч отвесных гор с зеленым мехом.
Был камнепада дружный хор с протяжным эхом.

Мелькала пестрая форель в потоке горном,
Реки менялась акварель в лучах задорных.
Искрилась рыба серебром, а камни – золотом,
И здесь казались ерундой года и даты.

Здесь воздух свежестью дышал и пах сосною,
Пеклась форель, дымил мангал, а мы с тобою
Смотрели сверху на стезю реки шумливой.
В долине, что была внизу, цвели оливы.

Звенела весело вода, шлифуя камень,
Форель летела в никуда, бока поранив.
Безумна быстрая река – поток гремучий,
А мы стоим – в руке рука – на горной круче.

Ольга Дёмина. На якорь, Майорка, 2014 г.

Абхазское утро

(Из цикла «Воспоминания о Грузии»)

Вся долина как на ладони,
Деревушка прохладой дышит.
Утром здесь нарасхват мацони.
Солнце трогает робко крыши.

Пахнет хлебом – лаваш печется,
Аппетитный, горячий, с тмином.
У тандыра – хозяин с дочкой,
Печь простая – кирпич и глина.

Петухи прочищают глотки,
Будет зорька красней малины,
Куры сонные беззаботны,
На луга поплелась скотина.

Безмятежно. Жемчужно небо.
Этот мир еще полон неги.
Невдомек всем, что утро лепит...
Садит тайно войны побеги.

Вскоре села покроет пепел,
От снарядов земля завоюет,
Будут плакать и гибнуть дети,
Не познавшие сути войн.

А пока продавец мацони
Тихо катит свою тележку,
Ржут в долине без седел кони.
Ткутся судеб чужих мережки.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

В белом домике у моря...

(Из цикла «В краю легенд, олив и солнца»)

Горсть лучей блестит на
стеклах
В белом домике у моря.
Тронет бриз небрежно окна –
Бязь взлетает. Холка взгорья

С можжевеловою рощей.
Даль жемчужно-голубая.
По камням, траве и кочкам
Тропка к берегу крутая.

Лодка с рыбой, грек с сетями.
Сушит их, развесив всюду.
Кот рыбешку быстро стянет
И уйдет, забыв про грудю.

Жмутся волны к грубым скалам,
Рокот их ласкает душу.
Окунь жарится, и жаром
Вмиг повеет. Станет душно.

Запах вкусен. Дым костровый
Ветер стелет над водою.
Старый грек – молчун суровый,
С юных лет пленен мечтою.

Винный хмель язык развяжет,
Думы выплеснув наружу.
Был и он влюблен однажды
В ту, что предана лишь мужу.

Сны ему являют Дору.
Не забыть глаза и косы...
Знают тайну только море
И волной омытый остров.

Ольга Дёмина. Одинокий парус, Кипр, 2015 г.

ПОЭЗИЯ

Людмила Клёнова

(Ашкелон, Израиль)

Дом, где всегда зажигается свет...

Дом, где всегда зажигается свет
В час предвечерний лиловый;
Сад, где росой мерцают в траве
Мамины ласка и слово;
Дом, этот дом... Ты в душе у меня,
Ты ни на миг не оставлен.
Теплые окна с прошедшим роднят
Всей моей жизни уставы...

Помнишь, дарил ты мне белый налив
С яблони той, у криницы?
Пестовал кроху, ветвями укрыв
Шалости детства...
Умыться
Влагой студеной хотелось всегда,
Выпить воды родниковой.
Дом незабываемый мой, сердце отдай –
Рвется к тебе оно снова...

Тихо впусти меня в теплые сны –
Ты возврати мне их, дом мой!
Верю, что сад, в ожиданье изныв,
Мне простирает ладони
Вишен, тяжелых от сочных плодов,
Солнцем июльским согретых...
Полный любовью, далекий мой дом,
Пристань зеленого лета...

Путь мой в иные просторы одет...
Только со мною, как прежде,
Дом, где всегда зажигается свет
Той, окрыленной надежды...

***

До нежности заласканная боль
 Не думает сражаться с горьким счастьем –
 Такая невозможная любовь
 Бывает, но, наверное, не часто.
 Беззвучным криком, выпитым до дна,
 Оставшимся в ушах ночной Вселенной,
 Счастливо захлебнется тишина –
 И кто-то молча станет на колени.
 И этот зов легко разрежет тишь,
 Которая – меж молнией и громом...
 Ты слушаешь бессонницу, не спишь,
 В ладони принимая мир огромный.
 Клинок мечтой намоленной любви,
 Одним движеньем души половиня,
 Конечно, примет самый скромный вид,
 Себя укрыв в желаниях невинно.
 Но ты, и только Ты взойдешь тогда
 Из тьмы слепящей солнцем обреченным –
 И я тебя, мой ангел, не отдам
 Ни Богу, ни лукавейшему черту.

Хоть ночь, хоть день, хоть только сладкий
 миг –
 Но вместе наконец в касанье жарком...
 А где-то успокоено затих
 Маэстро Случай, верящий в подарки...

Волшебство

Мир утренний пронзителен и тонок.
 Застыла стрелка где-то на пяти.
 А изнутри, несильно так, спросонок,
 Толкается невыношенный стих.
 Он волшебством, песчинкою живую
 Рождается, в себя вбирая Свет –
 И вся реальность – побоку. Собою
 Он наполняет росы на траве,
 И заморозков пробы, и закаты,
 И рифмы драгоценное зерно...
 И верится: ни в чем не виноваты
 Слова, которым выжить суждено.

А век у этих слов бывает куцый,
 Молчанья меч их может оборвать...
 И все же, словно кровь из раны, льются
 И хлещут через край – опять – слова,
 Слагаясь в мысли, в строфы осторожно...
 Но стоит ли подробно объяснять,
 Что меч однажды все ж покинет ножны,
 Вонзившись под ребро по рукоять.
 Пусть болью раскаленную сжигают
 Тебя плетенья строф... О, не остынь,
 Прислушайся: вот-вот она, живая,
 Строка родится, где хозяин – ты.

Но, зная, что от жизни не укрыться
 За строками романов и стихов,
 Ты вновь растишь в себе синичку-птицу
 Сомнений, покаяний и грехов...

Золотое плетение осени

Золотое плетение осени
 Покажи, мой сентябрь, не таи....
 Липы желтые шали набросили
 На зеленые плечи свои,
 И под солнцем спокойным и ласковым
 Отдыхают от летней жары,
 Подставляя ладони атласные
 Под благой бабьеветний порыв.

Как же щедро подарками балует
 Медно-рыжая эта пора!
 На поляне, у лип, как на палубе,
 Разыгралась всюю детвора.
 Воробьями галдят голосистыми,
 Невозвратности не оценив...
 А к ногам их янтарными листьями
 Осыпаются летние дни...

Но за зимними жизни торосами
 Будет помниться давний тот сон:
 Золотое плетение осени
 Из немыслимо-светлых времен...

Осень – на память

Как хочется на память сохранить
Осенне-листопадное богатство!
Там листьев разноцветные огни
Научат и тревожить, и смеяться.

Они умеют тихо рассказать
О днях, что беззаботно пролетели.
Роса на них, как первая слеза
В преддверии морозов и метели.

Так хочется собрать и унести
Погожих дней последнее причастье,
Чтоб в зимнем обесцвеченном пути
Нести в руках букет былого счастья!

А может, в синей вазе на столе
Составить разноцветья икебану,
И спрятать лист кленовый, как билет
В Весну? Хотя она не по карману...

Но листья пахнут свежестью лесной,
Туманом – и загадочностью тайны,
И кажется, пока они со мной,
Все в жизни не напрасно, не случайно...

Немного о ностальгии

Смешное слово «ностальгия»...
Но отчего в нем привкус боли?
Сегодня мне края другие
Ласкают слух морским прибоем.

Приходит время – нынче камни
Я собираю – жизни всходы.
Но как же хочется в луга мне –
В них сладость клевера и меда!

Прости, стихия трав зеленых,
Что я теперь в иных пределах,
Что крона ласкового клена,
По мне тоскуя, поседела,

И кружева развесил иней
Не для меня в том утре дальнем,
Где небо высветлено синью,
Где осень мудро-беспечальна...

Луна отстирывает крыши
В моем теперешнем «далече»...
Но сердце помнит... Кожа слышит:
Июльский ветер гладит плечи...

Однолюбы

Все мы, в сущности, однолюбы...
Остальное – лишь боль: «Забывать...»
И целуем чужие губы,
И вплетаем чужую нить
В полотно наших вечных будней,
В каждодневный сует поток –
И отчаянно, горько любим
Тот, забытый почти, глоток
Золотого, хмельного счастья –
Очарованность звездных глаз...
И дрожит тетивою: «Здравствуй...»
Где-то в сердце, грозя упасть
В бесконечность воспоминаний,
В безнаказанность жарких снов...
Что ты делаешь в жизни с нами
Та, единственная, любовь?

Отчего не отпустишь душу,
Продолжая болеть внутри,
Не выплескиваясь наружу,
Только сердцу веля: «Гори!»
Умирает оно безмолвно,
Остается строкой... И вот
Снова катятся эти волны –
Словом... Сказкой... Штормами нот...
И не вынырнуть, и не выплыть...
Храм, построенный на крови...

Есть вискарь...
Не хотите ль выпить?..
Остальное – лишь боль: «Живи!»

Старый сад

Деревья так раскидисты и пышны,
 Травую буйной сад укрыт по пояс,
 Под старую задумчивую крышей
 Вьют ласточки гнездо, не беспокоясь,
 Что кто-то их сумеет потревожить –
 Давно здесь тишина. И только ветер,
 На тот, веселый, прежний так похожий,
 Ласкает перепутанные ветви.

В густой тени и в полдень как-то зябко,
 И все, что было прежде – скрыто снами...
 А память, словно жадная хозяйка,
 Все бродит по углам воспоминаний:
 Взбегает по ступенькам озорницей –
 Той, юной, в кружевном нарядном платье,
 И в дверь входную весело стучится...
 Ее бы удержать... ее догнать бы...

Но к окнам засыпающего дома
 Сквозь заросли и солнцу не пробиться...
 А кажется, все близко и знакомо,
 И в томике заложена страница
 Сиреневой – из рук его – фиалкой,
 Давно засохшей, только не забывшей
 Весны далекой... И немного жалко,
 Что юные деревья стали выше...
 Но время пролетает птичьей стаей,
 Которая обратно не вернется.
 Лишь ветер безнаказанно листает
 Страницы прошлых дней, омытых солнцем...

А мне остались...

Уходят дни, как лодки, от дальнего причала,
 И кто-то начинает пути свои с начала,
 И что-то происходит, не требуя огласки...
 А мне остались письма, в которых – только ласка...

Разбитое не склеить, и нечего пытаться,
 В дождливой дымке тает рассказанное вкратце...
 Бессонница закроет калитку к тропке прежней...
 А мне остались письма, в которых – только нежность...

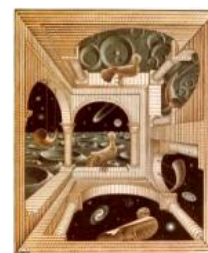
И новые задачи, и новые дороги...
 Неужто, ты скажи мне, в душе ничто не дрогнет?
 Жизнь длится... Все нормально... И незачем прощаться...
 А мне остались письма, в которых – только счастье...

И, зову подчиняясь, меняются стихии.
 Да сложится ли песня, где все слова – другие?
 Ничто не повторится, все тленно в мире этом...
 А мне остались письма, в которых – звездный ветер...

Но поезд от вокзала уйдет, надежду множа.
 Ты ждешь желанной встречи, обнимешься в прихожей...
 Тебе ли удивляться, что нынче – все иное?
 А мне остались письма, в которых ты – со мною...

ПОЭЗИЯ

*Людмила Царюк (Семёнова)
(Московская обл.)*

Мой маленький город

Мелькают огни полустанков под стук колес,
На маленьком столике стынет забытый чай,
Уснули соседи... А я вспоминаю плёс,
Церквушку и старый парк в золотых лучах.

Мой маленький город, вдали от крутых столиц.
Отмытые окна и воздух другой – хмельной.
Все знают друг друга, здесь меньше угрюмых лиц,
Всерьез озабоченных властью, едой, войной...

Живут потихоньку, в затянутых поясах,
Стремясь незатейливый свой обустроить быт.
Лысеющий дядька в смешных – и седых! – усах
Как будто родной мне... Да это... Не может быть! –

Мой первый мальчишка. Худой долговязый шкет.
Дрожащие пальцы, смущенный вопрос в глазах...
Давно это было – без малого тридцать лет,
Уже и не вспомнить, кто первым «люблю» сказал.

Мой маленький город. Я здесь до сих пор юна,
Верна убеждениям, людям, верна мечте,
Вся жизнь впереди, а пока что еще весна,
Здесь любят и ждут... Только встречи уже не те.

Аллеи пустынно. Шуршащей листвы конвой.
Свидание с близкими... Вместо тепла – гранит.
На кладбище тихо и пахнет сухой травой.
Здесь неотвратимости тайну земля хранит.

...Мелькают огни полустанков под стук колес,
На маленьком столике стынет забытый чай.
Уже не вернусь – жгут потоки горячих слез.
«Вернешься... вернешься...» – колеса во тьме стучат.

Баллада о ветре

По улицам слонялся пьяный ветер.
 Забавы от безделья затевал:
 То флюгеры неистово завертит,
 То с листьями устроит карнавал,
 То нежно шевелит макушки сосен,
 То раздает пощечины кустам,
 То свищет громко, грозен и несносен,
 То гонит пыль игриво по мостам.
 В неосвещенном узком переулке
 Влетел во двор, возникший на пути,
 Рассвирепел, дверьми захлопал гулко,
 Сирень разворошил... И вдруг затих:
 Окрасив в голубой на окна шторы,
 Взошла на небе умница-луна
 И осветила комнату, в которой
 Сидела, в шаль закутавшись, Она –
 Изящна, хороша необычайно!
 Какой-то перед ней лежал портрет –
 Его касалась нежно... И печальной
 Ее улыбкой в лунном серебре
 Пленен был ветер... Нежным дуновением
 Прильнул к стеклу холодному окна –
 Внимание привлечь хоть на мгновенье,
 Но ветра не заметила она.
 Он бросил, осмелев, охапку листьев,
 Дохнул струей прохладной сквозняка –
 Не шелохнулась... Хоть была так близко
 И так невыносимо далека!
 Он застучал ветвями старой липы,
 Запел, стряхнув с людей остатки сна,
 И не услышал сдержанного всхлипа,
 Как ветра не услышала она.
 Он бился к ней – хлестал по тонким стеклам,
 Выл волком, рвал нещадно провода,
 Мечтал коснуться кожи – нежной, теплой,
 Ревел, стонал и плакал: «Не отдам!»
 Он обессилен... Проклял всё на свете,
 Когда, неслышно тупфлями шурша,
 Она прошла к окну, вздохнула: «Ветер...» –
 И отвернулась, сжав у горла шаль.

Новогодний романс

Новогодняя ночь кружит голову легкой печалью.
 Уплывает в окно сигаретного дыма извив.
 В эту странную ночь мы с тобою вдвоем отмечаем
 За накрытым столом именины ушедшей любви.

Поцелуют друг друга касанием легким бокалы.
 Пьем, и горечь в шампанском – как привкус утраченных лет.
 Ты обнимаешь меня. Плечи дрогнут при встрече с руками,
 Что роднее других были раньше на этой земле.

Глаз не смеем поднять. Кто виновен, что мы не хотели
 Все понять, сохранить, чтоб по жизни вдвоем – до конца?..
 Новый белый январь за окошком танцует метелью,
 Заодно наматывая снежинки и в наши сердца.

Баритон Джо Дассена, гирлянда, парадная скатерть...
 Вот бы просто, как в детстве, шепнуть: не боlí, заживи!
 А на улице – смех, и звучат фейерверка раскаты,
 Словно реквием нашей, когда-то горячей, любви.

Разольется январский рассвет океаном безбрежным.
 Никого – ни машин, ни людей, только твой силуэт.
 В уголке души шевельнется предательски нежность...
 Все исправит метель, заметая оставленный след.

У обелиска

В провинциальном тихом городке,
 Там, где река, и вёстры над водою,
 С медалями на старом пиджаке
 И четырьмя гвоздичками в ладони,
 У обелиска плачет человек,
 Не слыша, как щебечут в вётрах птицы.
 Как долго он живет... Почти что век.
 А друг – давно земли сырой частица.
 Он плачет, не стыдясь горячих слез:
 Своих однополчан уже не встретить.
 Их жизни так безжалостно унес
 Тот страшный, переломный сорок третий.

Здесь шли бои. Их не забыл – не смог.
 Устал от снов, что снятся каждой ночью.
 Все падает в тех снах на мягкий мох
 Друг Пашка... И земля все рвется в клочья.
 Слезами вновь глаза заволочло –
 Как будто бы вчера все это было.
 А сколько их еще здесь полегло!
 И как темны кресты на их могилах...
 «В последний раз, ребята, я пришел,
 Пора и мне в дорогу собираться.
 Как хорошо, что мир! Как хорошо...
 Как больно, что не дожили вы, братцы...»

Когда вернулся ты с войны...

Когда вернулся ты с войны,
Изранен весь, душа в нарывах,
Тебе все время снились сны –
В тех снах опять гремели взрывы.

Был мир вокруг, была семья,
А память щерилась оскалом,
Был мир вокруг, но боль твоя
Тебя никак не отпускала.

Я билась с нею как могла,
Я с сердца скатывалась льдины,
Я как с войны тебя ждала...
И победила! Победила!

Тебя баюкая в руках,
Ту заговаривала боль я,
И уходила прочь тоска...
Так и спасла тебя – любовью

Я излечила боль твою.
Ее тисками не повинуюсь,
Мы победили в том бою,
Мы вместе с той войны вернулись.

Пахнет вечер сидром яблочным

Пахнет вечер сидром яблочным,
На веранде стол накрыт,
В свете лампы вьются бабочки
Да трезвонят комары.
Пенки в вазочке клубничные,
Пышен сливовый пирог,
Чашки – чудо! – заграничные,
А над чашками парок.
Самовар старинный – бабушкин –
Царь вечернего стола.
К чаю есть и сушки – башенкой,
И зефир, и пастила.
Чай – душистый, обжигающий,
Вкусный, с мятой, чабрецом.
Съесть кусочек пирога еще –
И на воздух, на крыльцо!

За спиной – бальзамом на душу –
Голоса родных людей.
Оттого и мысли радужны
В этот вечер-чародей.
Здесь пейзаж – как у Поленова.
Здесь, открытый всем ветрам,
Мой мирок – моя вселенная,
Мой любимый дивный рай.
В темном небе – звезды рассыплю,
Так загадочно тихи...
На бумагу сердце просится –
Превратить восторг в стихи.

Всё в прошлом

*(по мотивам одноименной картины
В. Максимова)*

К чему грустить о давних днях?
Всё в прошлом. В прошлом...
И заключен особняк
В саду заросшем,
И я давно уже стара –
Не отогреться.
Свистят суровые ветра
В остывшем сердце,
И тает новый день быстрее,
Чем предыдущий...
Цветет персидская сирень,
Но равнодушно
Гляжу на пышные кусты –
Неинтересно.
Стал мир другим теперь – костыль,
Подушки, кресло...
Жизнь замерла. Сковало льдом
Ее теченье.
Давно я откачалась молодой
На тех качелях,
Чей скрип в безветренную ночь –
Как стон из бездны...
Придет черед – я сгину прочь,
Но не исчезнут
Земля и небо, жар огня
И стынь пороши, –
Не для меня. Не для меня...
Всё в прошлом. В прошлом..

Счастливая зарисовка

Выйду я на ясной зореньке
С узелком из-за плетня.
Теплым дождиком лазоревым
Льется небо на меня.

По тропинке – за околицу.
Подпеваю соловью,
А за речкой колокольцами
Косы звонкие поют.

Смехом, песней, прибаутками
Вторят косам косари,
Луг синеет незабудками,
Вьются в небе сизари.

Потемнела зорька алая –
Собирается гроза.
А меня встречают шальные
Родниковые глаза.

Животворно под ресницами
Расплескалась синева.
Пью ее, да не напиться мне –
Закружилась голова!

Разродилось небо ливнями,
Кто-то молнию разжег.
Под зарницею малиновой
Мы укроемся в стожок

И раскрасим утро красками,
Как живительной водой,
А женаты мы, мой ласковый,
Уж пятнадцатый годок!

...Над рекой – тумана простыни,
Далеко ушла гроза.
Вот же – счастье: травы росные
Да любимые глаза.

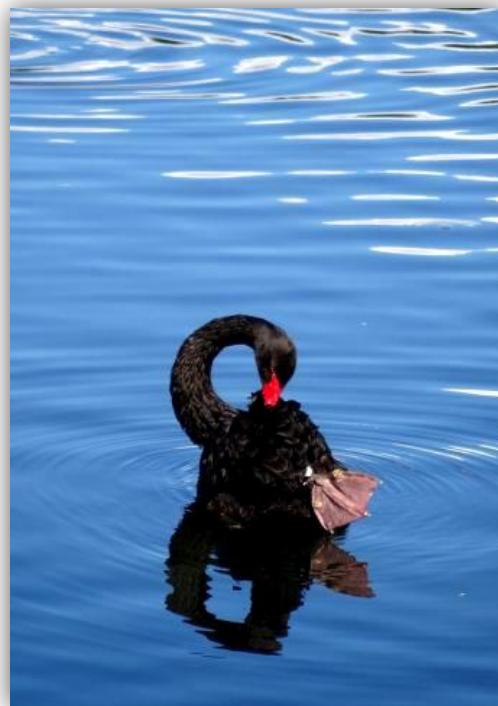
Молчи

Молчи. Не надо трогать тишину.
Словами ты души не успокоишь.
Морозом боль ползет по нежной коже,
Охватывает горло – не вдохнуть.

Нас окружают разные миры.
Прямые параллельны – не исправить.
А счастье – исключение из правил.
Такие вот условия игры.

Раскаиваться не в чем – не грешим,
Карабкаясь на занятое место.
Нет прошлого. Нет будущего вместе.
Есть только притяжение души.

Магнитом тянет – кто здесь виноват?
Скучаешь ты, и я скучаю тоже.
Не трогай тишину – слова ничтожны.
Когда меж нами космос – что слова...

Ольга Дёмина. Черный лебедь, Москва, 2017 г.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

ОЛЬГА ДЁМИНА: «Я ПЫТАЮСЬ ЗАОСТРИТЬ ВНИМАНИЕ ЗРИТЕЛЯ НА КАКОЙ-ТО ИЗЮМИНКЕ В ОБЫКНОВЕННОМ...»

Интервью с автором цикла фоторабот «Разная вода»

Московский BAZAR (МВ): Ольга, здравствуйте! Рады приветствовать вас в нашей рубрике «Фотолаборатория»!

Недавно в Литературной гостиной библиотеки им. Андрея Платонова проходила ваша фотовыставка «Разная вода». Насколько мы знаем, это уже вторая ваша выставка, первая была в 2016 году. Поздравляем вас с тем, что ваше фото-творчество набирает обороты и мы имеем возможность с ним знакомиться! Но давайте все-таки начнем издали.

В Моссалите мы прежде всего вас узнали как редактора «Московского Дома» и члена судейской команды ежегодных конкурсов Салона, проводимых на площадке ЧХА совместно с «Новым современником». Вы работали в номинации «Проза». Параллельно вы оказались еще и фотохудожником. Расскажите чуть-чуть о себе.

Светофор. Швейцария, 2013 г.

Что касается рассказа о себе, то особенно длинным он не получится: я родилась, училась, живу и работаю в Москве. Такое вот постоянство. Но, как вы знаете, любое постоянство сохраняется только тогда, когда периодически нарушается. Лично я люблю нарушать географические границы – будь то границы моего любимого города или моей

Ольга Дёмина (ОД): Здравствуйте! Прежде всего, я хочу поблагодарить Моссалит за то, что открыл для меня свои двери и позволил войти в новый, неизведанный мир: разрешил одним глазком заглянуть на творческую кухню, познакомиться с настоящими писателями и поэтами, стоять с ними рядом, быть первым читателем и слушателем новых произведений – еще горячих, свежее испеченных. Это совершенно особые впечатления и ощущения!

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

страны. Тяга к путешествиям и новым впечатлениям заставила меня, среди прочего, взяться за фотоаппарат: хотелось зафиксировать восторг от увиденного. С этого все и началось.

МВ: *Вы говорили, что окончили школу с литературным уклоном. А вы пробовали писать в школе прозу или поэзию?*

ОД: Если быть точным, это была не школа, а класс с литературным уклоном – единственное гуманитарное «отклонение» в состоящей из шести классов параллели, в которой остальные пять классов были математическими. Такой вот литературный остров посреди океана точных цифр и знаков. Главный результат учебы в этом уникальном классе – то, что я стала очень хорошим и благодарным читателем. Мои замечательные учителя не только распахнули для меня дверь в удивительный, многообразный, парадоксальный и даже противоречивый мир художественной литературы, но и научили меня внимательному, вдумчивому отношению к тексту. Я могу сравнить себя с сомелье, профессионально наслаждающимся разнообразными оттенками благородного литературного напитка. А вот начать писать самой мне и в голову не приходило – это значило бы посягнуть на святое.

МВ: *Кто созвучен вам из писателей XX века и кого хотели бы выделить из современных?*

ОД: Надо сказать, что мои литературные пристрастия, как и у большинства людей, меняются с течением времени. В молодости человек нацелен на развитие, движение вперед, отрицание старого. Наверное, поэтому в молодые годы меня больше привлекали авторы, непривычно для традиций господствовавшего тогда социалистического реализма осмыслившие действительность – Маркес, Фаулз, Замятин, Платонов. Мне было интересно не только содержание, но и эксперименты с формой.

Кувшинки, Друскининкай, 2017 г.

Сейчас же, в зрелые годы, отдаю предпочтение той кажущейся простоте формы, которой владеют только истинные мастера. Могу бесконечно наслаждаться Чеховым, Шукшиным, Довлатовым, Сэлинджером. Мне интересны также современные российские авторы. Любопытно знать, как воспринимают и оценивают действительность, вопросы бытия мои ровесники и чуть более молодое поколение – Кучерская, Быков, Водолазкин, Улицкая.

МВ: *Сейчас мало читают. О причинах можно долго и много рассуждать. А как считаете вы, стоит ли возвращать молодежь к книге – в смысле к серьезному чтению?*

ОД: Любое «возвращение» возможно, если только было от чего «уходить». Боюсь, сейчас формулировка окажется иной: что-то вроде «повернуть лицом к книге». Сложный, трудоемкий, деликатный процесс, но обязательный, на мой взгляд. Привычка к серьезному

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

чтению – показатель уровня духовного здоровья нации, не побоюсь высокого слога. А о здоровье нужно заботиться смолоду.

МВ: *Что привлекает вас больше: форма или содержание, или это вопрос о необходимости баланса форма – содержание?*

ОД: Что-то мне подсказывает, что талантливо написанное литературное произведение талантливо именно потому, что форма и содержание сбалансированы в нем в единственно возможной для данной работы пропорции. Игра с формой не должна становиться самоцелью автора. А уж отсутствие внятного содержания вообще обсуждать не хочется. К сожалению, графоманство неистребимо: оно было, есть и будет, пока есть те, кто считает, что писать – дело простое.

МВ: *Здесь мы медленно переходим к редакторству и судейству. Как судья на что вы обращаете особое внимание, когда читает конкурсный текст – что можно простить, что нельзя?*

Покатаемся! Друскининкай, 2017 г.

ОД: Для меня принципиальное значение имеет достоверность. Поясню на примерах. Скажем, эмоции и поступки героев должны быть достоверными: герой-меланхолик не может брызгать слюной и орать во весь голос, если ему наступили на ногу. Описание предметов, пейзажей, действий должно как минимум соответствовать физическим и прочим законам. Я не верю, когда читаю: «Я видела пролетающую мимо пулю».

Мне не нравится недостоверность событийного ряда: трудно представить, как деревенский пастух, с детства страдающий слабоумием (автор красочно описывает нечленораздельное мычание вместо слов и текущую из уголков губ слюну), вдруг при свете луны читает и проливает скупую слезу над «Войной и миром».

Не приемлю в конкурсных текстах «сведения счетов»: проявлений расизма, националистической пропаганды, политических выпадов и прочее.

Остальные «особенности» можно пережить. Главное – верить, что каждая новая работа автора будет сильнее предыдущей.

МВ: *Тарковский считал, что чем субъективнее искусство, тем оно интереснее. Вы тоже так считаете?*

ОД: Соглашусь с этим мнением.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

МВ: Фотография – это субъективное искусство? Или всего лишь удачно запечатленный миг?

ОД: Предлагаю сначала фотографию «поделить» на две части: репортаж и искусство. Фотография-репортаж – это для меня удачно остановленное мгновение объективной реальности, к которому мое внутреннее «я» не имеет никакого отношения. Фотография-искусство – это способ передачи мыслей, эмоций, настроения. На такого рода фотографиях всегда можно разглядеть спрятавшегося за изображением автора.

МВ: Среди ваших работ, представленных на выставке «Разная вода», есть как бы подгруппы. Вот, например, «Приплыли», «После дождя 4», «Внутреннее море», «В зеркале» – достаточно психологически направленные, здесь очевиден подтекст – где-то ирония, где-то грусть. Можно ли сказать, что фото отражает внутренний мир фотографа, или вовсе не обязательно и это просто случайность?

Приплыли, Нижний Новгород, 2016 г.

После дождя 4, Друскининкай, 2017 г.

После дождя 1, Друскининкай, 2017 г.

ОД: Конечно, настроение, эмоции фотографа на момент съемки на бессознательном уровне влияют на выбор объекта для съемки, на ракурс, выбор цветовой насыщенности. Грустному фотографу трудно снимать радугу.

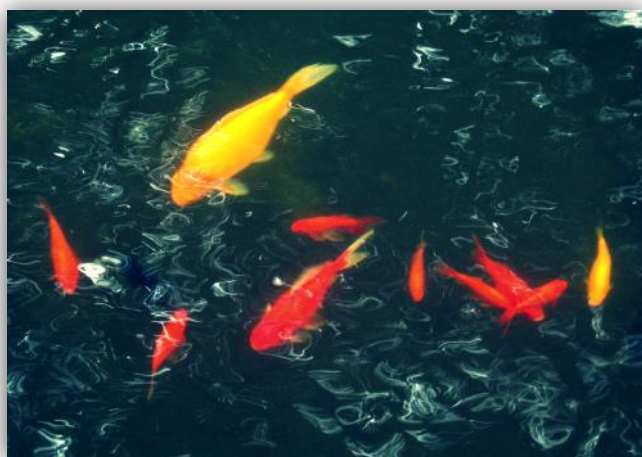
МВ: Фотография, по-вашему, это рассказ или простая констатация увиденного?

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

ОД: Если у вас нет задачи сделать фоторепортаж, чтобы, например, отчитаться перед друзьями и близкими о результатах поездки в гости к Деду Морозу, то тогда фотография может стать рассказом – о красоте, о тишине, об одиночестве, о радости.

МВ: Должен ли быть в фотографии дополнительный скрытый сюжет, так сказать, то, что остается за кадром, но явно считывается с представленной картинке?

ОД: Мне кажется, такая постановка вопроса не совсем корректна. Мы ведь уже говорили о субъективности фотографии-искусства. Как в любой авторской работе – будь то фотография, или картина, или художественный текст – замысел у автора один, а зритель или читатель, воспринимая все через призму собственного опыта, вывод может сделать другой. Поэтому, если моя фотография разбудит чьи-то воспоминания или ассоциации, я буду счастлива, даже если для меня самой она означает совсем другое.

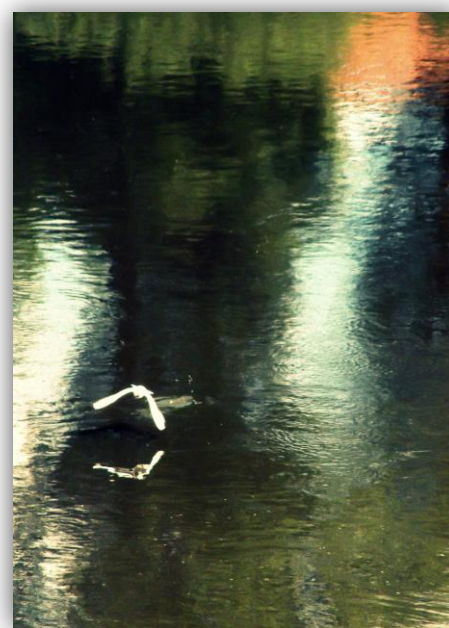

Золотая рыбка. Австрия, 2015 г.

МВ: Очень красивый акварельный цикл «Золотая рыбка», «Над Днепром», «Отражение», «Фонтан». Что вас больше интересует в фотографии – форма, сюжет, цвет, объект?

Фонтан. Гамбург, 2016 г.

Над Днепром. Смоленск, 2017 г.

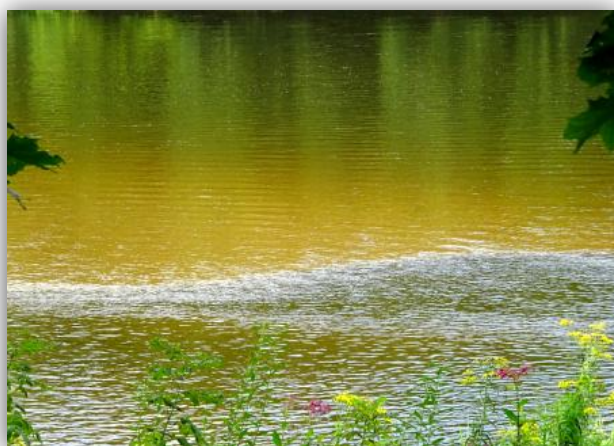
Отражение. Суздаль, 2015 г.

ОД: У меня нет однозначного ответа на этот вопрос. Иногда кажется, что объект съемки диктует правила игры – практически, выкручивает мне руки. Например, перечисленные вами фотографии акварельного цикла объединены идеей минимализма изображения, что дает возможность поиграть с цветом. Именно эти работы прошли компьютерную обработку, хотя я и не большой поклонник редакторских программ. Но здесь пришлось уступить диктату объекта.

МВ: Когда даете видовые работы, вы рассматриваете их как единое целое или все-таки даже на видовых фотографиях скрывается сюжетный подтекст? Например, «Вечернее золото», «Гордое семейство», «Отмели Немана», «Лотос», «Голубое и серое».

Гордое семейство. Берлин, 2016 г.

Отмели Немана. Друскининкай, 2017 г.

Лотос. Венгрия, 2016 г.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

ОД: Скорее назвала бы это расстановкой акцентов. Я пытаюсь заострить внимание зрителя на какой-то изюминке в обыкновенном, привычном глазу пейзаже. Красота или необычность деталей не должна ускользать, пропадать втуне. Скажем, в «Голубом и сером» тучка над озером раскрасила воду так, что плавающие в метре друг от друга утки оказались в разной воде. Было похоже на символ инь и ян. Но это чудо длилось всего несколько мгновений. Порыв ветра – и тучка улетела.

Грот. Мадрид, 2017 г.

Внутреннее море. Друскининкай, 2017 г.

МВ: *Расскажите о «Гроте», пройти мимо невозможно!*

ОД: Великолепный парк в самом центре Мадрида. Вокруг огромный современный город, а здесь – два квадратных километра рая. Парк любимый, ухоженный, оберегаемый. Пейзажи так хороши, что через некоторое время возникает чувство пресыщения – хочется взглянуть на что-нибудь уродливое. Иду вокруг небольшого рукотворного озера. На берегу павильон в стиле барокко – прекрасен. Ива купает ветви в воде – неотразима. Маленький водопад с искусственной скалы – глаз не оторвать. Тропинка ведет к этой самой скале и теряется в ее недрах. Оказывается, там есть проход. Казалось бы, что интересного может быть в прорубленном в скале проходе? Выяснилось, самое лучшее именно там – «окошко», похожее на контурную карту острова, с «занавесками» из водных струй и раем в перспективе.

МВ: *Какая работа ваша любимая?*

ОД: По настроению: чего душа в данный момент просит, то и становится любимым. Помните, как в «Белом солнце пустыни»: «Сегодня господин назначил МЕНЯ любимой женой».

МВ: *Спасибо за интересную беседу! Будем приходить на ваши вернисажи!*

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Любовь Гаркуша
(Сербия)

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАРОЙ СКАЗКИ

...Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец!

Как конец? Почему? А что же было дальше? Как живут наши любимые герои после окончания повествования?

Золушка вышла замуж за принца. Вскоре у них родился сын, а потом две дочки и еще два сына. Старый король дождался рождения старшего внука и вскоре умер. Принц стал королем, а Золушка – его старшим советником, они вместе правили своим царством много лет. Воспитание детей они поручили Мальчику-с-пальчик. Он так и не женился, так как не мог найти подходящую по росту жену. Он немного подрос, но по сравнению с Принцем был очень маленьким. Он был тайно влюблен в Дюймовочку, которая ему очень нравилась и даже по росту подходила, но она отказалась возвращаться из теплых стран, ей очень понравилось жить на цветах. Много лет они переписывались, рассказывали о новостях в своих странах.

Дед с бабкой собрали осколки золотого яичка и обменяли их на Петушка-золотого гребешка. Теперь их курочка Ряба постоянно несла золотые яйца. А чтобы готовить яичницу, они завели обычных кур. На месте избы построили особняк со всеми удобствами. Провели высокоскоростной Интернет. Золото приносило им хороший доход, но век кур недолог, а из золотых яиц цыплята не вылупляются. Тогда дед поразмыслил и вложил все сбережения в биткоины, бабка его чуть кочергой не убила: «Ах ты, дурак старый, что удумал! Лучше бы купил в Заморском королевстве кур, которые несут золотые яйца». А дед Интернет включает и показывает: «Смотри, Старуха, сколько сейчас биток стоит, он и дальше расти в цене будет, ни одна курица тебе столько золота не принесет. Купи шелку индийского и сшей мне портянки, буду теперь в шелковых портянках ходить. Ну и себе чего-нибудь новенького прикупи. Знаешь, как с карточки платить?»

Три поросенка выросли. Ниф-Ниф и Нуф-Нуф переехали от брата, построив себе крепкие дома, женились. В доме Наф-Нафа теперь живет его старший сын с женой. Детей своих они назвали в честь дедушки и его братьев. Старший – Наф-Наф, очень умный, воспитанный поросенок, надежда и опора родителей. Близнецы Ниф-Ниф и Нуф-Нуф – озорники и шутники,

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

очень похожи на своих дядюшек в детстве. За ними глаз да глаз нужен, обязательно что-нибудь выкинут, то гостям кнопку подложат на стул, то сидение клеем намажут. Хорошо, что старший брат за ними присматривает.

Волку так и не удалось съесть семерых козлят, еле ноги от них унес. И подался волк к Маугли. Акела умер. Маугли женился, остепенился, стал главой деревни. Думает в город перебраться, в правительство метит, опыт у него большой – вожаком у волков был. Вот и вызвался волк его заменить: стаю водить кому-то надо, ну и волчицу он себе присмотрел, пора уже о семье подумать.

Мама Красной Шапочки была благодарна охотникам за спасение дочери и бабушки. Напекла пирогов, взяла горшочек маслица и отправилась в гости к охотникам-спасителям. Сидят, разговаривают, чаёк попивают. Понравились друг другу так сильно, что решили жить вместе. А у охотника сын – как увидел Красную Шапочку, влюбился без памяти. Вскоре две свадьбы сыграли...

Сел Колобок Лисе на нос и запел свою песенку – она его языком и слизнула, а проглотить не смогла. Застрял Колобок у Лисы в зубах – ни туда, ни сюда. Проглотить не может и выплюнуть не получается, так и сидит с открытой пастью. Колобок, пока путешествовал, твердой коркой покрылся, а внутри мякиш нежный и мягкий. Измучилась Лиса, слезы из глаз льются. «Знаешь, Лиса, – говорит ей Колобок, – отнеси меня к дедушке и бабушке, они меня вытащат, а тебе еще и сливок нальют в знак благодарности». Пришла она в деревню. Колобка освободили, а из Лисы отличный воротник получился.

Маленький Принц вернулся на свою планету, он очень переживал за розу и баобабы, которые могли разрастись, пока его не было. Он взял с собой барашка, которого ему нарисовал авиатор.

Я собралась к нему в гости, но тут возникли неотложные дела и проблемы... У розы началась истерика. Козел Гаврила возомнил себя флористом и откусил ей несколько веток... И чего истерить? Очень симпатично получилось...

Помню, первый раз, когда была у него на планете, мы играли в прятки среди звезд и заблудились. В космосе очень легко потерять ориентацию. Если смотреть со стороны Земли – моя планета справа, а если со стороны Космоса – слева. А Земля похожа на разноцветный теннисный мячик.

А в городе совсем не видно звезд, там только фонари, даже если смотреть с небоскреба.
– Пойдем со мной, я покажу тебе звезды. Темной ночью мы поднимемся на вершину горы. Ляжем на траву, закроем глаза и будем слушать...

– Я ничего не слышу!

– Слушай тишину... Открывай глаза и держи меня за руку, а то улетишь...

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

- Что это?! Их так много... даже неба не видно... Смотри, смотри, одна упала, еще одна...
- Они всегда падают, чтобы мы загадывали желания. Только желание должно быть самым важным, потому что оно всегда исполняется. Хорошенько подумай!
- Хочу играть в прятки среди звезд с Маленьким Принцем!
- Полетели!
- Куда?
- К Маленькому Принцу, он нас давно ждет.
- А как же мама? Она будет волноваться!
- Мы недолго, только разведем дорожку. А в следующий раз ты возьмешь ее с собой...

МАША И БАРСИК

Барсик пристроился в кресле у родителей в комнате, это было самое безопасное место в квартире. Радовало то, что Маша была чем-то занята в ванной и забыла про Барсика. Но он ошибался...

– Барсик! Ну-ка, выходи! Я помыла всех кукол, теперь твоя очередь!

Барсик подскочил в кресле от звонкого крика Маши. Он совсем не хотел мыться. Он не был неряхой, каждый день тщательно вылизывал себя, мыл за ушками и под хвостом. А вода... Это что-то мокрое и страшное. Еще свежи в памяти воспоминания, как Маша пыталась помыть ему лапы после прогулки и уронила в ванну с водой, он чуть не утонул... А тут не только лапы придется мыть, а целиком! Это грозило крупными неприятностями.

Он заметался сначала на кресле, а потом спрыгнул на пол, начал искать укромное местечко, чтобы спрятаться.

Под кроватью он уже прятался три дня назад, когда Маша играла в дочки-матери и пеленала всех кукол. Она его нашла. И он полдня лежал вместе с куклами, завернутый в простынку и перевязанный бантиками, пока его не спасла бабушка.

Может быть, среди игрушек?! Нет! Этот вариант он тоже уже пробовал. Тогда Маша играла в «день рождения». Барсик очень любил поесть: вареная рыбка, свежая печенка, а за «Вискасом» из пакетика готов был бежать на край света. Но торт с клубникой. Хорошо, что были взбитые сливки, но даже они не спасли Барсика от жуткого несварения. К тому же его кормили из ложечки, запихивая огромные куски в рот. При воспоминании об этом его затрясло.

Может быть, в шкаф?! Дверца чуть-чуть приоткрыта. Аккуратненько, чтобы ничего не скрипнуло, котенок юркнул в шкаф и затаился в дальнем углу.

Маша проснулась от того, что кто-то тянул ее за ногу. Она свалилась с кровати и больно ударилась о пол. Что происходит?! Никто никогда так с ней не обращался. Мама, папа и особенно бабушка очень любили и баловали ее. А вот так – за ногу.

Она сидела на полу, терла глаза, пытаясь проснуться... Огромный кот стоял рядом и смотрел на нее. Огромный – это еще мягко сказано, он был как дом, ну может, чуть-чуть поменьше, но точно больше папы!

– Чего расселась? Поднимайся! Будем умываться! – сказал кот.

Маша поднялась на ноги и направилась в ванную.

– Ты куда собралась? – он преградил ей дорогу.

– В ванную! Ты же сказал – умываться!

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

– Все очень просто. Я тебя научу, как правильно умываться, и никакая ванная нам не нужна. Смотри на меня и повторяй!

Кот уселся на ковер и начал облизывать свои лапы и тереть ими морду, за ушами. Сначала с одной стороны, потом с другой.

– Ну и что ты смотришь? Повторяй за мной. Облизываешь лапу, проводишь по мордочке, потом за ушком, уши надо тщательно мыть, потом опять облизываешь лапу... Повторяешь так несколько раз. Потом переходишь на другую сторону.

– Я так не умею, – заплакала Маша, – я умею только водой и мылом.

– Глупости! Стоит только один раз попробовать, и все получится!

Кот взял Машину руку и начал тереть ей лицо...

– Ну всёе Хватит! Хватит! – закричала Маша, я уже чистая. Она надеялась, что мама услышит крики и придет на помощь.

– Хватит так хватит. Пошли завтракать.

Маша побежала на кухню, но кот схватил ее за шиворот.

– Почему на двух лапах?! Надо на четырех!

Маша встала на четвереньки и поползла на кухню, кот ждал ее около миски с сухим «Вискасом».

– Отличный питательный завтрак, на целый день хватит!

– Я такое не ем! Мама мне готовит кашу, йогурт и чай!

Кот усмехнулся:

– Кашу ты тоже не ешь, а ковыряешь в ней ложкой... Ешь что дают! – И он подтолкнул миску поближе к Маше. – А то будешь ходить голодная.

От «Вискаса» исходил очень неприятный запах.

Следующее испытание, которое придумал кот, игра в мяч. Маша очень любила эту игру, они с Барсиком часто в нее играли. Мяч был размером почти с Машу. По задумке кота она должна была его ловить. После первого броска Маша больно ударилась спиной. Она решила уклоняться от ударов мячом. Несколько раз ей это удалось, но кот был метким.

– Раз тебе не нравится играть в мяч, идем на улицу, будем ловить птичек, я научу тебя лазить по деревьям.

Что было дальше, она не помнила...

Маша проснулась в холодном поту и села на кровати.

– Что это было? Где огромный кот?

Было раннее утро, солнце только-только поднималось, и в комнате царил полумрак. Маша огляделась по сторонам, все было как прежде: шкаф, игрушки, кровать... «Барсик!» – вспомнила Маша. Барсик лежал у нее в ногах. Он приоткрыл один глаз, взглянул на Машу, но шевелиться не стал. Маша погладила его по спинке, накрылась одеялом, повернулась на бочок и уснула.

– Утром все будет по-другому! Спи спокойно!

ДНЕВНИК ОДИНОКОГО НОСКА

«Где я? Почему так холодно? Так недолго и поясницу застудить, а там и до радикулита недалеко. Выключите, наконец, солнце – печет.

Почему я валяюсь на бетонном полу, и где мой брат. Да... Утро явно не задалось. Вспомнил! Ночка была веселая... Эта растяпа (я про свою хозяйку) несла вещи в стирку, а меня обронила. Значит, сейчас мой братец – чистый и ароматный – сушится на веревке, а я тут – грязный. Почему такая несправедливость в этом мире? Где были ее глаза, неужели не видно, что носок только один, она что, до двух считать не умеет? А я ведь лучше своего братца. Он уже начал протираться на пятке и мысок светится. А может... Нет, об этом страшно подумать! Его отнесли на помойку, а мне подберут новенькую пару. Точно, я же лучше! Хотя уже нет. Этот злобный кот вздумал ночью со мной поиграть. Сто раз ему повторил, что я сплю. Гад! Всего меня искусал и когти еще точил... Да! Теперь меня точно оправят на помойку.

А как все замечательно начиналось. Мы долго пылились на полке в магазине, я уже потерял всякую надежду обрести хозяйку, даже этикетка оторвалась. Нас резинкой соединили с такими же заваливающимися парами носков. А братишка-то у меня оптимист, начитался умных книжек: “Надо мыслить позитивно. Наш покупатель нас найдет. Нас обязательно купят...” Ему бы психотерапевтом быть.

Я старался быть оптимистом, представлял, как меня надевают на изящную ножку и впихивают в кроссовку, например, “Найки”. Только не китайскую, очень прошу, в них ноги потеют, я буду постоянно мокрым и дурно пахнувшим... Кажется, я отвлекся.

Женская ручка протянулась к куче носков и начала перебирать: то цвет ей не нравится, то фасон, то толщина. Мы затаили дыхание. Она взяла пачку, в которой были мы с братом... Ура! Нам выпал счастливый билет!

Моя радость оказалась преждевременной. Изящная ножка имелась, а вот кроссовок не было, ладно, пусть не “Найки”, я уже был согласен на что угодно, лишь бы воплотилась мечта моего детства и я стал спортсменом. Так нет! Сверху на нас надели какие-то китайские пластиковые тапочки с дырочками. Грязь, вода, мусор – всё на нас. А потом в стирку. И трет, и трет, и трет, да потом щеточкой... Не удивительно, что брат уже стал протираться. Еще этот кот. Все норовит меня в укромную норку затащить. Запах ему, видите ли, мой нравится. А мне его – нет. А про собаку я вообще молчу, чуть не сожрала меня. Хорошо, что хозяйка вовремя спохватилась и спасла.

Ну и где же она ходит? А так хочется окунуться в теплую воду с ароматной воздушной пеной. Качаться на волнах. Нестись по водяным горкам стиральной машины. А потом плескаться в чистой прохладной воде. Больше всего мне нравится болтаться на веревке и подставлять бока теплому ласковому солнцу...»

– Ах вот ты где! А я тебя везде ищу. Ну-ка, отправляйся к своему братцу, хорошо, что я машинку еще не запускала...

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

СМЕХОТЕКА

Надежда Стрелкова

(МОССАЛИТ, Москва)

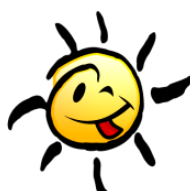

ТОЛИНА ПЕРЛОВКА

- Едем на машине, по радио объявляют: «Ведущий – Андрей Зацепин». Муж комментирует: «Зацепин – хорошая фамилия для критика».
- Едем на дачу. Догоняем автобус, на котором большими буквами написано: «Заказ автобусов». Муж: «А что, их тоже убивают?»
- Остановились в пробке. Мимо нас по обочине, газуя какими-то клубами дыма, проехал грузовик. Реплика мужа: «И фраер, спортив воздух, удалился».
- Едем. Муж спрашивает, видела ли я, что мы проехали тюремный магазин.
  - Как это тюремный?
  - Там еще крупная вывеска была: «Саженцы»?
- Сидим на дачном участке. По дачной дороге едет машина и напарник водителя выкрикивает громко: «Навоз! Навоз!» Муж комментирует: «Парфюмерная лавка проехала».
- Гуляем в поле. Просторы там замечательные, но каждую весну бывают пожары, то траву подожгут, то торф загорится... То и дело попадались обожженные огнем опушки... Муж сказал, что у нас как у Твардовского. Я спросила: «За далью даль»? А он так невозмутимо: «За гарью гарь».
- Зима. Гуляем. Говорю, хорошо, что дорожку посыпали песком, а то очень скользко.
  - Да, наверное, до нас здесь прошел весь Дом престарелых.
- Кивнув на алкаша, идущего впереди нас нетвердой походкой, муж сказал: «У него явно синусоидальные наклонности».
- Услышав в компании: «Увидеть Париж и умереть», муж комментирует: «Увидеть Москву и умереть – 1812 год».
- Не помню уже про кого, но Толя воскликнул:
  - Да он россист!
  - В смысле?

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

- Стронник России.
- Коментаруя телевизионный сюжет, в котором показывали Дмитрия Пескова, говорит: «Все нападкн на Путина уходят в песок».
- Слышит по радио фразу: «Это ее черточка характера» и коментарует: «Главное, чтобы у черточки были не слишком большие рожки».
- Жалуюсь мужу: «Представляешь, некто прислал мне в письме здоровенную “каплю дегтя”, а мой ответ счел недостаточно культурным». Толя разъяснил: «Капля дегтя убивает культурную лошадь».
- В компании одна дама перед подачей чая восторженно восклицает: «Что может быть лучше горячего чая?» Муж мгновенно реагирует: «Холодная водка».
- Сегодня утром сделала сырники с тыквой. Говорю мужу, что хорошо бы название придумать такое, чтобы и на тыкву был намек. Муж предложил: «Сырники».
- Видит надпись: «Серп и молот» и тут же придумывает свой вариант: «Сед и молод».
- Фигня – няня на фигурных коньках.
- Муж небрежно нес в стирку два носка. Один упал по дороге. Он посмотрел на него и сказал: «Недоносок».
- 17 февраля у нас был концерт-презентация книги «Пилигримы времени», на который приехал идеолог, составитель и один из авторов книги – Эдуард Филь из Самары. Муж прокомментировал потом его улыбающееся фото: «Добрый САМАРитянин», а выступление на концерте Эдуарда Филя назвал «ФИЛигранным».
- Вчера встречаем соседку, которая идет гулять. Я спрашиваю: «К школе?» (У нас там школа недалеко.) Соседка отвечает: «Нет, там сидеть негде». «Тогда надо на Колыму», – предлагает муж.
- По радио звучит «Я спросил у ясеня... я спросил у тополя...» Муж говорит, что было бы прикольно нарисовать картинку с тремя ракетами и подписать: «Три “тополя” на Плющихе». Я интересуюсь: а яшень тоже имеет отношение к вооружению? Представьте себе – да, это подводная лодка.

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведет Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

БАИНЬКИ, или СОН ВО БЛАГО

Сегодня утром я проснулась в отличном настроении! Солнышко светило в окно, пуская солнечные зайчики на зеркале. Я потянулась и, легко спрыгнув с кровати, направилась в сторону ванной комнаты. Не дойдя до цели, внезапно остановилась: с кухни слышались чьи-то голоса. Слов разобрать, но совершенно ясно, что разговаривали двое мужчин. Кто это? Сердце забилось где-то в горле, ноги стали ватными, и захотелось сесть на пол. Я же живу одна! Кто мог оказаться на моей кухне в восемь утра? Это грабители? Убийцы? Затошнило, голова «поплыла» от страха, и я привалилась спиной к стене.

В квартире почему-то стало темнеть. За спиной из стены появились и крепко обхватили меня ветки дерева. Листья на ветках множилось, обволакивая все тело, словно охраняя, пряча от незваных гостей. Но это тесное объятие душило меня и пугало еще сильнее. Захотелось кричать, но голос пропал и я только молча открывала рот, силясь издать хоть какой-нибудь звук. От ужаса происходящего я начала отключаться, постепенно проваливаясь в серую тьму и... проснулась. Снова.

Светило солнце, зайчики скакали по зеркалу, унося с собой остатки ночного кошмара. Ну и ну! Давненько мне не снилось ничего такого. С чего вдруг? Наверное, вчера насмотрелась в интернете всякого, подумала я и, сбросив ноги с кровати, отправилась в сторону ванной. Разумеется, никаких голосов из кухни не было слышно! Откуда бы им взяться? Я же живу одна! Но на всякий случай заглянула туда из-за угла. Никого! Фух!

Сварив крепкого и ароматного кофе, села лицом к окну и стала размышлять. Откуда берутся сны? Человечество тысячи лет задает себе этот вопрос. Что такое сон вообще? Мы, люди, назвали ночное состояние человека этим словом – сон, – подразумевая, что сновидения не есть реальный мир, а только иллюзия. А кто на самом деле знает, где реальный мир, для чего нужны сновидения и что есть сон? Никто! Никто так и не нашел на этот вопрос абсолютно точного ответа. Есть только теории, предположения, поиски и эксперименты. Но часто именно во снах к нам приходят озарения, открытия, вдохновение для создания чего-либо. Через сновидения мы получаем ответы на вопросы, мучающие нас наяву. Почему так происходит?

Мой любимый арабика совершенно взбодрил. Окончательно проснувшись, моя фантазия пустилась вскачь! Я решила выдвинуть свою теорию такого увлекательного явления, как сон.

Первое, что меня озадачило, вопрос о соотношении работы тела и мозга (или сознания). Похоже, что пока мы спим, наше тело продолжает работать, но, так сказать, в «спящем режиме», простите за каламбур! А вот мозг не перестает активно действовать. Выходит, он не отдыхает никогда! Или это сознание, наша сущность заставляет работать нашу коробочку с

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

извилинами? Получается, при условии восьмичасового сна тело живет в бодрствовании на треть меньше, чем мозг (или сознание), ну или на четверть, если спать по шесть часов. Значит, если человек прожил тридцать лет, то мозг столько же, а вот тело максимум двадцать! Тогда определение возраста человека в корне неверно. У нас должно быть два возраста – возраст сознания и возраст тела. Так и будем знакомиться: «Здравствуйте. Я Элеонора. Мне сорок пять на уровне сознания и тридцать на физическом». А что, здорово звучит! Значит, не напрасно женщины часто убавляют себе года, наверное, интуитивно чувствуют, что так правильно!

Следующий вопрос, не нашедший ответа: реальны ли сновидения? И здесь ученые не пришли к единому мнению. Но какая мне разница, что мне до их мнения? Я же сейчас собственную теорию выдвигаю! А по мне, так сновидения скорее всего переход в иную реальность. Не знаю уж, параллельную или поперечную, но ИНУЮ. А поскольку люди все разные, то и реальность у всех своя. Кто-то летает во снах и встречается с волшебными существами, а кто-то убегает от монстров. Видимо, в какой-то момент жизни, через сон, человеку приоткрывается та или другая дверь в подпространство. А вот отчего это зависит – вопрос! Возможно, это просто случайный выбор, как и в жизни. Недаром людям свойственно наступать на одни и те же грабли. Так и во сне: одни и те же двери.

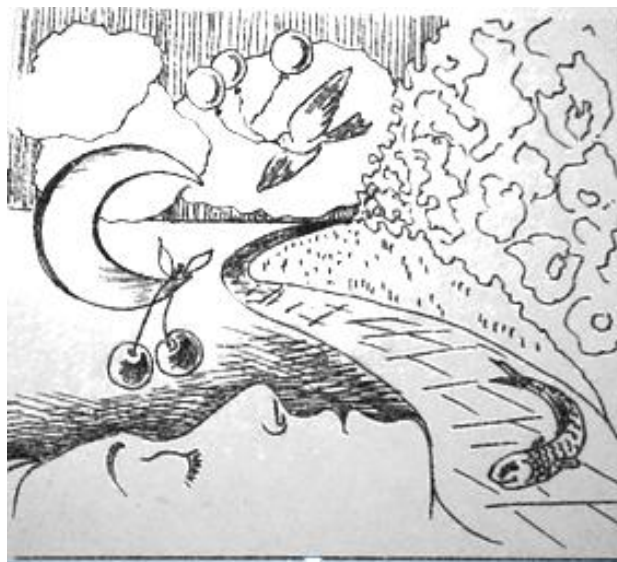

Рис. А. Народицкой

Мои «двери» чаще всего очень приятные. Настолько, что мне не хочется просыпаться. Подольше бы там побыть и досмотреть до конца такой сон. Или, наоборот, не хочется возвращаться в сон, называемый настоящей реальностью, потому, что хочется остаться в той, ночной реальности! А что? Там я умею летать! В той реальности я никогда не болею и всегда счастлива (если не считать один-единственный сегодняшний кошмар), там живы мои родители, все люди добрые и светлые. Там у меня есть кошки и собаки. А еще там почти всегда хорошая погода и яркое солнце! Кто же из таких снов захочет возвращаться в эту темень и слякоть? В эту непростую жизнь, полную испытаний и мучений? Вот и думайте, что есть реальность, а что сон?

За окном на дереве появилась ворона. Она многозначительно посмотрела на меня одним глазом, каркнула и, шумно расправив крылья, улетела. Я подлила себе горячего кофе и, дожжевывая бутерброд с сыром, продолжила выдвигать увлекательные теории. Еще один вопрос, так интересующий меня в этой области: куда деваются сны, когда мы умираем? Где оказывается наше сознание в тот момент, когда мы покидаем этот – в общепринятом понимании – реальный мир? Раз оно работает неустанно всю жизнь, значит, не нуждается в отдыхе, как физическое тело.

Тогда кто сказал, что сознание умирает вместе с нашей оболочкой? Может, оно и есть душа? А душа вечна – в этом сошлись все религии мира. А что, если в наши сны мы и уходим? Может, именно об этом говорят, когда обещают жизнь «по ту сторону»? Хотелось бы так думать. По крайней мере, я бы там хоть полетала вволю! А что, неплохая теория! Мне нравится. Ведь сны в какой-то степени являются проявлением нашей личности. Как живем, как думаем, что чувствуем, то и снится. Какие мы, такие двери в иные миры мы и выбираем.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

Что ж, может, нам надо поработать над нашими снами, пока у нас есть такая возможность? Ведь по моей теории получается, что только от нас самих зависит, куда мы попадем, когда закончится наш срок пребывания в ЭТОЙ реальности. И тогда у каждого из нас будет своя маленькая вселенная, с особым устройством и правилами. От нас зависит, будет ли нам в ТОЙ реальности хорошо. Мы художники и архитекторы будущих городов и континентов. Мы авторы своих дальнейших жизней и судеб. А всего-то надо вовремя пойти баиньки и засыпать с добрыми мыслями. Воистину получается – сон во благо!

Однако! До чего можно додуматься за чашкой кофе! Надо на всякий случай лечь сегодня пораньше. И не смотреть всяких ужасов перед сном. Буду спать сладко-сладко и старательно создавать свою, особую, ИНУЮ реальность. Кто знает, а вдруг получится?

Ольга Дёмина. Лаокоон, Друскининкай, 2017 г.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Алексей Казарновский
(МОССАЛИТ, Москва)

Фото автора

ХРОНИКИ ШКИПЕРА

Киклады (продолжение)²⁸

*Мой парус наполнен дыханьем эфира,
Вечернего солнца огромный рубин
Сияет, и остров по имени Тира
Всплывает над морем из темных глубин.
Раскрыты объятия гигантской кальдеры.
Подкова, что в море швырнул великан,
Похожа на призрак крылатой химеры,
Притихшей и дикой. Огромный вулкан
Когда-то в расхристанном всполохе взрыва
Был в клочья разорван подземным огнем,
А ныне стежками по гребню обрыва
Людские жилища повисли на нем.
И если подняться по бурому склону
На гребень, где домиков белая вязь,
Там чистенький город, местами зеленый,
Туристы, и дети играют резвясь.
А если оттуда смотреть на кальдеру,
То дух перехватит от буйных красот.
От синего моря и неба не в меру,
От ветреных далей и строгих высот.
Да разве тебя позабуду я, Тира?
Тепла и красот твоих томный искус,
И зелень оливы, и нежность инжира,
И вин твоих долгий изысканный вкус?..
Мой парус наполнен дыханьем эфира,
Открытое море, предутренний час,
И остров чудесный по имени Тира
Уходит все дальше и дальше от нас.*

²⁸ Предшествующую часть см. в МВ № 3 (25) 2017.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

На следующий день, как обычно, на рассвете мы подняли якорь – точнее, отдали швартов от муринга. Накануне обнаружили, что у нас кончаются запасы пресной воды на борту, и я решил идти снова на Парос, поскольку это было единственное известное мне место, где их можно было пополнить. Путь наш лежал на этот раз между островами Иос и Сикинос, назад на север-северо-запад к проливу у острова Деспотико, и далее на восток знакомым путем, минуя Антипарос, на Парос.

В этот день мы в полной мере оценили, насколько прав был автор яхтенной лоции Род Хеккель, утверждая – и предупреждая, – что на Кикладах легко двигаться под парусами с севера на юг, но не наоборот. Весь день мы боролись со встречным ветром, идя в крутой бейдевинд. Я наивно полагал, что, пройдя пролив между островами Деспотико и Стронгили и повернув затем на девяносто градусов направо, мы будем иметь благоприятный боковой ветер. Ничего подобного! За поворотом ветер опять оказался встречным...

Швартовались к знакомому молу в Парикии уже на закате. Якорь на этот раз лег неудачно, толком не зацепившись за дно, что принесет массу беспокойства в ближайшем будущем. Начинало раздувать. Ветер дул с носа, грозя навалить выстроившиеся в ряд лодки кормой на бетонный мол. По левому борту от нас стояла здоровенная моторная яхта под американским флагом. Ее капитан, грек, взял нас под свое покровительство. Увидев, что наш якорь пополз, он предложил задать веревку с носа «Алкистиса» на нос его лодки.

Поскольку его «пароход» был раза в два длиннее нашей лодки и стоял надежно на своем якоре, такая веревка заменила нам неработающий якорь. Сначала мы использовали относительно тонкую веревку (чисто для страховки якоря), но потом дважды ее меняли на все более толстые концы.

Шторм разыгрался не на шутку, и мы застряли на Паросе на двое суток. Ночью пришлось выставить вахту. Стоять ее дело довольно противное. Хочется спать, делать особенно нечего, зябко на ветру. Ежишься да хлопаешь слипающимися глазами, время от времени поглядывая то на расстояние от кормы до бетонного причала, то на натянутый как струна носовой конец. Слушаешь непрерывный вой восьмибалльного ветра в снастях и со страхом ожидаешь в любой момент хлопка лопнувшей веревки. Непрерывная тревога заставляла постоянно придумывать какие-то, зачастую бредовые, «спасительные вещи». Поначалу пришла идея перешвартоваться внутрь небольшой гавани. Там не было места у причала, но можно было встать вторым рядом к кому-нибудь под бок. Мы даже договорились с капитаном одной из довольно причудливых больших лодок, что станем к нему, но в следующий момент опекающий нас капитан соседней моторной яхты категорически отсоветовал это делать:

– Вы не справитесь! Мотор может не выгresti против такого ветра. Стойте здесь, так безопаснее.

Насколько он был прав, мы уже могли незадолго до этого убедиться воочию, наблюдая – и пытаясь помочь – за швартовкой к нашему пирсу яхты с семейной немецкой парой.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

Женщина работала с брашпилем, вытравливая якорную цепь, мужчина, пытаясь подойти к причалу кормой, орудовал штурвалом и мотором, да еще должен был, изловчившись, бросить нам кормовой конец. Свирепый ветер с носа развернул яхту под сорок пять градусов к молу, насколько позволила якорная цепь, после чего кормовой конец полетел не на пирс, а в воду, и корма лодки с громким треском шваркнула о бетон...

После этого на «Алкистисе» решено было в первый раз поменять носовой конец на более толстый. При этом натяжение его производило удручающее впечатление. Не было никакой уверенности, что выдержит утка, на которую он был задан у нас на борту, и мы стали изобретать хитрое веревочное крепление, которое должно было распределить нагрузку между уткой и двумя лебедками.

Потом появился наш знакомый техник, чинивший генератор «Алкистиса» в наш предыдущий приход. Он вышел на воду на «зодиаке» с подвесным мотором и на ветру проделывал какие-то манипуляции, кажется, с чьими-то веревками. Дима Дериволков начал продвигать мысль о том, что надо с ним договориться, дабы он переложил наш якорь. Мне представилось это нереальным – вручную вытащить метров двадцать цепи и поднять якорь на легкую надувную лодку! – и идея была забракована.

В какой-то момент тот же Дмитрий Иванович приволок найденные где-то старые доски и стал подвешивать их к пирсу так, чтобы наша корма в случае чего уперлась бы не в бетон, а в них. Некоторые лодки все же куда-то спрятались, но большинство осталось на месте.

На вторую ночь произошел совершенно мистический случай. К концу моей вахты ветер начал вдруг стихать, и когда на смену мне в кокпит поднялся Дима Федотов, стало совершенно тихо. Я напутствовал его бодрой декларацией, что все наконец закончилось, и отправился спать. Наутро выяснилось, что затишье продолжалось ровно пятнадцать минут, после чего мелтеми задул с прежней силой.

– На этих островах совершенно непредсказуемый теплообмен! – передал мне Дима слова вахтенного с одной из соседних лодок, который среди других своих товарищей по несчастью убивал время ночного дежурства в беседах на пирсе.

Между тем надо было как-то с пользой проводить драгоценное отпускное время. Днем мы взяли на прокат (прямо здесь же, у причала) маленький автомобиль и, разбившись на две группы так же, как делали это на Фолегандрозе, предприняли поездку по острову. Я был во второй группе с Александром Ивановичем и Галей.

Была уже вторая половина дня, когда мы тронулись в путь в глубь острова. Первым пунктом в плане посещения стояла «долина бабочек». Аналогичную долину бабочек мы с Галей видели на Родосе. Здесь она была существенно меньше, но такая же зеленая, тенистая и влажная, и бабочки были такие же – невзрачно-пестрые, серые с белыми пятнами. По пути мы подъехали к ослепительно-белой большой импозантной греческой церкви, возведенной на высоком открытом месте, откуда открывалась широкая панорама на море, пролив между Паросом и Антипаросом и сам Антипарос.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

После долины бабочек направились на северо-восток через перевалы и обширные горные долины, намереваясь достичь северо-восточной оконечности острова, дабы посетить один из городков, расположенных там – например, Аузу. Однако, покрутившись по горным серпантинам, на одном из которых вдруг зазвонил мой телефон, были вынуждены повернуть с полпути в сторону Парикии, так как день явно клонился к закату. А телефон звонил в связи с тем, что один мой коллега, глядя на расписание занятий у нас на работе, почему-то подумал, что послезавтра я должен вести занятия, о чем и сообщил мне самым решительным и настойчивым образом. Он, конечно, ошибся, но ввел меня в некоторые сомнения. Впрочем, в любом случае, бросить лодку и мчаться очертя голову в Москву было немыслимо.

Наутро ветер несколько ослаб примерно до шести баллов, и мы решили, что, пополнив запасы пресной воды, можем двинуться дальше. Следующим пунктом программы был остров Делос. Прежде чем отчалить, мы совершили прощальную прогулку по городу, а я посетил портовую полицию, узнал прогноз погоды и поинтересовался, есть ли на Делосе где причалить на яхте? Дежуривший молодой полицейский задумался, потом проконсультировался у коллеги и сказал не очень уверенно, что там можно встать на якорь. С тем мы и покинули бухту Парикии, поставив паруса.

Быстро обнаружилось, что ветер все еще достаточно сильный и встречный. Волна тоже не маленькая. Дима некоторое время настаивал на парусном переходе в лавировку. Александр Иванович, которого совсем не укачивало, сидел в каюте над картой и занимался прокладкой курса. Минут через сорок у него в руках был железный аргумент против Диминой затеи. Конфигурация пройденного пути ясно показывала, что угол лавировки, который мог держать «Алкистис» на такой волне – восемьдесят градусов. Скорость по генеральному курсу получалась незначительной. Проще говоря, мы ходили туда-сюда – слева направо и справа налево, но почти не продвигались вперед. И идти-то было не так уж далеко – меньше двадцати миль, но против ветра скорость лодки и под мотором оказалась небольшой.

Впереди маячили, сливаясь в один силуэт, три острова – Миконос, Делос и Рини. Они постепенно приближались, и через несколько часов стали хорошо видны освещенные вечерним солнцем плотно стоящие вдоль берега домики на Миконосе. Однако туда мы не собирались, учитывая репутацию Миконоса, который представлялся вертепом гомосексуалистов. Гораздо позже я побывал и на этом острове и убедился, что наши опасения – плод предубеждения. Да, гомики там есть и их видно, но большинство все же нормальные туристы, а остров очень красив.

В общем, изучив карту, мы взяли левее по курсу, чтобы заночевать на острове Рини. Доступ на Делос открыт только в течение дня, как в нормальный музей, а дело уже шло к вечеру. На закате «Алкистис» вошел в южную бухту Рини. Остров абсолютно пустынный с сильно изрезанной береговой линией. В античные времена, как выяснилось, это был остров-кладбище и родильный дом. Поскольку на священном Делосе ни рожать, ни хоронить умерших не разрешалось, то для этого использовался соседний Рини, отделенный от Делоса нешироким проливом.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

Южная бухта, как и ожидалось, была защищена от волны, но ветер свистел в ней как в трубе. Надежно зацепиться якорем за дно удалось не с первого раза. Прежде чем мы улеглись спать, случилась еще одна неожиданная встреча. В бухту зашла яхта довольно пижонского вида. Особо обращало на себя внимание то, что вместо обычного белого якорного огня у них на топе мачты сверкал импульсный проблесковый. Яхта сделала круг по акватории и, по-видимому, не удовлетворившись качеством стояночного места, направилась назад к выходу. В полутьме мы увидели, что она несет российский флаг. Я тут же связался с ними по радио, и мы обменялись краткими приветствиями. Шли они чуть ли не из Лондона, насколько помню. Судя по всему, лодка была не чартерная, как у нас, а частная.

Кажется, в этот день или на следующий мы обнаружили два настораживающих факта. Во-первых, под пайолами (съемным полом салона) появилось довольно много воды, которую периодически откачивала автоматическая трюмная помпа. Собственно, время от времени возникающее жужжание этой помпы и побудило нас заглянуть под пайолы. Во-вторых, уровень пресной воды в цистернах, только что залитых под завязку, судя по индикатору стал заметно убывать. Первый факт навел на естественную мысль о наличии течи в корпусе лодки. Однако, попробовав воду из-под пайолов на язык, мы обнаружили, что она пресная. Чтобы сообразить в чем дело, много времени не потребовалось. Лодка имела два бака для пресной воды, которые переключались с помощью крана. Менеджер Георгий заявил мне при передаче лодки, что баки включены параллельно и ни о чем беспокоиться не нужно. Однако мы обнаружили, что для перехода на второй бак все же нужно было переключить кран, то есть они на самом деле не были включены параллельно. Теперь же стало ясно, что второй бак или его трубопровод течет. Ничего особо страшного, однако отныне рассчитывать можно было только на один бак пресной воды.

Ночь прошла без приключений, а утром мы двинулись на Делос. До него уже было рукой подать. Весь маневр вряд ли занял полчаса. Мы обогнули восточный мыс нашей бухты и оказались в проливе между Рини и Делосом. День был, как и накануне, ветреный. На рейде уже болталось несколько лодок на якорях. На Делосе наблюдались причал для малых экскурсионных теплоходов и административное строение на берегу. На дальнем конце пролив делился на два рукава расположенным посередине небольшим островком. Возле этого островка мы и стали пристраиваться на якорную стоянку, надеясь – впрочем, не слишком – слегка укрыться от ветра. С некоторым трудом и не с первого раза все же встали.

О том, чтобы оставить лодку на таком ветру речи быть не могло, поэтому поступили испытанным способом – разделились на две уже сложившиеся команды. Первыми на Делос на тузике отправились Лена и два Димы. Мы с Александром Ивановичем тем временем сели в салоне у карты и стали живо обсуждать детали нашего дальнейшего маршрута и так увлеклись, что на палубу я высунулся только минут через пятнадцать – проверить, все ли в порядке. Все было не в порядке. Нас тащило, причем настолько заметно, что люди с соседней яхты, стоящей на якоре, уже успели сесть в свой тузик и направиться нам на выручку. Очевидно, они решили, что на лодке никого нет. Пришлось снова запускать дизель и переключать якорь...

Вернувшись через два часа, наши экскурсанты сообщили, что обязательно надо паковать всю фото-, видео- и связную аппаратуру, а также себя самих в водонепроницаемую тару. Сами они были мокры с ног до головы. На берегу ими были обнаружены обширные развалины города и музей в закрытом помещении. Получалось, что за имеющиеся в нашем распоряжении два часа, можно посетить либо то, либо другое. Они выбрали музей и мало что успели увидеть в городе.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

Приняв к сведению полученную информацию, мы, соответствующим образом экипированные, сели в тузик и направились к берегу. Мелкая злая волна лупила по резиновым бортам лодочки, обдавая нас фонтанами брызг. Вода летела в лицо и, что самое неприятное, в глаза, которые приходилось постоянно протирать, размазывая соль по щекам. К счастью, до берега было недалеко. Мы с некоторым трудом вытащили тузик на неровный каменистый берег, после чего я отправился к кассе у причала, чтобы, как порядочный человек, купить билеты. Мне продали их без всяких замечаний и комментариев по поводу нашего бесцеремонного вторжения с моря прямо на музейную территорию.

Далее начался осмотр руин, поскольку решено было сосредоточиться именно на них, а в музей за недостатком времени не ходить. Мы поднялись по чаще городского театра с неважно сохранившимися рядами каменных сидений для зрителей, побродили между развалинами домов, осмотрели «дом Клеопатры», от которого сохранился атриум с мозаикой на полу, стены в человеческий рост, несколько колонн разной степени сохранности и пара статуй в одеждах, но без голов. Затем прошли мимо остатков храма Диониса с внушительными, хотя и не полностью сохранившимися, каменными фаллосами на высоких постаментах.

Главные храмы, посвященные Зевсу и Гере, находились на довольно высокой горе, и туда мы не полезли, зато прогулялись по аллее львов. Трудно сказать, насколько достоверно выглядели эти каменные звери пару тысяч лет назад. Сейчас они сильно повреждены выветриванием и больше похожи на гончих собак

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

У подножья горы примостились и храмы египетских богов – Осириса и Исиды. В позднеримские времена империя стремилась включить в свой пантеон всех провинциальных богов, не противопоставляя их исконно греко-римским.

Закончив осмотр, мы благополучно вернулись на «Алкистис», преодолев тучу брызг и вымокнув если не до нитки, то весьма основательно. Дальнейший наш путь лежал на остров Сирос. До местечка Финикас в глубине большой круглой бухты на юго-западном побережье острова было чуть больше двадцати миль. Мы преодолели их уже к вечеру. Солнце откровенно клонилось к закату, когда наша лодка оказалась на входе в бухту. Тут мы довольно горячо поспорили и Александром Ивановичем, как и куда нужно входить. В результате выяснилось, что спор был пустяковым, то есть речь шла о том, правым или левым бортом обойти островок, торчащий на самом входе.

Вскоре мы приблизились к пирсу, все места у которого были заняты, чего, впрочем, и следовало ожидать вечером. Несмотря на настойчивые жалобы Лены, которая почему-то была уверена, что место у причала найти можно (стоит только захотеть!), пришлось бросить якорь посреди акватории и на берег добираться на тузике в три захода. Финикас оказался тихим маленьким местечком, даже не курортным. С трудом перетащив тузик через гряду камней, торчащих из воды у самого берега, мы оставили его на гальке. Огляделись. Рядом загон с домашней птицей, хозяйственные постройки – как всегда здесь, каменные, беленые, и целая стая кошек под большим деревом на берегу. Наш берег уже в тени от ближайшей горки, за которую закатилось солнце, зато противоположный еще ярко освещен. Непривычно тихо. Совсем нет ветра, и вода превратилась в зеркало. Я направился на причал осмотреться и изучить обстановку. Там обнаружился душ. Стоило это удовольствие три евро с человека. Плату принимал веселый молодой парень, дежуривший на причале.

Московский BAZAR, № 1 (26) 2018 г.

– У вас будет самый чистый экипаж в Эгейском море! – заметил он, получив от меня деньги за троих и выписывая квитанцию. Выяснилось, что тут можно и заправить лодку пресной водой (у нас в баках опять пусто), но это уже утром, если удастся подойти к причалу. Кстати, о воде. Сегодня на переходе обнаружили воду... у нас в шкафу в каюте. В нижней части шкафа был такой добротный клеенный из фанеры карман. Он замечательно держал попавшую в него воду. Наверное, налило через неплотно закрытый верхний люк во время вчерашнего беспокойного перехода. Вычерпали два ведра...

После душа самое время найти хорошую таверну и завалиться туда на ужин! Среди десятка домов, составляющих Финикас, таверна нашлась-таки метрах в ста от места нашей высадки, на выезде из местечка. Там мы и осели за мусакой, салатом из тунца и красным вином. Возвращались уже в темноте по все такой же тихой воде. Вечерних посиделок на борту не было. Все завалились спать.

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2018